

Министерство образования и науки Российской Федерации
Байкальский государственный университет экономики и права

**СИБИРСКИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Сборник научных трудов

Выпуск 1 (5)

Иркутск
Издательство БГУЭП
2014

УДК 343(06)

ББК 67.408

С34

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права

Редакционная коллегия: д-р юрид. наук, проф. А.А. Протасевич (отв. ред.), д-р юрид. наук, проф. И.В. Смолькова (науч. ред.), д-р юрид. наук, проф. И.Г. Смирнова, канд. экон. наук, доц. В.Н. Китаева (отв. секр.)

С34 Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : сб. науч. тр. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. — Вып. 1 (5). — 260 с.

ISBN 978-5-7253-2746-5

Сборник подготовлен кафедрами уголовного процесса и прокурорского надзора, криминалистики и судебных экспертиз Байкальского государственного университета экономики и права. В него включены статьи по уголовному процессу, криминалистике, судебной экспертизе ведущих российских ученых, а также аспирантов, магистрантов.

Предназначается для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических факультетов.

ББК 67.408

ISBN 978-5-7253-2746-5

© Издательство БГУЭП, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Бурдина Е.В.</i> Квалификационная аттестация как гарантия компетентности судей	6
<i>Буфетова М.Ш.</i> Проблемы определения правового статуса секретаря судебного заседания в уголовном процессе	14
<i>Зеленская Ю.Е.</i> Процессуальные особенности заявления, рассмотрения и разрешения ходатайств и жалоб в российском уголовном судопроизводстве	20
<i>Егерева О.А.</i> Проблемы определения цели доказывания в уголовном судопроизводстве	29
<i>Каландаришвили Х.А.</i> Уголовно-процессуальные фикции: понятие, признаки и виды	32
<i>Колесник И.Д., Лукошкина С.В.</i> К вопросу о процессуальном статусе и компетенции судебного эксперта	39
<i>Корнакова С.В.</i> Логические средства достижения достоверных знаний в процессе расследования преступлений	47
<i>Коршакевич Н.Г.</i> Истечение сроков давности уголовного преследования. Происхождение, правовая сущность	56
<i>Литвинцева Н.Ю.</i> К вопросу о свидетельском иммунитете близких родственников	62
<i>Лукошкина С.В.</i> К вопросу об иммунитете омбудсмена в российском уголовном судопроизводстве	71
<i>Мазюк Р.В.</i> О влиянии французского Кодекса уголовного расследования 1808 года на российский Устав уголовного судопроизводства 1864 года (к 150-летию Устава)	77
<i>Москаленко Л.А.</i> Значение иных процессуальных действий на этапе приостановления предварительного следствия	87

<i>Попова Л.Р., Лукошкина С.В.</i> К вопросу об иммунитетах в уголовном судопроизводстве	93
<i>Родивилина В.А.</i> Применение видеозаписи при производстве следственных действий: практические рекомендации.....	102
<i>Самсонова О.А., Гармаев Т.Д.</i> Оглашение в судебном заседании показаний свидетеля, потерпевшего: проблемы правоприменения	109
<i>Смирнова И.Г., Маркович М.М.</i> Актуальные вопросы экстрадиции в современном уголовном судопроизводстве: через призму общественного мнения	117
<i>Смолькова И.В.</i> Контроль и запись телефонных переговоров как следственное действие	125
<i>Сорокин Г.В.</i> Становление и развитие уголовно-процессуального законодательства, регулировавшего получение показаний обвиняемого в дореволюционной России.....	137
<i>Шалыкина О.С.</i> Порядок, способы и условия хранения вещественных доказательств в российском уголовном судопроизводстве	146

КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Асатрян Х.А., Асатрян А.А.</i> Международное взаимодействие правоохранительных органов в борьбе с фальшивомонетничеством, совершенным организованными преступными группами	155
<i>Боровских Р.Н.</i> Актуальные направления совершенствования криминалистических мер противодействия преступлениям в сфере страхования	162
<i>Виноградова М.А., Кряжев В.С.</i> Проблемы и особенности взаимодействия правоохранительных органов Российской Федерации и стран СНГ в целях противодействия незаконному обороту наркотических средств	171
<i>Власова С.В.</i> К вопросу о допросе свидетеля по делам экстремистской направленности.....	181
<i>Гайков Д.Г.</i> Мотивация насильственных преступлений сексуального характера, совершаемых несовершеннолетними	190

<i>Гиндулин Р.Х., Егерова О.А.</i> Особенности осмотра места происшествия при расследовании незаконного оборота наркотиков	198
<i>Егерова О.А., Леонтьев Л.В.</i> Особенности осмотра места происшествия при расследовании ДТП	205
<i>Кобец П.Н.</i> О роли специальных технических средств и их применении в процессе раскрытия экономических и налоговых преступлений в современной России.....	213
<i>Кряжев В.С.</i> Значение криминалистической характеристики преступлений террористической и экстремистской направленности в методике их расследования.....	221
<i>Кряжев В.С., Никулина Н.Ю.</i> Проверка сообщений о преступлениях в сфере экономики, совершенных организованными группами	226
<i>Хилюта В.В.</i> Проблемы привлечения лица к ответственности на основании разъяснения уполномоченного органа в праве Беларуси ..	240

ОТЗЫВЫ. РЕЦЕНЗИИ

<i>Смирнова И.Г.</i> Отзыв официального оппонента о диссертации Рожкова Дмитрия Геннадьевича «Обеспечение разумного срока уголовного производства в суде первой инстанции», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук (специальность 12.00.09 — уголовный процесс)	248
--	-----

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.162
ББК 67.410.2

Е.В. Бурдина

КВАЛИФИКАЦИОННАЯ АТТЕСТАЦИЯ КАК ГАРАНТИЯ КОМПЕТЕНТНОСТИ СУДЕЙ

В статье рассматривается механизм квалификационной аттестации судей. На основании международно-правовых стандартов и зарубежного опыта делается вывод о направлениях совершенствования судейской аттестации.

Ключевые слова: судья, органы судейского сообщества, квалификационная аттестация судей, компетентность, квалификационные коллегии судей.

E.V. Burdina

QUALIFYING ATTESTATION OF JUDGES AS A GUARANTEE COMPETENCE OF JUDGES

The article considers the mechanism of judicial qualifying attestation. On the basis of international legal standards and international experience, the author identifies ways to improve qualification procedures.

Keywords: judge, bodies of the judiciary, qualifying attestation of judges, competence, judicial qualification colleges.

Между аттестацией судей и уровнем их профессиональной компетентности существует прямая связь. Значение аттестации судей заключается в ее гарантирующем действии, способствующей поддержанию высокого уровня профессиональной компетентности судей, без чего цели правосудия не могут быть достигнуты.

Успешное прохождение аттестации с присвоением более высокого квалификационного класса рассматривается как мотивационный фактор повышения квалификации, как фактор продвижения судей в так называемой «зарплатной карьере» [3, с. 183], что, наряду с административной, профессиональной и инстанционной, составляет направления профессионального роста судьи. Учет взаимосвязи аттестации судей, присвоения им классовых чинов и развития карьеры судей представляется особенно важным при стабильности судейского корпуса. Присвоение классовых чинов есть сильный мотивационный фактор профессионального роста, поддержания своей компетенции на высоком уровне, поскольку стимулируется ростом судейской зарплаты. Для действенности такой стимуляции необходим механизм действительно объективной оценки, поощряющей судей к продвижению в карьере на основе их объективных показателей.

Следует обратить внимание на обновление в 2012–2013 гг. нормативной базы, определяющей порядок проведения аттестации. В Российской Федерации вместо устаревших норм Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 13 мая 1993 г. № 4960-1 «Об утверждении Положения о квалификационных коллегиях судей и Положения о квалификационной аттестации судей» приняты новые нормы, которыми очерчен механизм проведения квалификационными коллегиями оценки профессиональных и деловых качеств действующих судей [2].

В силу ч. 1 ст. 20.2 Закона о статусе судей квалификационной аттестацией судьи признается оценка уровня его профессиональных знаний и умения применять их при осуществлении правосудия, результатов судебной деятельности, деловых и нравственных качеств судьи и соответствия его требованиям, предъявляемым указанным Законом и кодексом судейской этики.

Учитывая значение профессиональной оценки действующих судей для продвижения их в карьере, в международно-правовых документах содержатся основные принципы ее проведения. Так, согласно ст. 58 Рекомендации Комитета Министров Совета Европы CM/Res (2010) 12 «О независимости, эффективности и ответственности судей» от 17 ноября 2010 г. в тех случаях, когда государства создают системы для оценки судей, такие системы должны основываться на объективных критериях, которые должны

быть опубликованы. Процедура аттестации должна позволять судьям выразить свое мнение об их деятельности и мероприятий по аттестации, а также сам процесс оценки должен проходить перед независимым органом или судом.

Правила проведения оценки судей содержатся и в Европейской хартии о законе «О статусе судей» (Лиссабон, 10 июля 1998 г.), п. 4.1 которой гласит: «Если система продвижения по службе не основана на трудовом стаже, то она строится исключительно на качествах и достоинствах, проявляемых при выполнении обязанностей, возложенных на судью, посредством объективной оценки, проводимой одним или несколькими судьями и обсуждаемой с заинтересованным судьей. Решения о повышении в должности затем выносятся независимым органом или по его предложению, или с его согласия. Судьи, не продвигаемые по службе, должны иметь право на подачу жалобы в указанный орган».

Тем самым в качестве требований к проведению аттестации международно-правовыми актами называются следующие:

- 1) установление объективных критериев оценки;
- 2) проведение объективной процедуры оценки, которая обсуждается с судьей;
- 3) участие в вынесении решения о прохождении аттестации органа судейского сообщества.

Взгляды на эффективность действующего механизма аттестации расходятся. Так, с одной стороны, среди практических и научных работников высказываются мнения «о сугубом формализме и автоматизме квалификационной аттестации» [4, с. 26]. С другой стороны, акцентируется внимание на успешности указанной деятельности квалификационных коллегий с точки зрения статистических данных о присуждении более высокого класса и оставлении судей в прежнем классе (в 2011 г. из 6 108 представлений и заявлений о присвоении более высоких классов квалификационные коллегии судей удовлетворили 5 928) [4, с. 26]. По мнению А.В. Абсалямова, «действующий порядок квалификационной аттестации не требует существенной ревизии» [1, с. 177].

Полагаем, что аттестация судей, осуществляемая квалификационными коллегиями судей, нуждается в совершенствовании по следующим двум основным направлениям:

1. Первое направление совершенствования российского механизма аттестации судей связано с отсутствием в нем четко обозначенных и опубликованных критериев оценки [5, с. 108], а также методики проведения оценки.

По сути, таковыми критериями служат общие формулировки представления о самой аттестации, закрепленной в ст. 20.2 Закона о статусе судей, а именно: уровень профессиональных знаний судьи, умения применять их при осуществлении правосудия, результаты судебной деятельности, деловые и нравственные качества судьи и соответствие их требованиям, предъявляемым указанным Законом и Кодексом судейской этики. Однако фактически критериями успешной аттестации и присвоения квалификационного класса являются три условия: занимаемая должность, стаж и опыт работы, а также результаты профессиональной деятельности. Выводы о соблюдении данных условий квалификационные коллегии делают, анализируя представление соответствующего председателя суда и приложенные к представлению документы, в числе которых согласно п. 11 ст. 20.2 Закона о статусе судей названы следующие:

1) справка, содержащая персональные данные и сведения о трудовой деятельности судьи, представляемого к квалификационной аттестации;

2) характеристика, содержащая оценку профессиональной деятельности, деловых и нравственных качеств судьи, представляемого к квалификационной аттестации;

3) справка о количестве рассмотренных судебных дел за период, прошедший со дня последней аттестации, а для вновь назначенных судей и судей, назначенных на должность судьи в суд другого уровня, по которой предусматривается присвоение более высокого квалификационного класса, — со дня назначения на должность;

4) справка о количестве судебных дел, рассмотренных с нарушением процессуальных сроков, количестве отмененных или измененных судебных актов с указанием причин нарушения сроков и причин отмены или изменения судебных актов.

Названные справки учитывают строго формальные данные, которые имеются в учетных показателях деятельности суда. Соответственно методика оценки не предполагает ознакомление

членов квалификационных коллегий с процессуальными документами, выносимыми судьей, с навыками судьи по ведению судебных заседаний, что могло бы быть направлено на выявление сильных и слабых сторон деятельности судей, способствовать улучшению профессиональных навыков. Формальный характер оценки дополняется и формальным подходом к вынесению решения о прохождении аттестации, которое выносится в большинстве случаев без личного присутствия судьи на заседании квалификационной коллегии.

Кроме того, критерии оценки не дифференцированы в отношении судей и руководителей судов, занимающих административные должности. Из сути аттестации следует, что оценка не затрагивает административную составляющую статуса судьи, что, полагаем, неверно.

Оценка профессиональных и деловых качеств судей на основании в большей части формальных статистических данных, на наш взгляд, не способствует дополнительной мотивации судей к самообразованию и постоянному развитию. Установленные порядок и условия квалификационной аттестации судей обнаруживают во многом формальный характер оценки, что предопределяет разработку объективных критериев, позволяющих оценивать профессиональные и деловые компетенции судьи комплексно с использованием более широкого для этих целей спектра методов.

При этом результаты аттестации могут быть использованы не только для повышения судьи в квалификационном классе, но и для целей последующего роста в карьере, для определения программ повышения квалификации судьи, для улучшения администрирования судами.

2. Второе направление совершенствования механизма аттестации судей предполагает закрепление процедуры оценки квалификации судьи, которая должна включать следующие элементы: принципы оценки, субъекты оценочной деятельности, порядок оценки, ознакомление судьи с результатами оценки, представление оценочных материалов квалификационной коллегии и вынесение ею решения, возможность его обжалования.

Согласно рекомендациям, содержащимся в международно-правовых документах, оценку профессиональных компетенций судьи может проводить один или несколько судей, а также при

избыточности функций органа судейского сообщества — созданные им комиссии.

В зарубежном законодательстве находим разные подходы к определению механизмов квалификационной оценки.

Так, в Литве при оценке деятельности судей в комплексе оцениваются профессиональная деятельность судьи и его личные качества. Процедура оценки деятельности судей устанавливается Советом судей с учетом принципов правовой определенности и эффективности. Правовые акты, регулирующие оценку деятельности судей, закрепляют ясно и исчерпывающим образом: периодичность оценки деятельности судей; методологию, продолжительность и порядок оценки деятельности судей; критерии оценки деятельности судей; методы получения данных, необходимых для оценки деятельности судей.

Оценку деятельности судей осуществляет постоянная комиссия по оценке деятельности судей при Судебном совете (далее — аттестационная комиссия). Аттестационная комиссия формируется на срок полномочий Совета судей из семи членов: три из них должны быть не судьи. Четыре члена комиссии избираются из числа судей Советом судей, три назначаются Президентом республики. Председатель аттестационной комиссии избирается Советом судей из числа членов аттестационной комиссией. Деятельность аттестационной комиссии обеспечивается администрацией национальных судов.

Судья, деятельность которого подвергается оценке, должен быть ознакомлен под расписку с результатами оценки его деятельности.

Судья вправе обжаловать результаты его аттестации в Судебный совет.

В Болгарии аттестация судей осуществляется на основе следующих критериев: правовые знания и навыки их осуществления; умения анализировать соответствующие факты; навыки по оптимальной организации работы; эффективность и дисциплина; своевременность; количество вынесенных и отмененных актов и их причины; результаты проверок инспекции Высшего судебного совета; общий объем нагрузки в соответствующем регионе и нагрузка на судью по сравнению с другими судьями из того же су-

дебного органа; соблюдение графика судебных заседаний; умение вести судебное заседание и составлять протокол.

Периодическая оценка руководителей судов и их заместителей охватывает как оценку их организационных способностей, так и оценку их квалификации в качестве судьи.

Критериями оценки руководителей судов являются: умение работать в команде и распределение задач; способность принимать правильные управленческие решения; поведение, которое повышает престиж судебной власти; умение общаться с гражданами, представителями государственных органов и юридических лиц.

Комиссия по предложениям и аттестации судей, прокуроров и следователей, созданная Высшим судебным советом, проводит аттестацию судей, подготавливает комплексную оценку, которая принимается Высшим судебным советом.

При этом, учитывая большой объем работы по объективной оценке профессиональных качеств судьи, в проведении периодической оценки судей участвуют соответствующие аттестационные комиссии, которые создаются в вышестоящих судах. При периодической оценке аттестационные комиссии судов и Комиссия по предложениям и аттестации проверяют делопроизводство, протоколы по завершенным производством судебным делам за период аттестации, могут заслушать судью, а также собрать дополнительную информацию о показателях для оценки. После процедуры оценки Комиссия по предложениям и аттестации подготавливает комплексную оценку, которая может быть положительной или отрицательной. Степенями положительной комплексной оценки являются «удовлетворительно», «хорошо», «отлично». Оценка должна быть мотивированной, а также содержать рекомендации.

Судья, не согласный с оценкой, может в семидневный срок подать письменное возражение в Высший судебный совет.

С учетом зарубежного опыта аттестации судей и масштабы объема работы квалификационных коллегий судей следовало бы обсудить возможность образования в вышестоящих судах, начиная с уровня областного и равного ему суда, аттестационных комиссий, которые могли бы формироваться из судей этих судов по жребию и утверждаться квалификационными коллегиями судей, а также в обязательном порядке включать в свой состав

руководителя суда. К полномочиям указанных комиссий можно было бы отнести проведение оценки профессиональных компетенций судей путем всестороннего изучения и анализа не только статистических и иных данных о его работе, но и процессуальных документов, навыков проведения судебных заседаний, организационных навыков, принимая во внимание его участие в научно-педагогической деятельности, деятельности органов самоуправления. Материалы, подготовленные аттестационными комиссиями, должны передаваться в квалификационную коллегию судей для принятия решения.

Таким образом, для повышения уровня квалификации судей необходимо модернизировать механизм их квалификационной аттестации, уделяя особое внимание критериям оценки судей, процедурам, позволяющим достичь объективной оценки, а также организации квалификационных коллегий, исключающей проявления административного влияния и необъективности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абсалямов А.В. О некоторых вопросах квалификационной аттестации судей / А.В. Абсалямов // Квалификационные коллегии судей: вчера, сегодня, завтра. — М. : Высш. квалификац. коллегия судей РФ, 2012. — С. 173–180.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования системы оплаты труда судей Российской Федерации, а также признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 25 дек. 2012 г. № 269-ФЗ // Российская газета. — 2012. — 28 дек.; Положение о порядке работы квалификационных коллегий судей, утвержденное Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации 22 марта 2007 г. (в ред. от 25.01.2013 г.) [Электронный ресурс] // Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации : [сайт]. — Режим доступа: <http://www.vkks.ru> (дата обращения: 20.02.2014).

3. Кайгородов А.А. Квалификационная аттестация как фактор профессионального роста судьи / А.А. Кайгородов // Квали-

фикационные коллегии судей: вчера, сегодня, завтра. — М. : Высш. квалификац. коллегия судей РФ, 2012. — С. 181–192.

4. Кузнецов В.В. Квалификационные коллегии судей: в интересах судебной власти и общества / В.В. Кузнецов // Квалификационные коллегии судей: вчера, сегодня, завтра. — М. : Высш. квалификац. коллегия судей РФ, 2012. — С. 11–34.

5. Фомина Е.В. Проблемы правового регулирования квалификационной аттестации судей / Е.В. Фомина // Российское правосудие. — 2013. — № 8. — С. 106–109.

Информация об авторе

Бурдина Елена Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 430000, г. Саранск, ул. Полежаева, 44/4, e-mail: elenburdina@yandex.ru.

Information about the author

Burdina Elena Vladimirovna — candidate of law science, assistant professor of the Chair of Civil Law and Process, Ogarev Mordovia State University, Poleshaeva st., 44/4, Saransk, 430000, e-mail: elenburdina@yandex.ru.

УДК 343.137.9

ББК 67.410.213.82

М.Ш. Буфетова

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА СЕКРЕТАРЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья рассматривает проблемы правового статуса секретаря судебного заседания в российском уголовном процессе. Особое внимание уделено анализу норм, регламентирующих обязанности секретаря судебного заседания. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правового статуса секретаря судебного заседания.

Ключевые слова: уголовный процесс, секретарь судебного заседания, участники уголовного судопроизводства, протокол судебного заседания.

M.Sh. Bufetova

THE PROBLEM OF DETERMINING THE LEGAL STATUS OF THE SECRETARY OF THE COURT SESSION IN THE CRIMINAL PROCESS

The article considers the problems of the legal status of the Secretary of the court session in the Russian criminal process. Special attention is paid to the analysis of the rules governing the duties of the Secretary of the court session. The conclusion about the necessity of further improvement of the legal status of the Secretary of the court session.

Keywords: a criminal trial, the court clerk, the participants in the criminal proceedings, the court records.

Реформирование отечественного уголовно-процессуального законодательства существенно изменило процедуру уголовного судопроизводства. Получил разрешение спорный вопрос об определении участника процесса. Участники процесса, имеющие самостоятельный или представляемый интерес, разделены на стороны обвинения и защиты. Тем не менее проблема становления и формирования процессуального положения «государственных служащих» в судопроизводстве, существовавшая всегда, сохранилась и доньше. И в настоящее время существует определенная неясность в правовом статусе секретаря судебного заседания [3, с. 229].

Так, ст. 245 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1] размещена в гл. 35 «Общие условия судебного разбирательства», в разд. II «Участники уголовного судопроизводства» в гл. 9 «Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве» включена лишь ст. 68 УПК РФ «Отвод секретаря судебного заседания», но в иных главах разд. II УПК РФ упоминание о секретаре судебного заседания отсутствует. Анализ данного раздела УПК РФ показывает противоречие логики законодателя: с одной стороны, секретарь не причислен к участникам уголовного судопроизводства, но с дру-

гой стороны, отвод секретаря возможен как участника уголовного судопроизводства.

Кроме того, в соответствии со ст. 304 УПК РФ во вводной части приговора наравне с другими участниками уголовного судопроизводства указываются и данные о секретаре судебного заседания.

Таким образом, правовой анализ ст. 68, 245, 259 и 304 УПК РФ позволяет сделать однозначный вывод о том, что секретарь судебного заседания является участником уголовного судопроизводства.

В УПК РФ предусмотрены полномочия секретаря судебного заседания в части составления протокола судебного заседания (ст. 245, 259, 372), проверки явки в суд вызванных лиц (ст. 245, 262), определен порядок отвода (ст. 61, 62, 68) [3, с. 229–230].

Л.Н. Башкатов и Б.Е. Безлепкин правильно считают, что до начала судебного заседания проверка явки участников судебного разбирательства секретарем судебного заседания носит технический, внепроцессуальный характер. В подготовительной части, т. е. уже в процессе, лишь оглашаются результаты проверки. Но когда результаты проверки протоколируются, тогда они и приобретают важное процессуальное значение. В зависимости от них с учетом мнения явившихся в судебное заседание решается процессуальный вопрос — о продолжении судебного разбирательства или об его отложении [4, с. 416].

Аналогично обстоит дело с обязанностью секретаря судебного заседания извещать лиц, участвующих в деле, о времени и месте судебного заседания путем направления судебных повесток. Неявка лиц вследствие их ненадлежащего извещения является основанием для отложения судебного разбирательства. Кроме того, действия секретаря судебного заседания по вызову сторон в судебное заседание являются частью стадии подготовки уголовного дела к судебному разбирательству, что позволяет отнести указанные действия, выполняемые секретарем судебного заседания, к процессуальным.

Но, несомненно, главным процессуальным действием, выполняемым секретарем судебного заседания, является изготовление и подписание протокола судебного заседания (ст. 259 УПК РФ) [3, с. 234].

Как верно отмечает Л.А. Прокудина, протокол судебного заседания имеет большое значение, поэтому его содержание, порядок составления и форма должны точно соответствовать требованиям закона. Данные, зафиксированные в протоколе, используются судом для обоснования вынесенных по делу судебных постановлений. Лица, участвующие в деле, используют данные протокола в своих целях, например, для подтверждения доводов, положенных в основу исковых требований, возражений на иск, заявлений о нарушении процессуальных прав, о невыполнении процессуальных обязанностей участниками процесса и т. п. Вышестоящий суд по протоколу судебного заседания проводит проверку правильности судебного разбирательства и постановлений суда первой инстанции. Протокол судебного заседания, являясь одним из основных процессуальных документов, должен быть изложен полно, четко, в той последовательности, в которой проводится судебное разбирательство, и, в частности, должен отражать: сведения о лицах, явившихся в судебное заседание, о разъяснении экспертам и переводчикам их прав и обязанностей, об установлении порядка исследования доказательств, изложение вопросов, заданных судом и лицами, участвующими в деле, полученных на них ответов, данные об оглашении показаний отсутствующих лиц, имеющихся в деле документов, которые были представлены для обозрения, и о выполнении иных действий [5, с. 100].

Закон требует от секретаря полно и правильно излагать в протоколе действия и решения суда, а равно действия участников судебного разбирательства, имевшие место в ходе судебного заседания (ст. 259 УПК РФ). Вместе с тем закон не содержит ответственности секретаря за нарушение данной нормы. В частности, дисциплинарная ответственность может быть предусмотрена за нарушение правил ст. 259 УПК РФ (правила ведения протокола судебного заседания).

Вместе с тем правовой статус секретаря судебного заседания в УПК РФ до конца не определен. В ст. 245 УПК РФ «Секретарь судебного заседания» содержит описание двух основных обязанностей секретаря судебного заседания: ведение протокола судебного заседания и проверка явки в суд лиц, которые должны участвовать в судебном заседании. Также данная статья указывает

ет, что по поручению председательствующего секретарь судебного заседания осуществляет другие действия, предусмотренные УПК РФ. В данной статье отсутствует определение (дефиниция) данного процессуального лица, отсутствует описание его прав и ответственности.

Помимо обязанностей секретаря судебного заседания, так или иначе выражены в нормах ст. 259, 262, 266, 304, 326, 327, 328, 389.13, 389.34, 412.10, 401.13 УПК РФ. Ни одна из указанных статей не содержит полного перечня обязанностей секретаря судебного заседания. В данных статьях также отсутствует регулирование прав и ответственности секретаря судебного заседания. Следовательно, нельзя говорить о том, что УПК РФ регулирует именно правовой статус секретаря судебного заседания, так как правовой статус предполагает не только выполнение обязанностей, но и включает права, а также ответственность.

В соответствии со ст. 326–328 УПК РФ, после назначения судебного заседания по распоряжению председательствующего помощник судьи осуществляет отбор кандидатов в присяжные заседатели. Секретарь судебного заседания или помощник судьи проводит проверку наличия предусмотренных федеральным законом обстоятельств, препятствующих участию лица в качестве присяжного заседателя в рассмотрении уголовного дела. По завершении отбора кандидатов в присяжные заседатели секретарь судебного заседания или помощник судьи составляет и подписывает предварительный список присяжных для участия в рассмотрении уголовного дела [3, с. 231].

Отбор кандидатов, несомненно, является важным процессуальным действием, поскольку согласно п. 2 ст. 381 УПК РФ вынесение вердикта незаконным составом присяжных заседателей является безусловным основанием для отмены или изменения судебного решения.

В соответствии с УПК РФ данные действия может выполнять и секретарь судебного заседания, но представляется правильным отнести эту обязанность исключительно к компетенции помощника судьи, так как секретарю судебного заседания, главной обязанностью которого является изготовление протокола судебного заседания по каждому конкретному делу и который вследствие этого всегда находится в состоянии цейтнота, весьма

сложно одновременно заниматься отбором и составлением предварительного списка кандидатов в присяжные заседатели. Вряд ли верно отождествлять процессуальные обязанности этих двух участников. Роль помощника судьи является более ответственной, и его обязанности не могут быть делегированы секретарю. А.П. Шурыгин прав в том, что судебная практика рассмотрения дел с участием коллегии присяжных заседателей показала, что отбор присяжных заседателей с учетом сложности этого процесса должен осуществляться специально выделенным опытным работником аппарата суда — помощником судьи [6].

Таким образом, анализ норм УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что в нем отсутствует легальное определение такого участника уголовного судопроизводства, как секретарь судебного заседания. Более того, нормы, регулирующие обязанности секретаря разрознены и разбросаны по всему кодексу, отсутствует описание прав и обязанностей.

Следует согласиться с мнением А.А. Васяева о том, что статус секретаря судебного заседания следует закрепить «в соответствующей главе УПК РФ, посвященной статусу лиц, осуществляющих вспомогательные функции в уголовном процессе, то есть в главе 8 УПК РФ «Иные участники уголовного судопроизводства» [2, с. 47].

Необходимо законодательно закрепить правовой статус секретаря судебного в вышеуказанной главе, дать понятие данного участника уголовного судопроизводства, определить его права, обязанности и ответственность, что должным образом позволит регламентировать компетенцию секретаря судебного заседания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. федер. закона от 3 февр. 2014 г. № 7-ФЗ) // СЗ РФ. — 2001. — № 52 (ч. 1). — Ст. 4921.
2. Васяев А.А. К вопросу о статусе секретаря судебного заседания / А.А. Васяев // Администратор суда. — 2007. — № 4. — С. 46–48.
3. Волобуева Е.А. К вопросу о процессуальном статусе секре-

таря судебного заседания и помощника судьи как участников уголовного судопроизводства / Е.А. Волобуева // Вестник СамГУ. — 2010. — № 3 (77). — С. 229–236.

4. Комментарий к УПК РФ / под ред. Л.Н. Башкатова, Б.Е. Безлепкина [и др.]. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : ТК Велби : Проспект, 2008. — 672 с.

5. Прокудина Л.А. Секретарь судебного заседания: современный статус и перспективы совершенствования деятельности (российский и зарубежный опыт) / Л.А. Прокудина // Современное право. — 2009. — № 9. — С. 100–103.

6. Шурыгин А.П. Комментарий к Постановлениям Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам / А.П. Шурыгин // СПС «Гарант».

Информация об авторе

Буфетова Марьям Шамильевна — кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: maryamf@list.ru.

Information about the author

Bufetova Maryam Shamiliyevna — candidate of law science, associate professor of the chair of criminal procedure and criminalistics, Baikal State University of Economics and Law, 664003, Lenin st., 11, Irkutsk, e-mail: maryamf@list.ru.

УДК 343.156.7(470)

ББК 67.410.2(2Рос)

Ю.Е. Зеленская

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАЯВЛЕНИЯ, РАССМОТРЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ ХОДАТАЙСТВ И ЖАЛОБ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с заявлением, рассмотрением и разрешением ходатайств и жалоб в российском

уголовном судопроизводстве, анализируется круг участников процесса, которые вправе заявлять ходатайства, рассматриваются требования, предъявляемые к содержанию и форме заявления ходатайств и жалоб, а также основания отказа их удовлетворения.

Ключевые слова: ходатайства, жалобы, обжалование, заявление ходатайств и жалоб, рассмотрение ходатайств и жалоб.

Y.E. Zelenskaya

REMEDIAL FEATURES STATEMENTS, REVIEW AND PERMITS COMPLAINTS AND PETITIONS IN CRIMINAL JUSTICE IN RUSSIA

This article highlights some issues, associated with the application, review and resolution of complaints and petitions in russian criminal justice, the analyzed circle of participants in the process, entitled to file petitions, the considered the requirements of the content, form application requests and complaints, as well as the grounds for refusal their satisfaction.

Keywords: petitions, complaints, appeal, statement petitions and complaints, considered petitions and complaints.

Создание правового государства в Российской Федерации предполагает наличие крепкой и стабильной законодательной базы, способствующей обеспечению и защите прав и законных интересов личности. В настоящее время в уголовном судопроизводстве сформирован правовой институт ходатайств и жалоб, который занимает особенное положение в системе процессуальных средств, ориентированных на обеспечение задач уголовного судопроизводства. Права и свободы человека в уголовном судопроизводстве, являясь первостепенным объектом охраны со стороны государства, дополнительно обеспечиваются механизмами восстановления в случае их нарушения посредством рассмотрения ходатайств и жалоб, заявленных участниками процесса, чьи права и законные интересы были нарушены. Ходатайства и жалобы как две формы процессуального обращения к государственным органам и должностным лицам, ведущим производство по уголовному делу, являются ведущими инструментами в защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Ин-

ститут жалоб и ходатайств в одинаковой мере служит процессуальным средством приведения в действие и следственного, и судебного механизмов гарантий прав участников при производстве по делу.

Социально-правовое назначение института ходатайств и жалоб в уголовном судопроизводстве достаточно велико: во-первых, они способствуют установлению фактических и иных обстоятельств совершения преступления; во-вторых, обеспечивают надлежащую охрану их прав, свобод и законных интересов; в-третьих, содействуют правильному применению норм уголовного закона и соблюдению надлежащей правовой процедуры в ходе предварительного расследования преступления и судебного разбирательства уголовного дела; в-четвертых, ходатайства и жалобы сторон способствуют устранению следственных и судебных ошибок, количество которых в нашей стране, к сожалению, еще достаточно велико.

Законодатель не случайно объединил в один правовой институт нормы, регламентирующие подачу жалоб и ходатайств в уголовном судопроизводстве. И жалобы, и ходатайства представляют собой разновидность правовых средств защиты участниками процесса своих процессуальных интересов. И то, и другое есть юридическая форма выражения волеизъявления субъекта права, который вступает в процессуальные отношения с органом, ведущим уголовное дело.

В гл. 15 УПК РФ закреплены нормы, регламентирующие порядок заявления и рассмотрения ходатайств. Право на обжалование процессуальных действий и решений предусмотрено в качестве принципа уголовного судопроизводства (ст. 19 УПК РФ). Одной из характерных черт обжалования в уголовном судопроизводстве, в том числе и на досудебном этапе, является свобода обжалования, вытекающая из конституционных положений о государственной защите прав и свобод человека и гражданина, о праве граждан обжаловать решения и действия органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (ст. 45, 46 Конституции РФ).

В соответствии со ст. 46 Конституции РФ каждый гражданин имеет право на судебную защиту своих прав и свобод. Применительно к уголовному судопроизводству это конституцион-

ное положение воплощается в праве на обжалование тех процессуальных актов, которые принимаются или реализуются как на досудебном этапе производства по делу, так и в судебных стадиях. Обжалованию могут быть подвергнуты действия и решения широкого круга государственных органов и должностных лиц. Исключением являются решения, обжалование которых ограничено уголовно-процессуальным законом, к таким относятся решения: о порядке исследования доказательств, об удовлетворении или отклонении ходатайств участников судебного разбирательства, о мерах обеспечения порядка в зале судебного заседания, за исключением постановлений о наложении денежного взыскания (ч. 5 ст. 355 УПК РФ).

В ст. 5 УПК РФ «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе» понятия «жалоба» и «ходатайство» не разъясняются. В литературе ходатайствам придается различный по объему, более или менее широкий смысл. В общеупотребляемом смысле ходатайство определяется как официальная просьба «о ком-чем и за кого-что» [1, с. 215]. В Юридическом энциклопедическом словаре понятие «ходатайство» толкуется в двух значениях: первое — общетеоретическое: «официальная просьба или представление, адресованные государственным органом или общественной организацией в вышестоящие инстанции», второе — уголовно-процессуальное: «официальная просьба о совершении процессуальных действий или принятии решений, обращенная к органу дознания, следователю, прокурору, судье или суду» [2, с. 298].

В Словаре русского языка В.И. Даля жалоба определяется как «действие того, кто жалуется; простое изъявление неудовольствия, ропот; просьба на обиду, словесная и письменная» [3, с. 334]. Обычно в научной литературе жалобу определяют через понятие акта возражения или реагирования, производимого заинтересованным участником уголовного процесса в связи с нарушением его прав действиями, решениями органов, осуществляющих уголовное судопроизводство. Так, ряд авторов утверждают, что жалоба есть обоснованное возражение участника процесса, принесенное на действие (бездействие) уполномоченного должностного лица или органа, поданное в установленном законом порядке в устной или письменной форме. По мнению

С.В. Бородина, жалоба — это обращение участника уголовного судопроизводства к уполномоченному лицу по поводу нарушения его прав и охраняемых интересов с просьбой об их восстановлении [4, с. 106]. По моему мнению, в этом определении сужен круг лиц, имеющих право на обжалование, так как такое право предоставлено и лицам, не являющимся участниками процесса, но права, которых нарушены или ограничены в ходе судопроизводства. Поэтому наиболее полным является, на мой взгляд, определение, данное П.А. Лупинской: «Жалоба — обращение к должностному лицу, ведущему судопроизводство, или в суд по поводу нарушения прав и законных интересов субъекта уголовного процесса или иного лица, чьи права и интересы нарушены решением или действием должностного лица или суда» [5, с. 418].

Согласно ст. 123 УПК РФ участники уголовного судопроизводства могут обжаловать действия и решения государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, только в той части, в которой производимые уголовно-процессуальные действия или принятые процессуальные решения затрагивают их интересы. Таким правом обладает и защитник субъекта, который не является подозреваемым, обвиняемым, в случае обыска в его помещении, защитник, присутствующий на допросе свидетеля и других лиц [6, с. 76].

Практически всеми участниками уголовного судопроизводства в установленном процессуальном законе порядке могут быть обжалованы действия (бездействия) и решения органов дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора, суда.

В любой момент производства по уголовному делу жалоба подается конкретному должностному лицу, в производстве которого находится уголовное дело, или через него, либо непосредственно вышестоящему должностному лицу. В определенных случаях законом установлены сроки подачи жалобы. Так, например, апелляционные и кассационные жалобы и представления — в течение 10 суток с момента провозглашения судебного решения.

В соответствии со ст. 356 УПК РФ при нарушении заявителем сроков жалоба остается без рассмотрения. Процессуальный закон в некоторых случаях ограничивает право участников уго-

ловного судопроизводства на содержание жалобы. Согласно ст. 44, 54, 216 УПК РФ гражданский истец (гражданский ответчик) и его представитель могут обжаловать итоговое судебное решение не в полном объеме, а только в части вопросов разрешения заявленного гражданского иска.

Жалоба может заявляться как в письменной, так и в устной форме. Для принятия к производству жалобы и рассмотрения ее по существу не является препятствием неточность или нечеткость формулировок, в ней содержащихся.

В случаях, указанных в уголовно-процессуальном законе, к содержанию жалоб предъявляются определенные требования. Так, согласно ст. 363, 375, 404 УПК РФ соответствующим требованиям должны отвечать апелляционные, кассационные, надзорные жалобы и представления. При несоблюдении требований для заявителя наступают отрицательные уголовно-процессуальные последствия, а именно оставление жалобы без рассмотрения.

Подозреваемые и обвиняемые, находящиеся под стражей, могут подавать жалобы непосредственно дознавателю, следователю, руководителю следственного органа, прокурору или судье либо направлять им жалобы через администрацию места содержания под стражей. Согласно ст. 126 УПК РФ администрация незамедлительно направляет прокурору или в суд адресованные им жалобы подозреваемого (обвиняемого), находящегося под стражей.

Иногда законодатель устанавливает, что ходатайство может быть заявлено в четко определенный момент производства по делу (ст. 271 УПК РФ). Например, заявление и разрешение ходатайств о вызове новых свидетелей, экспертов, специалистов, об истребовании вещественных доказательств и документов или об исключении доказательств, полученных с нарушением требований норм УПК РФ в подготовительной части судебного заседания допускается только после разъяснения судом прав участников судебного разбирательства. Согласно ч. 2 ст. 377 УПК РФ заявление ходатайств при рассмотрении дела судом кассационной инстанции может иметь место после открытия председательствующим судебного заседания.

Обычно ходатайство должно быть мотивированным, исключение составляют те случаи, когда особого обоснования ходатайства не требуется, поскольку оно явствует из самого его содержа-

ния, например, ходатайство обвиняемого о приглашении защитника. Однако следователь, дознаватель, судья могут предложить участнику процесса обосновать или уточнить заявленное им ходатайство. На практике имеют место отклонения ходатайств как немотивированных, необоснованных, что приводит к ограничению процессуальных прав заявителей. Факты неправильного и «псевдомотивированного отказа» [7, с. 44] при рассмотрении ходатайств есть следствие ошибочного решения, устранить которые впоследствии весьма трудно.

Важными в определении ходатайств являются указание на лиц, имеющих право подачи таковых, форма обращения, предмет ходатайства. Данные моменты выделяются мною по следующим причинам. Указание на субъектов, имеющих право на ходатайство, необходимо для того, чтобы не было необоснованного сокращения круга лиц, имеющих доступ к этому средству защиты прав. Форма обращения определяет порядок разрешения ходатайств, гарантирует принятие по ним решения. Упоминание о цели ходатайств в определении важно для того, чтобы отделить ходатайства от сходных форм обращения — заявления, жалобы и т. д.

Исходя из этого представляется наиболее полным определением, данное П.А. Лупинской: «Ходатайствами в уголовном процессе являются письменные или устные обращения субъектов уголовного процесса, а также иных лиц, чьих прав и интересов непосредственно касаются действия или решения в уголовном процессе, с просьбой о производстве процессуальных действий с целью выяснения обстоятельств, имеющих значение для установления истины по делу, принятия решения для обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство, или иных лиц» [8, с. 62].

Итак, ходатайство представляет собой один из важных элементов уголовно-процессуальной деятельности, подчиненный, как и вся эта деятельность, строгому правовому регулированию. Указанные в законе участники уголовного судопроизводства — это субъекты права, их действия по заявлению, рассмотрению и разрешению ходатайств, представляют собой реализацию права или исполнение обязанностей, т. е. образуют уголовно-процессуальные правоотношения. С этой точки зрения такие действия являются системой данных правоотношений между субъ-

ектами, имеющими право на заявление ходатайств, и субъектами, уполномоченными на их рассмотрение и разрешение. Единственным основанием для отказа в удовлетворении ходатайства может быть отсутствие связи между обстоятельствами, об установлении которых ходатайствует участник процесса, и предметом доказывания по данному уголовному делу. Ни суд, ни следователь, ни дознаватель не могут отказать в удовлетворении ходатайства о выяснении каких-либо обстоятельств дела ввиду того, что эти обстоятельства уже достаточно установлены, ибо заявитель может иметь в виду не только подтверждение, но и опровержение ранее исследованных обстоятельств либо их уточнение, а также дополнительное подкрепление их новыми доказательствами.

В какой-то мере жалобы и ходатайства уравнивают возможности сторон на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства. «Право жалобы» относится к процессуальным гарантиям прав участников уголовного судопроизводства, иных лиц и организаций, чьи права оказались ограниченными или нарушенными органами уголовного преследования и судами.

Право на жалобу, ходатайство или на иное обращение с волеизъявлением к органу, ведущему уголовное дело, как процессуальное явление составляет неотъемлемую часть правопорядка. Поэтому необходимо говорить о праве на жалобу, ходатайство как об универсальном средстве установления в сфере уголовного судопроизводства баланса интересов, как частного, так и публичного. Процессуальный институт ходатайств и жалоб — это такое средство, в котором процессуальный статус участника уголовного судопроизводства находит основную гарантию своего реального обеспечения. Конечно, нельзя упускать из виду и другую — публичную — сторону института ходатайств и жалоб. Ведь жалобы и ходатайства инициируют контрольно-проверочную деятельность компетентных государственных органов, ведущих уголовное судопроизводство. Жалобы и ходатайства приводят в движение контрольно-проверочную деятельность компетентных государственных органов, ведущих уголовное судопроизводство.

Значение ходатайств и жалоб в уголовном судопроизводстве трудно переоценить. Правильная регламентация заявления и рассмотрения жалоб и ходатайств имеет чрезвычайно важное значение не только для теории, но и для практической деятельности в

сфере уголовного процесса, ибо способствует неукоснительному соблюдению конституционных прав и свобод человека и гражданина.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Божьев В.П. Уголовный процесс : учебник / В.П. Божьев. — М. : Юрайт, 2002. — 258 с.

2. Гриненко А.В. Псевдомотивированный отказ в удовлетворении ходатайств на предварительном следствии / А.В. Гриненко // Уголовное право. — 2000. — № 4. — С. 44–46.

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. — М. : Рус. яз., 2002. — Т. 1. — 580 с.

4. Лебедев В.М. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. — М. : Лекс Эст, 2002. — 249 с.

5. Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2009. — 1072 с.

6. Лупинская П.А. Ходатайства и жалобы // Проблемы кодификации уголовно-процессуального права : сб. ст. — М. : Норма, 1987. — 167 с.

7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов ; под общ. ред. Л.И. Скворцова. — 24-е изд., испр. — М. : ООО «Изд. дом «ОНИКС XXI век», 2008. — 396 с.

8. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев. — М. : Сов. энцикл., 1984. — 415 с.

Информация об авторе

Зеленская Юлия Евгеньевна — адъюнкт кафедры уголовного процесса, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664047, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, тел. 41-07-49, e-mail: zelul@yandex.ru; научный руководитель и рецензент — И.В. Смолькова, зав. кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора БГУЭП, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

Zelenskaya Yuliya Evgenevna — graduate student, Department of Criminal Procedure, East-Siberian Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, 664047, Irkutsk, Lermontov st., 110, tel. 41-07-49, e-mail: zelul@yandex.ru; scientific director and re-viewer — I.V. Smolkova, Professor of Criminal Procedure and Criminalistics BSUEL, Doctor of Law, Professor.

УДК 343.1

ББК 67.410.2

О.А. Егерова

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦЕЛИ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ*

В статье автор делает акцент на проблемы определения цели доказывания в современном уголовном судопроизводстве. Анализируя российское уголовно-процессуальное законодательство, он обращает внимание на ряд положений законодательства, которые регламентируют вопросы достижения истины в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: доказывание, истина, процессуальная истина, материальная истина, цель доказывания.

О.А. Egereva

PROBLEMS OF DEFINITION OF THE PURPOSE OF PROOF IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article focuses on the problem of determining the purpose of proof in modern criminal proceedings. Analyzing the Russian criminal procedure law, the author draws attention to a number of legal provisions that regulate the issues of arriving at the truth in criminal proceedings.

* Материал подготовлен в рамках выполнения проекта «Повышение эффективности уголовного судопроизводства по делам о киберпреступлениях для обеспечения национальной безопасности» в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук (Конкурс — МД-2014) на 2014–2015 гг.

Keywords: proof, truth, truth procedural, material truth, the purpose of proof.

УПК РФ ставит под сомнение необходимость установления истины по уголовным делам. Следовательно, «истина», достигаемая в российском уголовном процессе, весьма условна. Некоторые ученые полагают, что в обязанность государственных органов и должностных лиц, осуществляющих расследование и суда, уже не вменяется принятие всех предусмотренных законом мер для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела [3, с. 323]. Однако мы разделяем позицию других авторов, которые считают, что УПК РФ содержит и ряд положений, которые убеждают нас в том, что законодатель закрепил и другое направление правоприменительной деятельности в уголовном процессе [2, с. 125]. Оно ориентировано на установление объективной (материальной) истины и зафиксировано в следующих нормах процессуального закона:

1) законодатель исключает возможность вынесения обвинительного приговора, основанного на предположениях (ч. 4 ст. 14 УПК РФ);

2) предварительное расследование может производиться по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей в целях обеспечения его полноты, объективности (ч. 4 ст. 152 УПК РФ);

3) выделение уголовного дела в отдельное производство допускается, если это не отразится на всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела (ч. 2 ст. 154 УПК РФ);

4) все приговоры должны быть не только законными, но и обоснованными (ст. 297 УПК РФ). Обоснованность же мыслится как истинность в материальном смысле — иначе не было бы смысла отделять ее от законности;

5) выводы суда как о виновности (обвинительный приговор), так и о невиновности подсудимого (оправдательный приговор) должны быть основаны на доказательствах (ч. 3 ст. 305 и ч. 2 ст. 307 УПК РФ);

6) стороны вправе заявлять в судебном заседании возражения в связи с содержанием напутственного слова председательст-

вующего по мотивам нарушения им принципа объективности и беспристрастности (ч. 6 ст. 340 УПК РФ).

Совокупность перечисленных в ст. 73 УПК РФ обстоятельств в самом общем виде составляет фактическую основу объективной истины, устанавливаемой по уголовному делу.

Следовательно, в свете расширения диспозитивных и состязательных начал судопроизводства в УПК РФ предусмотрено наличие двух взаимоисключающих вариантов: необходимости достижения в уголовном процессе материальной истины и возможности ограничиться при принятии решений достижением процессуальной (формальной) истины [4, с. 5]. Выходит, как верно замечено В.А. Азаровым, в законе закреплена официальная альтернатива, могущая послужить причиной формирования системы двойных стандартов доказывания [1, с. 15].

Существующий в законе «дуализм» оказал, на наш взгляд, негативное влияние на правоприменителя. Как показывают результаты исследования, 84,2 % следователей, 58,7 % адвокатов и 76,6 % судей считают целью доказывания в уголовном судопроизводстве установление объективной истины, а 11,8, 35,0 и 18,2 % соответственно считают возможным ограничиться установлением процессуальной истины.

В силу вышеизложенного требуется возвращение категории «истина» в уголовно-процессуальное законодательство. Поэтому предлагаем ст. 85 УПК РФ дополнить частью второй следующего содержания: «Доказывание осуществляется с целью установления объективной истины путем всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азаров В.А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: двойные стандарты в установлении истины? / В.А. Азаров // Вестник Томского университета. Сер. Экономические, Юридические науки. — 2003. — № 4. — С. 15–16.

2. Доля Е.А. К вопросу об истине в уголовном судопроизводстве России / Е.А. Доля // Российский следователь. — 2011. — № 22. — С. 124–139.

3. Рудакова С.В. О принципе объективной истины / С.В. Рудакова // Закон и судебная практика : сб. науч. ст. ученых-юристов Краснодар. края и Респ. Адыгея. — Краснодар : Изд-во Краснодар. юрид. ин-та МВД России, 2002. — С. 321–324.

4. Свиридов М.К. Состязательность и установление истины в уголовном судопроизводстве / М.К. Свиридов // Правовые проблемы укрепления российской государственности. — Ч. 10 : Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : сб. ст. / под ред. Ю.К. Якимовича. — Томск, 2002. — С. 3–12.

Информация об авторе

Егерова Олеся Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и судебных экспертиз, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, тел. 24-00-14.

Information about the author

Egereva Olesya Aleksandrovna — Candidate of Law, Associate Professor of Department of criminology and legal expertise of the Baikal State University of Economics and Law, 664003, Irkutsk, Lenin st., 11, phone 24-00-14.

УДК 343.13(470)

ББК 67.410.2.(2Рос)

Х.А. Каландаришвили

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФИКЦИИ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ВИДЫ

В статье анализируются особенности использования юридических фикций в российском уголовно-процессуальном судопроизводстве, а также раскрывается сущность юридической фикции, рассматриваются признаки и виды юридических фикций.

Ключевые слова: юридическая техника, прием юридической техники, юридическая фикция, признаки юридической фикции, виды юридической фикции.

**CRIMINAL PROCEDURAL FICTION:
CONCEPT, CHARACTERISTICS AND TYPES**

The article analyzes the characteristics of the use of legal fictions in the Russian criminal procedural proceedings, as well as the essence of the legal fiction, discusses the signs and types of legal fictions.

Keywords: legal technique, acceptance of legal technique, a legal fiction, features and species legal fiction.

Юридические фикции представляют собой
наиболее возвышенное и совершенное
применение поэзии к праву.

М. Чассан

В теории права под юридической фикцией понимается несуществующее положение, признанное в законодательном порядке существующим и ставшее в силу этого общеобязательным [5, с. 109].

В процессуальных отраслях права фикции используются в интересах повышения эффективности юридических средств, с их помощью конструируется «несуществующая условная правовая реальность» [4, с. 448], замещающая необходимые для правоотношений, но не существующие в объективной реальности обстоятельства.

В качестве примера юридической фикции можно привести такую правовую конструкцию, как «государство». Невозможно представить современную систему права, как национальную, так и международную, без этого краеугольного понятия. Но если поставить себе задачу найти в материальном мире объект, именуемый государством, ничего не выйдет. Что такое государство? Это территория, на которой проживает население? Это само население? Это органы власти, регулирующие жизнь населения на этой территории? Всё это только признаки государства, которые в своей совокупности и дают представление о том, какими чертами должен обладать первичный и основной субъект международных и национальных правоотношений, именуемый государством. Но

для юридической науки в конечном счете важно лишь то, что этот объект определен и поименован, а правовые процедуры, участником которых он выступает, регламентированы.

Правовые фикции характерны не только для российской системы права, но известны и правовым системам других государств. Так, например, Положение № 11 УПК Федеративной Республики Германии о подсудности в отношении немецких чиновников за границей устанавливает, что «в отношении граждан ФРГ, на которых не распространяется юрисдикция иностранных государств, а также федеральных или земельных чиновников, занятых за границей, сохраняется подсудность по месту жительства, которое они имели на территории ФРГ. Если они не имели такого места жительства, их местом жительства считается резиденция федерального правительства» [9, с. 4]. Таким образом, подсудность и подсудность преступлений, совершенных государственными служащими ФРГ, не имеющих регистрации по месту жительства на территории Германии, определяются по месту нахождения резиденции федерального правительства, где они фактически никогда не проживали.

Рассматривая фикцию в рамках теории права как технико-юридический прием, можно предположить, что это заведомо не соответствующее действительности обстоятельство, которое, тем не менее, признается существующим, а его опровержение — логически необоснованным.

Традиционно в юридической литературе правовую фикцию определяют посредством свойств, ей присущих, таких как: императивный, т. е. неоспоримый характер, не предусматривающий случаев иного толкования нормы права; невосполнимый характер обстоятельств, регулируемых правовой фикцией. Объектом правовой фикции являются те обстоятельства, которые находятся в состоянии невосполнимой неизвестности, т. е. не могут быть восполнены никаким образом; сопоставимый правовой статус со статусом юридического факта, при этом самим юридическим фактом юридическая фикция являться не может, а лишь заполняет появившуюся в правоотношении «неизвестность» [5, с. 71–72].

Кроме перечисленных, в юридической литературе выделяются и другие свойства правовой фикции. Так, М.Л. Давыдова выделяет «намеренно деформирующий характер» фикций [1,

с. 251]. Это свойство раскрывается автором следующим образом: во-первых, фикция искусственно приравнивает такие обстоятельства и понятия, которые в действительности различны, а в реальном мире могут быть и противоположны. Во-вторых, фикция может признавать реальными несуществующие обстоятельства либо отрицать существующие. В-третьих, по ее мнению, известны случаи, когда с помощью фикции можно признать существующими обстоятельства до того, как они появились на самом деле, либо отрицать наличие факта уже существующего обстоятельства [1, с. 250].

В теории права считается, что правовые фикции наиболее распространены в гражданско-правовой сфере, в частности в гражданском судопроизводстве, однако нормы-фикции в не меньшей степени характерны и для уголовно-процессуального права.

Примером фикции в рамках уголовно-процессуального права может служить положение, содержащееся в ч. 2 ст. 2 УПК РФ, устанавливающее, что к территории Российской Федерации приравнивается пространство воздушного, морского или речного судна, идущее под флагом Российской Федерации и приписанное к соответствующему порту. Судно в данном случае приобретает условный статус, с помощью которого определяется подсудность и подсудность преступления, совершенного на этом судне. Независимо от того, где совершено преступление — на территории России или на территории иностранного государства, в воздушном пространстве, открытом море или в космическом пространстве, — виновный в этом преступлении находится в сфере уголовной юрисдикции российского государства, уголовное дело по поводу данного преступления возбуждается, расследуется, рассматривается и разрешается судом на территории Российской Федерации по правилам, установленным УПК РФ [7, с. 265].

Другим примером уголовно-процессуальной фикции будет являться особый субъектный состав правоотношения, возникающий из причинения вреда террористическим актом. Согласно ч. 1 ст. 18 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [7, с. 30] компенсационные выплаты физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в

результате террористического акта, осуществляет государство в порядке, установленном Правительством РФ. Признание государства гражданским ответчиком по делам о терроризме, по моему мнению, может быть также приведено в качестве примера фикции. На государство возлагается обязанность по возмещению материального вреда, характерная для виновного лица, однако причинно-следственной связи между действиями государства или отдельных его органов и наступившими общественно-опасными последствиями при совершении террористического акта установить невозможно, но обязанность по возмещению вреда императивно возложена на государство, т. е. на субъект, не совершавший преступления.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что юридическая фикция как технико-юридический прием всегда обладает императивно-деформирующим характером. Это делает его весьма опасным приемом для любой отрасли права, тем более для уголовно-процессуального права, основными задачами которого являются защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод.

Стоит также заметить, что некоторые виднейшие специалисты в области уголовно-процессуального права высказывались крайне негативно еще об одном, как представляется, куда менее спорном приеме юридической техники, как презумпция. Так, В.Д. Спасович писал: «Юридическая презумпция суть вообще зло, которое следует всячески избегать. Законоведение опирается на костыли, называемые предположениями, только тогда, когда оно не в состоянии разрешить вопрос прямо и естественно, а должно разрубить его наугад и искусственно» [8, с. 177]. Думается, что подобная оценка указывает на проблему «искусственности» и некой «надуманности» любых приемов юридической техники. Но не следует забывать и то, что и фикции, и презумпции существуют уже не одну тысячу лет (Римское право, Законы Хаммурапи), а срок их существования сравним со сроком существования самого права. Презумпции и фикции, направленные на защиту прав участников уголовного судопроизводства, не могут повредить ни системе законодательства, ни людям, в отношении

которых они применяются. Опасными становятся те приемы юридической техники, которые посягают на права, законные интересы и свободы граждан.

Представляется, что «разумность» и «необходимость» также должны быть признаны в теории права как обязательные признаки фикции, выражающиеся в наличии ее рационального обоснования, вытекающего из специфики соответствующего общественного отношения.

Представленные выше примеры правовых фикций подтверждают точку зрения о том, что для уголовно-процессуального права как публичной отрасли также характерно наличие юридических фикций. И так как уголовный процесс регулирует одну из наиболее важных сфер общественных отношений, связанную с признанием лиц виновными в совершении наиболее опасных правонарушений — преступлений, властно-императивный метод правового регулирования в данном случае требует четкой и продуманной разработки норм данной отрасли. Для уголовно-процессуального законодательства России юридическая фикция, скорее всего, останется нежелательным приемом юридической техники, необходимость факта существования которого, скорее всего, еще не раз будет ставиться под сомнение. Но невозможно отрицать существование невосполнимых пробелов, и тот факт, что устранение их (любым способом) существенно упрощает и организует жизнь общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давыдова М.Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники : дис. ... д-ра юрид. наук / М.Л. Давыдова. — Волгоград, 2010. — 421 с.

2. Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридическо-го быта, относимых к случаям применения фикций. Юридические фикции и презумпции / Г.Ф. Дормидонтов // Вестник гражданского права. — 2011. — № 1. — С. 217–269.

3. Курсова О.А. Юридические фикции современного российского права: сущность, виды, проблемы действия / О.А. Курсова // Проблемы юридической техники / под ред. В.М. Баранова. — Н. Новгород : НОРМА, 2000. — 512 с.

4. Общая теория права : курс лекций / под ред. В.К. Бабаева. — Н. Новгород, 1993. — 256 с.
5. Панько К.К. Фикции в уголовном праве и правоприменении / К.К. Панько. — Воронеж : Истоки, 1998. — 135 с.
6. Смирнов А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. — М. : Проспект, 2012. — 965 с.
7. СЗ РФ. — 2006. — № 11. — Ст. 1146.
8. Спасович В. Обзор решений гражданского кассационного департамента правительствующего Сената по вопросам гражданского и торгового права за вторую половину 1871 года и первую половину 1872 года / В. Спасович // Журнал гражданского и уголовного права. — 1873. — Кн. 2. — С. 164–199.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии [Электронный ресурс] // URL: [http://www.pravo.org.ua/files/_\(1\).pdf](http://www.pravo.org.ua/files/_(1).pdf).

Информация об авторе

Каландаришвили Христина Александровна — аспирант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, тел. 24-25-42, e-mail: konsuelo1919@mail.ru; научный руководитель и рецензент — И.В. Смолькова, зав. кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора БГУЭП, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

Kalandarishvili Khristina Aleksandrovna — Ph.D. student, Chair of Criminal Process and procurator's supervision Baikal State University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, tel. 24-25-42, e-mail: konsuelo1919@mail.ru; scientific director and reviewer — I.V. Smolkova, Professor of Criminal Procedure and Criminalistics BSUEL, Doctor of Law, Professor.

УДК 343.1
ББК 67.410.213.82

**И.Д. Колесник
С.В. Лукошкина**

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СТАТУСЕ И КОМПЕТЕНЦИИ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА

В данной статье анализируются понятие эксперта, его компетенции, права, обязанности и ответственность. Выявляются имеющиеся недостатки и предпринимаются попытки усовершенствования действующего законодательства в области экспертной деятельности.

Ключевые слова: судебный эксперт, судебная экспертиза, права, обязанности и компетенции эксперта.

**I.D. Kolesnik
S.V. Lukoshkina**

BY THE ISSUE OF LEGAL STATUS AND COMPETENCE OF COURT EXPERT

This article examines: the concept of expert, his competence, rights, duties and responsibilities. Identified shortcomings and attempts to improve current legislation in the field of expert activities.

Keywords: forensic, forensics, rights, duties and competence of the expert.

Судебный эксперт — это лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное судом в порядке, установленном процессуальным законодательством (ст. 57 УПК; ст. 79 ГПК) для производства судебной экспертизы и дачи заключения.

Судебные экспертизы производятся экспертами государственных и негосударственных экспертных учреждений, сотрудниками неэкспертных учреждений, частными экспертами либо иными специалистами, закон не требует, чтобы судебная экспертиза в обязательном порядке выполнялась сотрудниками государственных экспертных учреждений [6, с. 211]. В качестве экс-

перта может быть вызвано любое лицо, обладающее необходимыми для дачи заключения знаниями.

При этом, согласно ст. 12 ФЗ ГСЭД, государственным судебным экспертом может быть только аттестованный сотрудник государственного судебно-экспертного учреждения, а именно: судебно-экспертных учреждений Минобороны России; экспертно-криминалистических подразделений МВД России; судебно-экспертных учреждений Минюста России; судебно-экспертных учреждений Минздравсоцразвития России; экспертных подразделений ФСБ России и других государственных судебно-экспертных учреждений, создаваемых в порядке, определенном ФЗ ГСЭД, федеральными органами исполнительной власти или органами исполнительной власти субъектов РФ [4].

Судебные экспертизы, согласно ст. 41 ФЗ ГСЭД, могут производить и иные лица, обладающие специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющиеся государственными судебными экспертами. Такими судебными экспертами могут быть:

1) пенсионеры, в прошлом сотрудники государственных экспертных учреждений;

2) частные эксперты-профессионалы, у которых эта деятельность является основной;

3) эксперты — сотрудники негосударственных судебно-экспертных учреждений;

4) сотрудники неэкспертных организаций, являющиеся специалистами в необходимой области знания.

Все без исключения эксперты обладают объективной и субъективной компетенцией. При этом компетенция эксперта всегда рассматривается в двух аспектах: во-первых, это круг полномочий, права и обязанности эксперта, которые определены процессуальным кодексом. Во-вторых, это комплекс знаний в области теории, методики и практики судебной экспертизы определенного рода, вида [5, с. 26].

Под объективной компетенцией понимают объем знаний, которыми должен владеть эксперт, под субъективной компетенцией — степень, в которой конкретный эксперт владеет этими знаниями. Субъективная компетенция определяется его образовательным уровнем, специальной экспертной подготовкой, стажем

экспертной работы, опытом в решении аналогичных экспертных задач, индивидуальными способностями. Согласно ст. 13 ФЗ ГСЭД, компетентность государственного судебного эксперта проверяется и удостоверяется экспертно-квалификационными комиссиями [4].

ФЗ ГСЭД определяет права и обязанности судебного эксперта. Согласно ст. 17 ФЗ ГСЭД, эксперт вправе [6, с. 149]:

1) ходатайствовать перед руководителем соответствующего государственного судебно-экспертного учреждения о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения;

2) делать подлежащие занесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления по поводу неправильного истолкования участниками процесса его заключения или показаний;

3) обжаловать в установленном законом порядке действия органа или лица, назначивших судебную экспертизу, если они нарушают права эксперта.

Необходимость в предоставлении эксперту права ходатайствовать перед руководителем экспертного учреждения о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов обусловлена целым рядом факторов:

1) при производстве многообъектной экспертизы число однородных объектов исследования может быть столь велико, что экспертное исследование невозможно выполнить в установленный срок;

2) еще до начала экспертизы или уже в ходе ее производства выясняется, что необходимо применить методы, которыми сам эксперт не владеет, или использовать приборы и оборудование, отсутствующие в данном экспертном учреждении, т. е. речь идет о комплексном исследовании;

3) в ходе исследования или до его начала эксперт понимает, что часть вопросов может быть решена только при производстве комплексной экспертизы;

4) эксперт решает воспользоваться правом расширить перечень вопросов, имеющих значение для доказывания (законодатель предоставляет это право эксперту в соответствующих статьях

процессуальных кодексов), на которые могут быть даны ответы, но при этом ему может понадобиться помощь других экспертов.

Обязанности эксперта достаточно хорошо прописаны в п. 6 ч. 3 ст. 57 и ч. 5 ст. 199 УПК, а также в ч. 1 ст. 85 ГПК. В ст. 16 ФЗ ГСЭД дан исчерпывающий перечень случаев, когда эксперт вправе отказаться от производства экспертизы, а именно: если поставленные вопросы выходят за пределы его специальных знаний, а также в случаях, если представленных ему материалов недостаточно для дачи заключения.

Отдельно остановимся на независимости судебного эксперта. В ст. 7 ФЗ ГСЭД законодатель подчеркивает, что при производстве судебной экспертизы эксперт независим от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела [4], т. е. фактически важнейшей стороной независимости эксперта является его процессуальная самостоятельность, которая гарантируется порядком назначения и производства судебной экспертизы, а также обеспечивается возможностью его отвода. Является ли судебный эксперт государственным экспертом, сотрудником негосударственного экспертного учреждения или частным экспертом, он дает заключение от своего имени и несет за данное им заключение личную ответственность.

Судебный эксперт независим в выборе методов, средств и методик экспертного исследования, необходимых, с его точки зрения, для изучения данных конкретных объектов экспертизы. Руководитель экспертного учреждения может рекомендовать эксперту воспользоваться тем или иным методом, средством, применить ту или иную методику, однако право выбора остается за экспертом.

Воздействие на эксперта со стороны лиц, участвующих в деле, и иных лиц не допускается. Лица, виновные в оказании воздействия на эксперта, подлежат уголовной ответственности (ст. 302 УК РФ) [1].

Независимость судебного эксперта обуславливается, кроме того, одинаковым уровнем требований к профессиональной подготовке государственных и негосударственных экспертов. В ст. 13 ФЗ ГСЭД устанавливается порядок определения уровня профессиональной подготовки экспертов и аттестации их на пра-

во самостоятельного производства судебной экспертизы [4]. С этой целью в ряде федеральных органов исполнительной власти созданы и функционируют экспертно-квалификационные комиссии. Причем через каждые пять лет эксперт должен подтверждать уровень своего профессионализма в указанных комиссиях. К сожалению, пока эти комиссии производят аттестацию и выдают квалификационные свидетельства только государственным судебным экспертам данного ведомства. Реальная независимость эксперта возможна только при условии единых квалификационных требований к государственным судебным экспертам всех ведомств, судебным экспертам негосударственных экспертных учреждений и частным экспертам. Это возможно при законодательном закреплении условий осуществления негосударственной судебно-экспертной деятельности, предусматривающем создание независимых вневедомственных экспертно-квалификационных комиссий, единых для государственных и негосударственных судебных экспертов.

Следует учитывать, что реальная независимость негосударственных судебно-экспертных учреждений, частных экспертов, несмотря на то, что многие из них именуют себя независимым, далеко не всегда имеет место. В некоторых случаях экспертный вывод может находиться в прямой зависимости от суммы гонорара за проведенное исследование. Представляется, что некорректно называть судебные экспертизы, производимые в негосударственных экспертных учреждениях, независимыми, а частных экспертов – независимыми экспертами, поскольку отсюда следует, что в государственных экспертных учреждениях выполняют независимые экспертизы.

ФЗ ГСЭД предоставляет судебному эксперту право делать заявления. Заявления — это официальное обращение гражданина или нескольких лиц в государственный орган или орган местного самоуправления, администрацию учреждения, организации или к должностному лицу, не связанное, в отличие от жалобы, с нарушением его прав и законных интересов и не содержащее просьбы устранить такое нарушение, а направленное на реализацию прав и интересов заявителя или на устранение тех или иных недостатков в деятельности предприятий, учреждений, организаций. Заявление может быть подано в письменной или устной форме [5, с. 95].

Отметим, что свои возражения эксперт может изложить в процессе его допроса следователем и судом (ст. 205, 282 УПК). При этом, согласно ч. 6 ст. 166 УПК, эксперт имеет право делать подлежащие внесению в протокол следственного действия замечания о его дополнении и уточнении. Все внесенные замечания о дополнении и уточнении протокола должны быть оговорены и удостоверены его подписью [2]. Однако формально, согласно действующему уголовно-процессуальному закону, эксперту не предоставлено право делать заявления, эти возражения заявлением не являются и могут быть оставлены без рассмотрения. К тому же инициатива в производстве допроса эксперта принадлежит следователю или суду.

Эксперт не вправе изложить свои возражения по поводу неправильного истолкования его заключения или показаний при допросе в виде ходатайства, поскольку, согласно процессуальному законодательству, он может заявлять ходатайства только о предоставлении дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов. Обжаловать неправильное истолкование заключения эксперт также не может, поскольку его права как эксперта не ограничиваются.

Таким образом, во-первых, нормы законов должны быть откорректированы в плане отмены этого перечня, поскольку принуждение лиц, обладающих специальными знаниями, к производству экспертизы против их желания противоречит российскому законодательству и принципам правового государства.

Во-вторых, об обязанности эксперта направить в суд мотивированное сообщение в письменной форме о невозможности дать заключение говорится только в абз. 2 ч. 1 ст. 85 ГПК и абз. 4 ч. 1 ст. 16 ФЗ ГСЭД. Безусловно, если экспертиза производится вне экспертного учреждения, эксперт должен сам сообщить о невозможности ее проведения. Вероятно, учитывая это обстоятельство, законодатель в новом УПК нигде не упоминает об обязанности эксперта письменно сообщать органу или лицу, назначившему экспертизу, о невозможности ее производства. В экспертном учреждении письменное сообщение о невозможности дать заключение должно быть направлено экспертом руководителю этого учреждения, который, в свою очередь, поручает производ-

ство экспертизы другому эксперту, привлекает сторонних специалистов или уведомляет орган или лицо, назначившее судебную экспертизу, о невозможности ее производства. Независимость эксперта не будет ущемлена, если предоставить ему право, в случае несогласия с решением руководителя экспертного учреждения, довести свое мнение до сведения лица или органа, назначивших экспертизу.

1. Обязанностью судебного эксперта, согласно п. 7 ч. 1 ст. 16 ФЗ ГСЭД, является не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с производством судебной экспертизы, в том числе сведения, которые могут ограничить конституционные права граждан, а также сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну [4]. Аналогичный запрет имеется в ч. 2 ст. 85 ГПК.

2. Законодатель устанавливает (ч. 5 ст. 57 УПК; ч. 2 ст. 80 ГПК) уголовную или административную ответственность, предусмотренную за дачу заведомо ложного экспертного заключения [5, с. 126].

3. Лицо, выступающее в роли эксперта, обязано сообщить субъекту, назначившему экспертизу, об обстоятельствах, исключаяющих его участие в данном деле, при наличии таких обстоятельств. Согласно нормам процессуального законодательства, судебный эксперт подлежит отводу, если он хотя бы косвенно заинтересован в ходе дела; является родственником сторон, других лиц, участвующих в деле, или представителей; находится или находился в служебной или иной зависимости от сторон, других лиц, участвующих в деле, или представителей; или имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его беспристрастности (ст. 70 УПК; ст. 18 ГПК) [6, с. 219]. Заметим, что, согласно новому гражданскому и уголовному процессуальному законодательству, предыдущее участие эксперта в деле в качестве специалиста не является основанием его отвода.

Таким образом, в ходе анализа понятий эксперта, его компетенций, прав, обязанностей и ответственности выявлены имеющиеся недостатки в действующем законодательстве в области экспертной деятельности и предприняты попытки его усовершенствования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 3 февр. 2014 г.) // СПС «Консультант Плюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 15 февр. 2014 г.) // СПС «Консультант Плюс».
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (с изм., вступ. в силу с 3 мая 2013 г.) // СПС «Консультант Плюс».
4. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
5. Зинин А.М. Научные и правовые основы судебной экспертизы / А.М. Зинин, Н.П. Майлис. — М. : Юрист, 2007. — 392 с.
6. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская. — 3-е изд., доп. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2003. — 736 с.

Информация об авторах

Лукошкина Светлана Валерьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Lukoshkina@mail.ru.

Колесник Ирина Дмитриевна — магистрант, кафедра уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: irina.kolesnik@mail.ru.

Information about the authors

Lukoshkina Svetlana Valeryevna — candidate of law science, associate professor of the chair of criminal procedure and prosecutorial supervision, Baikal State University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: Lukoshkina@mail.ru.

Kolesnik Irina Dmitrievna — master, chair of criminal procedure and prosecutorial supervision, Baikal State University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: irina.kolesnik@mail.ru.

УДК 343.14
ББК 67.99

С.В. Корнакова

ЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ДОСТИЖЕНИЯ ДОСТОВЕРНЫХ ЗНАНИЙ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья посвящена рассмотрению логических средств, используемых в процессе расследования преступлений: индуктивной и дедуктивной модели доказывания. Обращается внимание на проблематичность выводов при использовании индукции и необходимость учета условий достоверности вывода при использовании дедукции. Делается вывод о важности различия достоверности как свойства каждого доказательства и достоверности выводов субъекта доказывания, основанных на полученных доказательствах. Только в случае получения такой совокупности доказательств, которая может быть логическим основанием только одного вывода, знание об обстоятельствах преступления будет достоверным.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное доказывание, следственная версия, вероятность, достоверность.

S.V. Kornakova

LOGICAL MEANS OF ACHIEVING RELIABLE KNOWLEDGE IN THE PROCESS OF INVESTIGATION OF CRIMES

The article deals with logical means used in crime-investigating process: inductive and deductive proof models; pays attention to the problem of making conclusions using induction and the necessity of consideration conclusions credibility using deduction; concludes the importance of distinguishing credibility as the feature of each evi-

dence and conclusions' credibility of subject proof based on taken evidence. Only having such cumulative evidence that can be considered as logical basis of the only conclusion the awareness of crime circumstances will be credible.

Keywords: criminal-procedural proof, investigative lead, possibility, credibility.

В процессе доказывания по уголовному делу, как и во всяком познании, применяются самые различные логические средства. Так, с точки зрения логической формы обобщение полученных данных в ходе расследования представляет собой индукцию — переход от знания меньшей степени общности к знанию большей степени общности. Вывод в таком умозаключении в основном является проблематичным. Исключения составляют выводы, полученные в результате использования полной индукции, применимость которой в рассуждениях определяется практической перечисляемостью исследуемых предметов, поэтому позволяет сделать достоверный вывод путем исчерпывающего перечисления, например, всех способов проникновения в помещение (число таких способов конечно и легко обозримо), устанавливаемых в ходе производства осмотра места происшествия. Этим же методом определяется тип оружия, которым было нанесено ранение, способ совершения преступления, причины пожара и т. д.

На основании индуктивных выводов в следственной практике формулируются обобщения, касающиеся обычных отношений между людьми, мотивов, целей и способов совершения преступлений, типичных реакций людей и т. д. В этом состоит ценность индуктивных обобщений — они не только указывают на возможную причину, возможное поведение лица, но и отмечают наиболее часто встречающиеся, являющиеся более вероятными. Таким образом, индукция позволяет сузить круг предполагаемых причин и вести исследование целенаправленно и экономно, но следует помнить, что выводы по неполной индукции всегда имеют только вероятный характер.

Аналогией в логике называется умозаключение, в котором на основе сходства предметов или событий в определенных признаках делается вывод об их сходстве в признаках, не подвергавшихся исследованию. Используя аналогию, субъект доказывания,

опираясь на известные обстоятельства дела, отыскивает в прошлом нечто сходное, что предположительно может возместить недостающую информацию, дать толчок к высказыванию предположений. Так, по признаку недостачи можно уподобить предполагаемое событие хищению. Но останавливаться на одной этой аналогии нельзя, так как недостача может быть признаком не только хищения, но и сверхнормативной убыли, ошибок в товарных и учетных операциях и т. д. Поэтому естественны и необходимы конкурирующие аналогии, конкурирующие версии. Произвольный выбор одной из аналогий, игнорирование иных возможных аналогий есть необъективность и односторонность исследования [3, с. 95]. Поскольку логическая природа аналогии близка к догадке, то выводы при ее использовании дают лишь вероятные заключения, но могут использоваться для выдвижения предположений, версий в практике судебного исследования. При этом чем богаче профессиональный и жизненный опыт субъекта доказывания, тем более обоснованы выводы по аналогии.

Особое положение среди форм умозаключений занимает дедукция, с помощью которой при соблюдении правил вывода и истинности посылок получают достоверное заключение. Дедукции принадлежит огромная роль в проверке положений, полученных путем аналогии и индукции.

Большей посылкой дедуктивного умозаключения, устанавливающего связь отдельного доказательства с событием преступления, выступает общее суждение, формулирующее знание о связях между подобного рода явлениями. Меньшей посылкой является суждение, содержащее знание о существовании конкретного факта. Достоверный вывод может быть получен только в том случае, если обе посылки умозаключения достоверные суждения: большая посылка отражает истинное общее знание, а меньшая — достоверно установленный факт. В случае же когда большей посылкой является вероятное суждение, например, полученное индуктивным путем, то при подведении единичного факта под такое общее положение заключение будет носить проблематичный характер. Кроме этого, если общее суждение отражает наиболее вероятное знание, например, о типичном поведении людей в определенных ситуациях, то может быть использовано в процессе исследования обстоятельств дела в качестве фактической пре-

зумпции, позволяющей сделать логический переход от знания о возможной причине к знанию о действительной причине поведения лица.

Фактические презумпции в большинстве случаев выражают действительно существующее положение вещей, не зависящее от субъекта, поэтому являются объективными по своему содержанию, хотя и не исключают своего опровержения. Д. Мейер приводит следующее высказывание французского юриста Дома (1753 г.) о *praesumptiones hominis*: «Все, что случается естественно и обыкновенно предполагается истинным, и напротив, необыкновенное и неестественное, не будучи доказано, не считается истинным. На этом основано предположение, что отец любит своих детей, что каждый заботится о своих детях... что люди действуют сообразно правилам своим и привычкам, что каждый поступает по указаниям рассудка... Никогда затем не следует предполагать, т. е. допускать бездоказательно, что отец ненавидит своих детей, что человек пренебрегает своими интересами, что рассудительный человек совершил действие, недостойное его обычного поведения...» [4, с. 52–53].

Фактические презумпции основаны на обобщении многовекового опыта предшествующих поколений, поэтому закрепленное в них знание является в высокой степени вероятным, т. е. вероятность истинности такого знания больше вероятности его ложности. Именно тем, что существенным признаком фактических презумпций является их высокая вероятность, обосновывается возможность и оправданность использования презюмируемых фактов в процессе доказывания по уголовному делу. Основанные на индуктивном обобщении презумпции создают возможность их использования при оценке аналогичных явлений и ситуаций, возникающих в процессе расследования преступлений, поскольку отражают объективно существующие связи и зависимости.

Тем не менее посылки недедуктивных рассуждений лишь с той или иной степенью вероятности подтверждают заключение. В свою очередь, в дедуктивных умозаклучениях, дающих достоверное знание, вероятный вывод получается только в двух случаях, если:

1) в посылках использовано знание, достоверность которого вызывает сомнение;

2) использованы не достоверные, а правдоподобные формы дедуктивных умозаключений.

П.В. Копнин указывал, что деление умозаключений по признаку достоверности имеет важное познавательное значение: «Мы должны строго различать формы умозаключений, обеспечивающих при достоверных посылках достоверное заключение от форм, которые при этом же условии не гарантируют достоверного вывода» [2, с. 170].

Различие между доказательным и правдоподобным рассуждением, например, при использовании условно-категорического (гипотетического) силлогизма, заключается в направлении движения мысли: от основания к следствию или от следствия к основанию. Достоверный вывод возможен лишь в первом случае, когда истинность следствия логически следует из условного суждения при истинности его основания.

Во втором случае истинность следствия лишь с определенной степенью вероятности подтверждает основание. С точки зрения логики такое умозаключение не является корректным, так как при истинности следствия основание является лишь вероятным. Тем не менее именно таким путем осуществляется подтверждение версий при расследовании преступлений, когда основным содержанием мыслительной деятельности следователя является выведение следствий из выдвинутых версий и сравнение этих следствий с уже имеющимися данными.

Преступление является событием прошлого, которое невозможно непосредственно наблюдать, но возможно выдвигать о нем версии, объясняющие имеющиеся в наличии, непосредственно наблюдаемые, факты, проверять версии с помощью логического выведения из них следствий (верификации), которые допускают эмпирическую проверку, например, посредством проведения следственного эксперимента, опознания и других процессуальных действий. Поэтому особенностью расследования преступления является то, что конкретное единичное событие восстанавливается по его следам, и лицо, ведущее расследование по уголовному делу, имеет дело не с причиной, а с определенными результатами (в логике — следствиями) прошлых событий, по-

этому неизбежно использование правдоподобного объяснения этих результатов.

Проверить существование следствий в процессе доказывания по уголовному делу — значит законным способом отыскать и в надлежащей уголовно-процессуальной форме установить конкретные факты, которые подтверждают либо исключают эти следствия. Проверая версию, следователь по правилам гипотетического силлогизма делает заключение: если версия истинна, то должны быть определенные следствия. Нахождение следствий, несомненно, укрепляет версию, но не доказывает ее достоверности:

Если подозреваемый совершил преступление, то должен был быть на месте его совершения. Был. Он совершил?

Если подозреваемый совершил преступление, то мог оставить отпечатки пальцев на месте его совершения. Отпечатки обнаружены. Он совершил?

Если подозреваемый совершил преступление, то его могут опознать очевидцы. Опознание произошло. Он совершил?

Если подозреваемый совершил преступление, то сможет повторить свои действия в условиях эксперимента. Повторил. Он совершил?

Только вероятно, что он. Опровержение алиби подозреваемого также влечет за собой только вероятный вывод о его причастности к преступлению.

Каждое из перечисленных обстоятельств с достоверностью установлено процессуальным путем, соответствует действительности. В связи с этим характерны ошибки, допускаемые в следственной практике при оценке значения таких доказательств: не берется во внимание их предположительный характер и нередко из них сразу делается вывод о виновности подозреваемого. Выводы субъекта доказывания в таких случаях, хотя и основанные на достоверно установленных данных, полученных в процессе проведения следственных действий (значит, относимых, допустимых и достоверных), тем не менее остаются только вероятными. Поэтому необходимо различать достоверность как свойство каждого доказательства и достоверность выводов субъекта доказывания, основанных на этих доказательствах. Подтверждение версий не ведет к однозначному выводу об истинности заключенного в ней

предположения, и хотя вероятность истинности заключения повышается, все же продолжает оставаться только вероятностью.

При использовании отрицающего модуса условно-категорического (гипотетического) силлогизма достоверный вывод получается лишь в том случае, если мысль движется от отрицания следствия к отрицанию основания. Одна и та же причина не вызывает двух противоположных результатов, поэтому, если нет следствия, значит, определенно не было и причины — основания, его породившего. Достаточно одного противоречащего версии факта, чтобы убедиться в ее ошибочности. В отличие от подтверждения, опровержение версии противоречащими ей фактами имеет окончательный характер. В данном случае рассуждение идет по *modus tollens* гипотетического силлогизма, который является законом логики и дает достоверный вывод.

Таким образом, единственный факт, противоречащий версии, способен ее опровергнуть, но подтверждение фактов, вытекающих из версии, как бы их ни было много, не доказывают ее истинности. Именно поэтому существует мнение, что вывод суда о виновности лица в совершении преступления является только в высокой степени вероятным. Именно поэтому возникает вопрос о том, на каком этапе вероятное знание становится достоверным: «Остается неясным, где именно проходит та грань, которая четко отделяет вероятность от достоверности, почему, например, данный факт признается установленным достоверно на основании, допустим, показаний пяти свидетелей, а не четырех или шести» [5, с. 92].

Л.Е. Владимиров в этой связи писал, что, увеличивая число свидетелей, мы действуем по тому же способу, по какому индуктивный исследователь устанавливает причинную связь между двумя явлениями посредством постепенного исключения влияния случайных обстоятельств. Количество свидетелей есть только способ определения качества свидетельства, поскольку мы не можем предположить, что одни и те же причины могли одинаково влиять на всех [1, с. 52]. Поэтому чем разнообразнее и независимей между собой источники, из которых получают совпадающие сведения, тем более вероятна их достоверность.

Накопление доказательств идет до определенного предела, после которого количество доказательств меняет их качество, по-

сколькx для каждого рода явлений, согласно объективному и всеобщему диалектическому закону перехода количественных изменений в качественные, характерна определенная шкала интенсивности изменений, за пределами которой количественные изменения меняют качество явления, и сфера познания в этом отношении не является исключением.

Процесс выдвижения следственных версий сопровождается фактической проверкой вытекающих из них следствий, лишь в случае подтверждения которых происходит накопление информации, позволяющей следователю составить внутреннее убеждение в ее достоверности. Таким образом, происходит увеличение надежности выводов, сначала предположительных и правдоподобных, а затем — достоверных. Отдельно взятое доказательство может быть объяснено самыми различными обстоятельствами, в том числе, не связанными с событием преступления. Может возникнуть несколько предположений, которые достаточно хорошо согласуются с этим доказательством, но при этом несовместимы между собой. Разобщенными доказательствами также невозможно получить достоверного знания. Согласованность всех полученных в процессе расследования данных — основной и важнейший критерий истинности представления субъекта доказывания обо всех обстоятельствах совершенного преступления. Лишь достаточная совокупность согласованных между собой достоверных доказательств может привести к обоснованному убеждению в доказанности обстоятельств расследуемого преступления. Значит, накопление доказательств, подтверждающих версию, не бесконечно, а идет до момента практической достоверности, т. е. до тех пор, пока случайное совпадение собранной совокупности доказательств становится практически нереальным. Именно такая совокупность доказательств и является достаточной для однозначного вывода суда.

Таким образом, версия обвинения будет доказана только в том случае, если из нее вытекают не любые следствия, а такие, которые в совокупности обладают выраженными неповторимыми, индивидуальными особенностями. Другими словами, эти следствия должны указывать на их происхождение лишь от одной, вполне определенной причины и исключать всякое иное объяснение обстоятельств дела. Д. Мейер указывал, что «улики в

смысле доказательства как бы составляют круг, безвыходно охватывающий преступника: когда хоть в одном месте круг допускает его выход, — улики не удовлетворяют цели служить доказательством преступления» [4, с. 61]. Когда собранные доказательства могут быть логическим основанием только одного вывода, мы говорим, что произошла замена вероятного знания достоверным. Лишь в этом случае знание об обстоятельствах преступления будет достоверным, единственно возможным, исключаящим сомнения в своей истинности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. — Тула : Автограф, 2000. — 464 с.
2. Вопросы логики / отв. ред. П.В. Таванец ; АН СССР, Ин-т философии. — М. : Изд-во АН СССР, 1955. — 325 с.
3. Ларин А.М. От следственной версии к истине / А.М. Ларин. — М. : Юрид. лит., 1976. — 197 с.
4. Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях / Д.И. Мейер. — Казань, 1854. — 127 с.
5. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе : науч.-практ. пособие / Ю.К. Орлов. — М. : Проспект, 2000. — 144 с.

Информация об авторе

Корнакова Светлана Викторовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.

Information about the author

Kornakova Svetlana Viktorovna — candidate of Legal Sciences, associate professor, associate Professor of the Department of criminal process and prosecutorial oversight of the Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.

УДК 343.123(470)
ББК 67.410.2(2Рос)

Н.Г. Коршакевич

**ИСТЕЧЕНИЕ СРОКОВ ДАВНОСТИ
УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ.
ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ**

В статье анализируются проблемы, связанные со сроками давности уголовного преследования, история появления и развития данного института в отечественном праве, особенности его применения в современном уголовно-процессуальном праве, место в классификации оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования), соответствие назначению уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: давность уголовного преследования, прекращение уголовного дела за истечением сроков давности, прекращение уголовного преследования за истечением сроков давности, сроки давности уголовного преследования.

N.G. Korshakevich

**TERMINATION OF TIME LIMITATION
OF CRIMINAL PROSECUTION.
ORIGIN, JURIDICAL ESSENCE**

This article discusses the problems of termination of time limitation criminal prosecution, history of appearance and development in the native law, application in the current procedural law, the local in classification of grounds of termination criminal cases, accord with function of criminal process.

Keywords: time limitation of criminal prosecution, termination of criminal cases in view of termination of time limitation, termination of criminal prosecution in view of termination of time limitation, limitations periods of criminal prosecution.

Такое основание прекращения уголовного дела (уголовного преследования), как истечение сроков давности уголовного пре-

следования, появилось в законодательстве России достаточно давно. Так, ст. 160 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (далее — Уложение), вошедшего в том 15 Свода законов Российской Империи 1832 г., устанавливала, что «наказание во все отменяется... 3) вследствие давности». В ст. 163–169 данного Уложения были установлены сроки давности преступлений, а также другие правила, связанные с давностью. Сроком давности считался срок, в течение которого преступление «не сделалось гласным», т. е. «когда по нему не было никакого делопроизводства, следствия», а также «донесения, жалобы, извета или иного показания», или когда в течение того же срока виновный в преступлении, несмотря на произведенное следствие, не был обнаружен [2, с. 206–207].

Срок давности по разным категориям преступлений, в зависимости от тяжести установленных наказаний, составлял от трех до десяти лет. Прекращалось за давностью в те же сроки преследование лица, если принесший на него жалобу в течение всего срока затем оставил дело «без хождения», за исключением отдельных преступлений, прямо указанных в ст. 164 Уложения. Сроки давности пособникам и сообщникам в преступлении определялись тяжестью наказания, установленного для «зачинщика» и главного виновного в этом преступлении.

Правило об отмене наказания за давностью не распространялось на государственные преступления, умышленное убийство отца или матери, по прошествии 20 лет с момента их совершения. Если же такое преступление «не сделалось гласным, либо когда виновные не были в течение этого срока обнаружены», наказание по ним снижалось, и вместо смертной казни и каторжных работ назначалась ссылка на поселение в Сибири, а также не назначались телесные наказания.

Срок давности не распространялся на вину тех, кто из веры христианской перешел в другую веру, вступивших в противозаконный брак или присвоивших себе чужое состояние, должность, чин, орден, титул, имя, так как такое преступление считалось «беспрерывно продолжающимся».

Как полагал один из разработчиков Судебных уставов 1864 г. А.А. Квачевский, такая норма, как отмена наказания за давно-

стью, была введена законодателем в Уложение по следующим соображениям.

Во-первых, для обеспечения прав виновного лица, для которого «обвинение по истечении долгого времени становится несправедливым и тягостным, потому что время отняло у него средства к оправданию, способы защиты, давая вместе с тем молве и злословию возможность преувеличить значение виновности».

Во-вторых, «в интересах справедливого следствия и суда, так как доказательства вины или невинности обвиняемого исчезают со временем, что может породить судебные ошибки».

В-третьих, в связи с давностью совершенного преступления, поскольку «оно не угрожает никак общественному порядку, впечатление от него стирается в сознании населения и общество становится к нему равнодушным» [1, с. 333].

В дальнейшем Устав уголовного судопроизводства (далее — УУС) установил, что не только наказание отменяется, но и «судебное преследование в отношении к уголовной ответственности обвиняемого не может быть возбуждено, а начатое подлежит прекращению: ...2) за истечением давности» [3, с. 121]. В УУС впервые появляется словосочетание «прекращение уголовного преследования», однако его содержание не раскрывается. В.К. Случевский в этой связи указывал, что «давность имеет... свое процессуальное значение; делая безнаказанным известный проступок, давность делает вместе с тем невозможным возбуждение дела, постановку приговора, или исполнение его, смотря по тому, в какой процессуальный момент выясниться ее существование» [4, с. 480].

Принятый после Октябрьской революции в 1922 г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР также содержал понятие давности. Статья 4 этого Кодекса устанавливала: «Уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное не может быть продолжаемо и подлежит прекращению на всякой стадии процесса: ...4. За истечением давности...» [5, с. 4]. Однако понятие давности не раскрывалось, а и ее сроки в данном законе не указывались.

В УПК РСФСР 1960 г. истечение сроков давности было названо обстоятельством, исключающим производство по делу. По правилам ст. 5 УПК РСФСР, если данное обстоятельство обна-

руживалось в стадии судебного разбирательства, то суд должен был довести разбирательство по делу до конца и постановить обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания. Если же обвиняемый возражал против прекращения уголовного дела по данному основанию, производство по делу продолжалось в обычном порядке. В УПК РСФСР 1960 г. впервые закреплялось право обвиняемого возражать против прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности, с целью настоять на собственной невинности и добиться постановления оправдательного приговора [6, ст. 5].

В УПК РФ истечение сроков давности уголовного преследования предусмотрено в п. 3 ч. 1 ст. 24 как основание отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела. Конкретные сроки давности, которые зависят от тяжести преступления, предусмотрены в УК РФ, также указан ряд преступлений, по которым сроки давности не применяются.

За истечением сроков давности уголовного преследования уголовное дело может быть прекращено в любой момент производства по делу, когда истек соответствующий срок с момента совершения преступления. Уголовное преследование по данному основанию может быть прекращено в отношении конкретного лица, в этом случае прекращается и уголовное дело, если по всем преступлениям в отношении всех лиц, привлекаемых к уголовной ответственности сроки давности истекли.

По данному основанию может быть также прекращено уголовное дело, по которому лицо, совершившее преступление не установлено, если истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности за преступление, по факту которого уголовное дело было возбуждено.

В соответствии с ч. 2 ст. 27 УПК РФ прекращение уголовного дела за истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражают.

В чем сущность такого института права, как давность привлечения к уголовной ответственности? И.Я Фойницкий относил его к материальным условиям, при которых возможно обвинение. Он называл истечение давности в числе причин, «погашающих» наказание, а вместе с ним и обвинение, и саму возможность веде-

ния дела в уголовном порядке. В частности, он отмечал: «Если причины эти наступили и стали известны суду до начатия уголовного дела, то последнее не может быть начато, за отсутствием к тому оснований; если же они наступили или выяснились позже, то возбужденное ранее преследование подлежит прекращению. Причины, погашающие право наказания, излагаются в курсе уголовного права; к ним принадлежат: 1) смерть виновного; 2) истечение уголовной давности; 3) примирение виновного с потерпевшим; и 4) монаршее помилование» [7, с. 351].

В современном уголовном процессе рассматриваемое основание прекращения уголовного дела (уголовного преследования) относится к материально-правовым основаниям, т. е. к основаниям, закрепленным в УК РФ. Кроме того, данное основание рассматривается, как императивное основание, поскольку не предусматривает возможности усмотрения должностного лица. При наличии юридического факта — истечения сроков давности уголовного преследования по конкретному преступлению, соответствующее должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, обязано его прекратить.

Таким образом, понятие давности преступления введено законодателем еще в ранний период развития права в нашем государстве, с целью защиты лица от несправедливого обвинения, когда обвиняемый существенно ограничен в возможностях для защиты в связи с длительным периодом времени, прошедшем с момента совершения преступления. В связи с длительным сроком давности суду сложно принять справедливое решение, так как большинство доказательств, как правило, утрачено или потеряло свою актуальность и объективность. Данное основание прекращения уголовного дела (уголовного преследования) служит такой цели уголовного судопроизводства, как защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным Ус-

тавам 1864 г. : в 3 ч. / А. Квачевский. — СПб. : Тип. Ф.С. Сущинского, 1866. — Ч. 1. — 352 с.

2. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. — М. : Юрид. лит., 1984. — Т. 6. — 532 с.

3. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. — М. : Юрид. лит., 1984. — Т. 8. — 612 с.

4. Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса. Изд. 4-е, перераб. и доп. / Вл. Случевский. — СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. — 670 с.

5. СУ РСФСР. — 1923. — № 7. — Ст. 106.

6. Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1960. — № 40. — Ст. 592.

7. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И.Я. Фойницкий. — СПб. : Альфа, 1996. — Т. 1. — 369 с.

Информация об авторе

Коршакевич Наталья Григорьевна — аспирант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, тел. 24-25-42, e-mail: ulibkanatalia@mail.ru; научный руководитель и рецензент — И.В. Смолькова, зав. кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора БГУЭП, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

Korshakevich Natalia Grigorevna — Ph.D. student, Chair of Criminal Process and procurator's supervision Baikal State University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, tel. 24-25-42, e-mail: ulibkanatalia@mail.ru; scientific director and re-viewer — I.V. Smolkova, Professor of Criminal Procedure and Criminalistics BSUEL, Doctor of Law, Professor.

Н.Ю. Литвинцева

К ВОПРОСУ О СВИДЕТЕЛЬСКОМ ИММУНИТЕТЕ БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ

В статье рассматриваются актуальные проблемы свидетельского иммунитета близких родственников. Исследуются дискуссионные вопросы о круге близких родственников, имеющих право не давать показания в качестве свидетелей.

Ключевые слова: иммунитет, свидетельский иммунитет, свидетельский иммунитет близких родственников, право отказаться свидетельствовать против своих близких родственников.

N.Y. Litvintseva

TO THE QUESTION OF WITNESS IMMUNITY CLOSE RELATIVES

The article deals with urgent problems of witness immunity close relatives. Examines the points of discussion about the circle of close relatives who have the right not to testify as witnesses.

Keywords: immunity, testimonial immunity, testimonial immunity close relatives, the right to refuse to testify against their relatives.

В Конституции РФ установлено, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, а также, что федеральным законом могут устанавливаться иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания (ст. 51).

В развитие конституционных положений впервые в УПК РФ было дано определение понятия свидетельский иммунитет, под которым понимается право лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных УПК (п. 40 ст. 5). Необходимо отметить, что в первоначальной редакции п. 40 ст. 5 УПК РФ свидетельский имму-

нитет был сформулирован только как право не свидетельствовать против себя и своих близких родственников. Федеральным законом от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ были внесены соответствующие изменения [22].

Конституционное право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников воспроизведено в п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ.

Положение об освобождении близких родственников от обязанности давать уличающие обвиняемого показания мотивируется прежде всего нравственными факторами. Право свидетеля отказаться от показаний против близкого родственника связано с семейными узами и такими нравственными категориями, как совесть и милосердие. Безнравственно требовать от человека, чтобы он изобличал в совершении преступления близкое ему лицо.

А.Ф. Кони в этой связи писал: «Ради целей земного правосудия нельзя ослабить или нарушить священные узы, связывающие людей между собою. Закон щадит те чувства, которые даже при сознании свидетелем виновности подсудимого или наличности изобличающих его факторов, заставляли бы нередко сердце дающего показания обливаться слезами и кровью или искать облегчения своего тяжелого положения во лжи. В человеческом взгляде закона на таинственный голос крови или супружеской привязанности заключается даже как бы признание допустимости лжи, которая в известных случаях более близка к внутренней правде жизни, чем объективная и холодная истина» [7, с. 52].

Непримиримым противником свидетельского иммунитета супругов и близких родственников выступал И. Бентам. Вот что он писал по данному поводу: «Жена может чувствовать отвращение свидетельствовать против своего мужа, мужу должно быть противно, если жена показывает против него, но что значит их отвращение перед необходимостью открыть виновника преступления? Это значило бы нарушать домашнее доверие. Чье? Тех, которые злоупотребляют им, чтобы нарушить публичное доверие. Поэтому злодею, который может быть уличен в самом важном преступлении показанием женщины, остается только прибегнуть к церемонии брака, чтобы ничего не опасаться с ее стороны? Не следует открывать убежище для преступников, надо разрушать всякое доверие между ними, если это возможно, даже

в недрах их семейства. Если они не могут найти продажных покровителей между юристами, ни укрывателей в их собственном доме, то в чем заключается неудобство? Этим они будут поставлены в необходимость соблюдать законы и жить как честные люди» [1, с. 264].

Освобождение близких родственников от свидетельствования имеет давнюю историю. Так, согласно «Краткому изображению процессов или судебных тяжб» Военского устава, составленного в 1715 г. Петром I, к свидетельству не допускались находившиеся с подсудимым в родстве или ближнем свойстве [12, с. 80–81].

В последующем в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС) [23, с. 120–251] для сохранения нерушимости семейного союза также было предусмотрено освобождение от свидетельства мужа и жены обвиняемого (ст. 94 УУС), подсудимого лица, его родственников по прямой линии, восходящей и нисходящей, а также родных братьев и сестер (ст. 705 УУС). При согласии этих лиц давать показания они не призывались к присяге (ст. 94, 96, 705, 707 УУС), так как закон не желал ставить их в положение, угрожающее опасностью клятвopреступления. Закон также предостерегал суд и следователя от вызова и допроса родственников без крайней необходимости. Перед началом допроса они предупреждались следователем о возможности отказа от свидетельства (ст. 444 УУС).

Мотивами закрепления в УУС нормы свидетельского иммунитета послужило, по определению С.И. Викторского, то, «что от ближайших к подсудимому лиц нельзя требовать, чтобы они отпустились от любви к нему и давали по его делу вполне беспристрастные показания; с другой стороны, желательно, не искушая их, дать пристрастное показание под присягою, сохранить в них свидетелей, так как часто именно эти-то лица и могут пролить свет на дело» [2, с. 223].

В том случае если по уголовному делу было несколько обвиняемых, и между некоторыми из них существовали отношения, перечисленные в ст. 705 УУС, и один из обвиняемых высказывал желание отказаться от свидетельства против родственника, обвиняемого по этому же делу, лицо совсем освобождалось от дачи показаний по данному уголовному делу, так как, отвечая на во-

просы, касающиеся других участников преступления, он мог косвенно обличить своего родственника, «что противоречило бы желанию законодателя при известных родственных отношениях не ставить свидетеля в борьбу с естественными чувствами любви и снисхождения к близкому человеку» [19, с. 38].

Небезынтересно отметить, что в первых советских законодательных актах, в частности, в Положении о полковых судах и Положении о военных следователях, также содержались особые правила, касающиеся допроса в качестве свидетелей родственников обвиняемого. Они распространялись на жену обвиняемого, его родственников по прямой линии, а также родных братьев и сестер. При этом Положение о полковых судах не исключало родственников из числа свидетелей, а только предусматривало их допрос без отобрания подписки об ответственности за ложные показания (ст. 69) [15]. Положение о военных следователях разрешало этой категории лиц устранять себя от свидетельства (ст. 66) [14].

Согласно ст. 57 УПК РСФСР 1923 г. судья принимал решение, следует ли принуждать свидетеля к нарушению той тайны, на которую он ссылается, или же освободить его от обязанности дать свой ответ, при этом судья не должен был без крайней необходимости принуждать свидетеля к такому показанию, поскольку полученное подобным путем показание является в малой степени достоверным [8, с. 34].

В теории советского уголовного процесса долгое время господствовал тезис о преимущественном значении интересов следствия и правосудия при наличии их коллизии с личными интересами. Нравственные потери, связанные с обязанностью свидетельствовать во вред своему ближнему, не принимались во внимание, рассматривалась только одна сторона вопроса — интересы достижения истины в уголовном процессе.

В этой связи Н.Н. Полянский отмечал: «Законы, освобождающие от свидетельских показаний супругов и близких родственников, исходят из представления об абсолютной святости брачных и семейных уз. Советское право, придавая большое значение семейным и брачным узам, не считает, однако, возможным приносить интересы правосудия в жертву супружеским и родственным чувствам» [16, с. 93].

Н.И. Порубов также писал: «Каждый раз, когда родственнику или супругу приходится давать показания, он стоит перед выбором между родственными чувствами и общественным долгом. ...С точки зрения закона, свидетель независимо от родственных отношений должен предпочесть общественный долг и рассказать правду» [17, с. 158].

С предложением о введении в уголовное судопроизводство правил свидетельского иммунитета близких родственников выступил ряд авторов. По их мнению, введение свидетельского иммунитета содействовало бы расширению нравственных начал судопроизводства и наиболее удачному сочетанию задач уголовного процесса и интересов личности [5, с. 124–129; 21, с. 26–29]. Несмотря на это, данная идея не была воспринята как конструктивная, и не стала предметом широкого обсуждения, поскольку считалось, что ее законодательная реализация затруднит установление истины по делу.

Обосновывая необходимость введения нормы, регулирующей свидетельский иммунитет близких родственников, Т.Н. Москалькова отмечает: «Не секрет, что в большинстве случаев показания близких родственников обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) представляют собой лишь более или менее удачные попытки выгородить «своего человека». Изучение уголовных дел в отношении осужденных за лжесвидетельство показало, что среди свидетелей и потерпевших, давших заведомо ложные показания, преобладают родственники подсудимого (обвиняемого) — 71 %. Поэтому очень важно, что в проекте Основ уголовно-процессуального законодательства имеется новая статья о свидетельском иммунитете» [10, с. 44].

Вопрос о круге близких родственников, на которых необходимо распространить свидетельский иммунитет, носит дискуссионный характер.

Так, Н. Громов, В. Конев, В. Николайченко считают, что круг субъектов свидетельского иммунитета должен быть определен таким образом, чтобы право, предоставляемое свидетелю, не превратилось в формальный отказ от свидетельства и в то же время не наносило ущерб лицам, связанным семейными отношениями [6, с. 48].

По мнению Л.М. Карнеевой и И. Кертэс, только при допросе близких родственников «возникают нравственные проблемы, разрешению которых служит свидетельский иммунитет... распространение свидетельского иммунитета на неоправданно широкий круг лиц (на бывших сожителей, их родственников и т. п.) не только осложняет установление истины по делу, но и неправильно по существу» [4, с. 58–59].

В. Николук и В. Кальницкий полагают, что «в тех ситуациях, когда следователь или судья убеждены, что отношения между людьми, длительное время проживающими в незарегистрированном браке, могут именоваться супружескими, они вправе разъяснить таким лицам положения ст. 51 Конституции» [11, с. 17].

В. Махов обоснованно аргументирует, что в УПК РФ «целесообразно иметь положения, аналогичные тем, которые содержатся в УПК ФРГ: о том, что право отказа от дачи свидетельских показаний имеют: 1) обрученный с обвиняемым; 2) супруг обвиняемого, если даже брак больше не существует; 3) тот, кто находится с обвиняемым в родственных отношениях по прямой линии...» [9, с. 47].

Верно отмечает И.В. Смолькова, что «кроме близких родственников свидетельский иммунитет следует распространить и на особо близких лиц, для которых дача свидетельских показаний может носить характер нравственной драмы (жених и невеста; лица, состоящие в фактических брачных отношениях; лица, ранее состоявшие в браке)» [20, с. 140].

В УПК РФ закреплено конституционное правило отказаться от свидетельства против своего супруга (своей супруги) и других близких родственников (п. 1 ч. 4 ст. 56). Пункт 4 ст. 5 УПК РФ определяет круг близких родственников, обладающих правом свидетельского иммунитета, — это супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки.

Наряду с понятием «близкие родственники» УПК РФ дает определение близких лиц и родственников. Родственниками именуются все лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве (п. 37 ст. 5). К близким лицам относятся лица, состоящие в свойстве со свидетелем, а также лица, жизнь, здоро-

вье и благополучие которых дороги свидетелю в силу сложившихся личных отношений (п. 3 ст. 5).

По мнению В.Г. Даева, в силу сложившихся нравственно-бытовых отношений, в круг близких родственников следовало бы включить родителей супругов и соответственно наделить их свидетельским иммунитетом [3, с. 77].

С.А. Саушкин и С.П. Гришина справедливо полагают, что близкие лица иногда более дороги для свидетеля, нежели те лица, которые являются близкими «по крови», поэтому свидетелю должно быть предоставлено право не свидетельствовать не только против близких родственников, но и близких лиц [18, с. 29].

Следует согласиться с изложенными мнениями, поскольку законодатель в п. 3 ст. 5 УПК РФ в определении понятия «близкие лица» подчеркивает особенность отношений между ними и свидетелем, это такие лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги свидетелю в силу сложившихся личных отношений.

Право отказаться свидетельствовать против своего супруга и других близких родственников необходимо распространить на родственников и близких лиц свидетеля и дополнить п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ после слов «...настоящего Кодекса» словами «а также родственников, круг которых определен пунктом 37 статьи 5 настоящего Кодекса и близких лиц, круг которых определен пунктом 3 статьи 5 настоящего Кодекса».

Остается нерешенным вопрос в УПК РФ о наделии свидетельским иммунитетом законных представителей. Так, В. Панкратов отмечал, что для решения проблемы свидетельского иммунитета и в первую очередь интересов законных представителей необходимо последних наделить правом не давать показания об обстоятельствах, ставящих их и представляемое лицо в опасность изобличения в совершении преступления [13, с. 25].

Согласно п. 12 ст. 5 УПК РФ законными представителями признаются родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства. В ст. 426 и 428 УПК РФ, регулирующих участие законного представителя в ходе досудебного производства и в судебном заседа-

нии, в перечне прав отсутствует право не свидетельствовать против представляемого лица. Думается, что для многих несовершеннолетних, находящихся под опекой и попечительством, их опекуны и попечители заменяют если не родителей, то близких людей. Между ними возникают доверительные отношения. Следовательно, необходимо наделить относительным свидетельским иммунитетом опекунов, попечителей и представителей учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый.

Полагаю, ч. 2 ст. 426 и ч. 1 ст. 428 УПК РФ следует дополнить пунктами следующего содержания: «Законные представители вправе отказаться свидетельствовать против представляемого лица».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бентам И. О судебных доказательствах : трактат / И. Бентам. — Киев : Тип. М.П. Фрица, 1876. — 423 с.
2. Викторский С.И. Русский уголовный процесс / С.И. Викторский. — М. : Казен. железнодорож. тип. Моск. узла, 1911. — 356 с.
3. Даев В.Г. Материально-правовые и процессуальные проблемы свидетельского иммунитета в уголовном судопроизводстве / В.Г. Даев // Уголовно-правовые проблемы борьбы с преступностью : сб. науч. тр. — Калининград : Калинингр. ун-т, 1995. — С. 76–80.
4. Карнеева Л.М. Проблемы свидетельского иммунитета / Л.М. Карнеева, И. Кертэс // Советское государство и право. — 1989. — № 6. — С. 57–64.
5. Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам / Л.Д. Кокорев. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1971. — 160 с.
6. Конев В. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе / В. Конев, Н. Громов, В. Николайченко // Российская юстиция. — 1997. — № 9. — С. 48–50.
7. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе / А.Ф. Кони // Собрание сочинений : в 8 т. — М. : Юрид. лит., 1967. — Т. 4. — 543 с.

8. Люблинский П.И. О доказательствах в уголовном суде: Практический комментарий к главе 4 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР / П.И. Люблинский. — М. : Право и жизнь, 1924. — 62 с.

9. Махов В. Свидетель — не подозреваемый / В. Махов // Законность. — 2001. — № 1. — С. 45–47.

10. Москалькова Т.Н. Честь и достоинство: как защитить? (Уголовно-процессуальный аспект) : пособие для слушателей народ. ун-тов / Т.Н. Москалькова. — М. : Знание, 1992. — 126 с.

11. Николюк В. Применение статьи 51 Конституции РФ в уголовном судопроизводстве / В. Николюк, В. Кальницкий // Законность. — 1997. — № 8. — С. 14–18.

12. Памятники русского законодательства XVIII столетия / сост. В.М. Грибовский. — СПб. : Тип. Гл. упр. уделов, 1907. — Вып. 1. — 189 с.

13. Панкратов В. О свидетельском иммунитете законных представителей / В. Панкратов // Советская юстиция. — 1993. — № 7. — С. 25.

14. Положение о военных следователях : утв. приказом Реввоенсовета Сов. Республики от 30 сент. 1919 г. № 1595 // Сборник приказов Реввоенсовета Советской Республики 1919. — С. 49–50.

15. Положение о полковых судах : утв. декретом СНК РСФСР от 10 июля 1919 г. // СУ РСФСР. — 1919. — № 31–32. — Ст. 326.

16. Полянский Н.Н. Доказательства в иностранном уголовном процессе / Н.Н. Полянский. — М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. — 142 с.

17. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве / Н.И. Порубов. — Минск : Вышэйш. шк., 1973. — 368 с.

18. Саушкин С.А. Правовое обеспечение свидетельского иммунитета: современное состояние и вопросы развития / С.А. Саушкин, Е.П. Гришина // Адвокатская практика. — 2002. — № 5. — С. 28–30.

19. Скопинский А.В. Свидетели по уголовным делам : пособие для практиков / А.В. Скопинский. — М. : Тип. П.П. Рябушинского, 1911. — 194 с.

20. Смолькова И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе / И.В. Смолькова. — М. : Луч, 1999. — 336 с.

21. Смыслов В.И. Свидетель в советском уголовном процессе : учеб. пособие / В.И. Смыслов. — М. : Высш. шк., 1973. — 160 с.

22. СЗ РФ. — 2002. — № 22. — Ст. 2027.

23. Устав уголовного судопроизводства от 20 нояб. 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / отв. ред. Б.В. Виленский. — М. : Юрид. лит., 1991. — Т. 8 : Судебная реформа. — 495 с.

Информация об авторе

Литвинцева Наталья Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, тел. 24-00-14, e-mail: litvintseva_nu@mail.ru.

Information about the author

Litvintseva Natalia Yurievna — candidate of law science, associate professor of the chair of criminal procedure and prosecutorial, Baikal State University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: litvintseva_nu@mail.ru.

УДК 343.1(470)

ББК 67.410.2(2Рос)

С.В. Лукошкина

К ВОПРОСУ ОБ ИММУНИТЕТЕ ОМБУДСМЕНА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье автор уделяет особое внимание актуальным проблемам реализации отдельных уголовно-процессуальных норм, касающихся института Уполномоченного по правам человека. Речь идет об исключениях из общей системы конституционных принципов, а именно из принципа равноправия всех граждан перед законом и судом. Раскрываются особенности применения мер уголов-

но-процессуального принуждения, порядок возбуждения и рассмотрения уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц.

Ключевые слова: омбудсмен, правовая неприкосновенность, уголовное судопроизводство, конституционные принципы.

S.V. Lukoshkina

THE QUESTION OF IMMUNITY OF THE OMBUDSMAN IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

The author pay special attention to the urgent problems of the individual rules of criminal procedure relating to the institution of ombudsman. This is an exception from the general system of constitutional principles, namely the principle of equality of all citizens before the law and the courts. The peculiarities of the use of measures of criminal procedural enforcement, procedures for initiating and handling of criminal cases in respect of certain categories of persons.

Keywords: ombudsman, law immunity, criminal justice, constitutional principles.

Для науки уголовно-процессуального права большое значение имеет изучение правового статуса лиц, обладающих особыми должностными полномочиями и занимающих в государстве и обществе особое положение. Речь идет о Президенте Российской Федерации, экс-Президенте Российской Федерации, парламентариях, судьях, Председателе Счетной палаты Российской Федерации, его заместителе и аудиторах, т. е. об особых категориях субъектов, деятельность которых охраняется специальными нормами уголовно-процессуального законодательства. Особую актуальность исследованию придает то, что некоторые институты возникли сравнительно недавно, в частности Уполномоченный по правам человека («омбудсмен» происходит от слова *ombud*, что на средневековом шведском языке означает силу или авторитет, ныне омбудсмены существуют более чем в 100 государствах [4, с. 22.]) в Российской Федерации, Председатель Следственного комитета, руководитель следственного органа.

Происходящие метаморфозы с определением этого понятия наглядно показывают, что в разных странах его понимают по-разному. Если институт омбудсмана в Швеции еще в XVI в. за-

крепил свое изначальное название Уполномоченного по справедливости, то в Испании это уже Защитник народа, в Польше — Уполномоченный по гражданским правам, а в России — Уполномоченный по правам человека. Думается, такие акценты в обозначении одного и того же института указывают на специфику его применения на практике в разных странах.

Степень развития современного государства указывает на возросшую экспансию управленческой деятельности во всех областях жизни людей, что делает их почти полностью зависимыми от деятельности и актов органов управления. Вследствие этого возникает необходимость в механизме, каким является омбудсмен, в обязанности которого входит рассмотрение жалоб граждан, а также защита их основных прав и свобод. Потребность в подобном институте действительно велика, особенно, если иметь в виду то, что процедура обращения к омбудсмену лишена строгих правил и высоких расходов, в отличие от обращения в суд, где процедуры продолжительны, дороги и облечены заранее в жесткие рамки.

Представляется, что одним из самых сильных аргументов в пользу параллельного функционирования института омбудсменов и других «классических» средств контроля над работой органов управления служит тот факт, что только омбудсмен контролирует деятельность, над которой никакой другой орган в государстве не может осуществлять контроль. В этой связи можно сказать, что институт уполномоченного является своего рода системой сдержек и противовесов между государственными органами и гражданским обществом [3, с. 106.].

Правовые нормы, сосредоточенные в гл. 52 УПК РФ, обладают принципиальной новизной, поскольку впервые закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве и включают в себя особый порядок возбуждения уголовных дел, а также особенности применения мер уголовно-процессуального принуждения в отношении вышеназванных субъектов.

Общеизвестно, что должность Уполномоченного по правам человека учреждена Конституцией Российской Федерации 1993 г. [1]. Пункт «д» ч. 1 ст. 103 Конституции РФ относит к ведению Государственной Думы назначение и освобождение от должности Уполномоченного, действующего в соответствии с Феде-

ральным конституционным законом от 4 марта 1997 г. «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [5] (далее сокращенно — ФКЗ от 4 марта 1997 г.).

Должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации учреждена в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления, должностными лицами и государственными служащими. Деятельность Уполномоченного дополняет существующие средства защиты прав и свобод граждан, не отменяет и не влечет пересмотра компетенции государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации наделен достаточно широким кругом иммунитетов и привилегий, имеющих уголовно-процессуальное значение, которые характеризуются следующим образом (ФКЗ; УПК РФ) [2]:

1. Уполномоченный при осуществлении своих полномочий независим и неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам (ст. 2 ФКЗ).

2. Введение режима чрезвычайного или военного положения на всей территории Российской Федерации либо на ее части не прекращает и не приостанавливает деятельности Уполномоченного и не влечет ограничения его компетенции (ст. 4 ФКЗ).

3. Уполномоченный обладает неприкосновенностью в течение всего срока его полномочий. Он не может быть без согласия Государственной Думы привлечен к уголовной или административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, задержан, арестован, подвергнут обыску, за исключением случаев задержания на месте преступления, а также подвергнут личному досмотру, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других лиц. Неприкосновенность Уполномоченного распространяется на его жилое и служебное помещения, багаж, личное и служебное транспортные средства, переписку, используемые им средства связи, а также на принадлежащие ему документы (ч. 1 ст. 12 ФКЗ).

4. В случае задержания Уполномоченного на месте преступления должностное лицо, произведшее задержание, незамедли-

тельно уведомляет об этом Государственную Думу, которая должна принять решение о даче согласия на дальнейшее применение этой процессуальной меры. При неполучении в течение 24 часов согласия Государственной Думы на задержание Уполномоченный должен быть немедленно освобожден (ч. 2 ст. 12 ФКЗ).

5. Возбуждение уголовного дела, применение мер пресечения и производство отдельных следственных действий в отношении Уполномоченного по правам человека в РФ осуществляется в соответствии с требованиями гл. 52 УПК РФ. Решение о возбуждении уголовного дела в отношении Уполномоченного принимается Председателем Следственного комитета РФ (ст. 448 УПК РФ).

6. Наличие свидетельского иммунитета. Согласно ч. 2 ст. 24 ФКЗ от 4 марта 1997 г., если Уполномоченного привлекают для дачи свидетельских показаний по уголовному или гражданскому делу об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с выполнением им своих обязанностей по защите прав и законных интересов граждан, он вправе отказаться от дачи этих показаний. Анализ ст. 24 ФКЗ от 4 марта 1997 г. позволяет предложить введение абсолютного запрета на допрос омбудсмена в качестве свидетеля в уголовно-процессуальное законодательство, дополнив ч. 3 ст. 56 УПК РФ пунктом 6 следующего содержания: не подлежат допросу в качестве свидетелей «...Уполномоченный по правам человека — об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с осуществлением своих полномочий».

Что касается Уголовно-процессуального кодекса РФ, не вполне понятна позиция законодателя по поводу исключения п. 7 из ч. 1 ст. 27 УПК РФ (Основания прекращения уголовного преследования), поскольку ст. 447 УПК РФ уже наделила Уполномоченного по правам человека соответствующими процессуальными гарантиями. В первой редакции УПК РФ данная норма имела место, и, думается, будет целесообразным ввести ее вновь в действующее уголовно-процессуальное законодательство, изложив п. 7 ч. 1 ст. 27 УПК РФ в следующей редакции: «отказ Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в даче согласия на привлечение к уголовной ответственности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации».

В заключение надлежит отметить, что становление института Уполномоченного по правам человека в России происходит в

сложных условиях, однако, учитывая цели и задачи, характер деятельности Уполномоченного, можно с уверенностью сказать, что он будет способствовать становлению демократического правового государства в России. Вместе с тем особенности деятельности Уполномоченного по правам человека должны подкрепляться четкой системой правовых иммунитетов и привилегий, способствующих эффективной работе российского защитника прав и свобод человека и гражданина.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 21 дек. 1993 г. // Российская газета. — 1993. — 25 дек.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 22 нояб. 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921.

3. Павловска-Данева А. Омбудсмен как особый вид контроля над органами управления / А. Павловска-Данева // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. — 2001. — № 3.

4. Рудинский Ф. Служба подлинного гуманизма (о проблемах деятельности российского омбудсмена) / Ф. Рудинский // Конституционное и муниципальное право. — 1999. — № 2.

5. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации : федер. конституц. закон от 26 февр. 1997 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. — 1997. — № 9. — Ст. 1011.

Информация об авторе

Лукошкина Светлана Валерьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Lukoshkina@list.ru.

Information about the author

Lukoshkina Svetlana Valeryevna — candidate of law science, associate professor of the chair of criminal procedure and prosecu-

al, Baikal State University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: Lukoshkina@list.ru.

УДК 343.13(075.8)
ББК 67.99(2)8я7

Р.В. Мазюк

**О ВЛИЯНИИ ФРАНЦУЗСКОГО КОДЕКСА
УГОЛОВНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ 1808 ГОДА
НА РОССИЙСКИЙ УСТАВ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА
(К 150-ЛЕТИЮ УСТАВА)**

При проведении судебной реформы 1864 г. в основу проекта Устава уголовного судопроизводства был положен французский Кодекс предварительного расследования 1808 г. Одним из проявлений влияния французского кодекса стало использование отечественным законодателем терминов «l'action publique» и «poursuite», которые в нормах российского устава были переведены как «уголовное преследование», «судебное преследование», «преследование». Автором проведен сравнительно-правовой анализ указанных французских и российских терминов и сделан вывод об их уникальном значении в системе российского состязательного типа уголовного судопроизводства того периода.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства 1864 г., Кодекс уголовного расследования 1808 г., судебная реформа, l'action publique, poursuite, уголовное преследование, судебное преследование.

R.V. Maziuk

**ABOUT THE INFLUENCE OF THE FRENCH CODE
OF CRIMINAL INVESTIGATION 1808 ON THE RUSSIAN
STATUTE OF CRIMINAL PROCEEDINGS 1864
(TO THE 150 ANNIVERSARY OF THE STATUTE)**

In the course of judicial reform of 1864 the project of Statute of criminal proceedings was based on the french Code of criminal inves-

tigation 1808. One of the manifestations of the impact of the french code was the use of domestic legislator terms «l'action publique» and «poursuite» that in the norms of the russian Statute had been translated as «criminal prosecution», «judicial prosecution», «prosecution». The author has conducted a comparative legal analysis of the above french and russian terms, and has made a conclusion about their unique value in the system of russian adversarial type of criminal proceedings that period.

Keywords: Statute of criminal proceedings 1864, Code of criminal investigation 1808, judicial reform, l'action publique, poursuite, criminal prosecution, judicial prosecution.

20 ноября 1864 г. в результате проведения Судебной реформы были приняты «Судебные уставы», состоявшие из четырех законов: Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства (в дальнейшем сокращенно — УУС 1864 г.), Устав гражданского судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. С.В. Познышев так охарактеризовал итог плодотворной работы российского законодателя: «Судебные Уставы представляют собою законодательный памятник, весьма замечательный по глубине и верности положенных в основу его начал, по систематичности изложения, по легкому, простому и вместе с тем изящному языку. В нашем законодательстве нет ни одной части, которая могла бы соперничать с ними в отношении систематичности, простоты и ясности изложения» [6, с. 4]. Известный немецкий юрист К. Миттермайер, сравнивая проект Устава уголовного судопроизводства с законодательством Европы, писал, что «он стоит выше даже многих новейших законодательных работ» [11, с. 75–76].

Вместе с тем законы столь высокого правового уровня не могли быть разработаны российскими правоведами исключительно на основе действовавшего в то время российского законодательства, существовавших правовых традиций и юридической практики. Как указывал И.Я. Фойницкий, «в нашем новом процессе есть много сходного с английским и особенно с французским» [8, с. 44]. В основу проекта российского УУС 1864 г. был положен французский *Code d'instruction criminelle 1808* (Кодекс уголовного расследования 1808 г., далее сокращенно — Кодекс

1808 г.). Необходимо отметить, что Кодекс 1808 г. действовал ровно полтора столетия (до 1958 г.). Он стал моделью для законодательства многих стран Западной Европы (Италия, Германия, Испания, Португалия, Швейцария, Нидерланды). В Бельгии и Люксембурге он был официально принят как действующий законодательный акт и остается в силе до сих пор [1, с. 7; 7, с. 92].

Для Кодекса 1808 г. было характерно «разделение производства на предварительное следствие, негласное, находящееся под сильным влиянием прокурора, и судебное разбирательство, в котором в порядке гласного и устного состязания между прокурором и подсудимым с защитником проводилась проверка судом всех доказательств и выносился приговор» Вместе с тем, как указывал М.А. Чельцов-Бебутов, «составители Устава уголовного судопроизводства внесли в него ряд поправок, смягчивших резко розыскной характер предварительного расследования французского процесса» [10, с. 780].

Многие категории и институты, существовавшие в УУС 1864 г., стали заимствованием из Кодекса 1808 г. Однако, по мнению Г.А. Джаншиева, составители судебных уставов «не довольствовались переводом соответственных постановлений европейских кодексов, а придумывали комбинации, которые могли бы обеспечить непреложное и неискаженное исполнение» [4, с. 8]. В частности, в Кодексе 1808 г. использовалось понятие «l'action publique», ставшее прототипом категории «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве.

Понятие «l'action publique» в Кодексе 1808 г. использовалось для обозначения начатого (возбужденного) уголовного преследования. По мнению Л.В. Головки, термин «l'action publique» точнее переводить как «публичный иск», что, впрочем, не слишком принципиально» [1, с. 7]. Это действительно не принципиально, а использование в русском переводе термина «l'action publique» слова «уголовный», а не «публичный» можно объяснить тем, что в тот исторический период «публичный» в России имел значение «народный, общенародный, всенародный, вселюдный». Такое значение рассматриваемого термина содержится в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля, первое издание которого пришлось именно на годы судебной реформы (1863–1866). В этом Словаре приводятся примеры обще-

принятого употребления слова «публичный» в тот период: «публичные здания, больницы, театры и пр.»; «об этом говорят публично, гласно» [2, 535]. Соответственно, понятие «публичное преследование», скорее всего, ассоциировалось бы с «народным преследованием», «гласным преследованием», а не «государственным». В этом смысле понятие «уголовное преследование» при переводе термина «*l'action publique*» семантически в большей степени отражало содержание процессуальной деятельности, осуществляемой от имени и в интересах государства.

Вместе с тем понятие «уголовный иск» в УУС 1864 г. также употреблялось, но только в двух случаях:

1) в ст. 5, которая определяла порядок рассмотрения дел частно-публичного обвинения, заключающийся в том, что «право возбуждения уголовного иска принадлежит потерпевшему лицу, а дальнейшее судебное преследование — прокурору или его товарищу»;

2) в ст. 593, которая закрепляла основание прекращения уголовного дела вследствие неявки в судебное разбирательство потерпевшего или его представителя по делу частного обвинения: «Неприбытие в суд частного обвинителя или его поверенного без законных на то причин признается отречением от уголовного иска и имеет последствием прекращение дела».

Таким образом, понятие «уголовный иск» использовалось в УУС 1864 г. исключительно в случаях, предусматривающих реализацию частного начала в уголовном судопроизводстве по делам частного и частно-публичного обвинения.

Необходимо отметить, что в Кодексе 1808 г. термин «*l'action publique*» преимущественно использовался во «Вводных положениях». В остальных частях данное понятие не употреблялось, за исключением ст. 637 и 640, которые регулировали порядок исчисления сроков давности за совершенные преступления. В частности, ст. 637 Кодекса 1808 г. предусматривала, что «уголовное преследование (*l'action publique*) и гражданский иск (*l'action civile*) по преступлениям, наказуемым смертной казнью или пожизненным заключением... не могут быть возбуждены по истечении десяти лет с момента, когда преступление предположительно было совершено, если в этот период не производились подготовительные действия либо преследование». Статья 640

предусматривала, что «уголовное преследование и гражданский иск за правонарушение не могут иметь место по истечении одного года, начиная со дня его совершения». Необходимо отметить, что и в приведенных статьях, и во «Вводных положениях» понятие «*l'action publique*» (уголовный иск) использовалось в одних нормах с понятием «*l'action civile*» (гражданский иск), что позволяет сделать вывод о стремлении французского законодателя подчеркнуть схожую юридическую природу данных категорий, а также их тесную связь в структуре уголовного судопроизводства того времени.

Таким образом, прослеживается единая закономерность употребления понятий «*l'action publique*» (уголовный иск) и «*l'action civile*» (гражданский иск) в Кодексе 1808 г. и УУС 1864 г.: оба эти понятия использовались французским и российским законодателем в тех положениях, которые касались реализации частных начал в уголовном судопроизводстве, что, очевидно, позволяло на терминологическом уровне разграничивать полномочия потерпевшего, выражавшиеся в требовании, с одной стороны, о привлечении лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности (уголовный иск), а с другой — требовании о возмещении материального ущерба, причиненного данным лицом в результате совершения этого преступления (гражданский иск). Такой подход законодателя объяснялся, по утверждению А. Квачевского, неумением вплоть до Судебной реформы «отличать частный интерес от общественного, гражданское дело от уголовного», что «усложняло путаницу, происходившую от неясностей узаконений об уголовном и гражданском иске и распложило переписку: нередко производились уголовные следствия по делам, имевшим чисто гражданский характер, а истец заводил иск по основаниям уголовным, суды производили гражданским порядком и решали его прежде начатия уголовного производства и дела оканчивались уничтожением всего производства, как неправильного и незаконного» [5, с. 76].

Наравне с понятием «*l'action publique*» в Кодексе 1808 г. употреблялось понятие «*poursuite*», которое с французского языка дословно переводится как «преследование, погоня, судебное преследование» [9, с. 777]. Так, ст. 6 Кодекса 1808 г. предусматривала, что «судебное преследование (*poursuite*) возбуждается по

требованию прокуратуры того места, где находится подследственный либо где он может быть задержан». Статья 61 устанавливала, что «кроме случаев обнаружения очевидного преступления, следственный судья не производит ни подготовительных действий, ни судебного преследования (*poursuite*), пока он не проинформирует об этом императорского прокурора, который может, более того, затребовать отчет обо всех предпринятых действиях в течение двадцати четырех часов». В целом понятие «*poursuite*» в Кодексе 1808 г. употреблялось в значении «преследование» в узком смысле, т. е. осуществления процессуальной деятельности в отношении конкретного лица, привлеченного к рассмотрению.

Таким образом, в Кодексе 1808 г. для обозначения процессуальной деятельности органов государства использовались различные понятия — «*l'action publique*» и «*poursuite*»: первое означало «уголовное преследование» в широком смысле (в значении «уголовный иск»), т. е. возможность применения средств государственного принуждения к лицам, совершившим преступление, посредством уголовного судопроизводства, а второе — «преследование» в узком смысле, т. е. процессуальную деятельность, осуществляемую в отношении конкретного лица.

Составители УУС 1864 г., очевидно, основывались на аналогичном подходе использования дифференцированного значения категории «уголовное преследование», с одной лишь оговоркой, что в УУС 1864 г. данное понятие употреблялось в трех разновидностях: «*судебное преследование*», «*уголовное преследование*» и «*преследование*».

Понятие «судебное преследование» наиболее часто использовалось в положениях УУС 1864 г. Так, ст. 1 УУС гласила: «Никто не может подлежать судебному преследованию за преступление или проступок, не быв привлечен к ответственности в порядке, определенном правилами сего Устава». При этом, согласно примечанию к ст. 1 УУС 1864 г., «к судебному преследованию не относятся меры, принимаемые полицейскими и другими административными властями для предупреждения и пресечения преступлений и проступков в порядке, установленном законами». Поэтому, например, дознание, осуществляемое полицией в случаях, «когда ни судебного следователя, ни прокурора или его товарища нет на месте» (ст. 252 УУС 1864 г.), а также «когда при-

знаки преступления или проступка сомнительны или когда о происшествии, имеющем такие признаки, полиция известится по слуху (народной молве) или вообще из источника не вполне достоверного» (ст. 253 УУС 1864 г.), нельзя рассматривать как судебное преследование. В то же время деятельность полиции в данных случаях носит процессуальный характер, так как направлена на установление признаков преступления и закрепления его следов.

В итоге к «судебному преследованию» следует относить деятельность прокуроров и их товарищей, судебных следователей, а также судебных органов. Указанные органы и должностные лица, вместе с тем, исходя из их назначения в уголовном судопроизводстве, осуществляли процессуальную деятельность различной функциональной направленности:

1) предварительное следствие (исследование) (ст. 249 УУС 1864 г.);

2) предание суду и поддержание обвинения в суде (ст. 510–528; 595–749 УУС 1864 г.);

3) рассмотрение дела по существу (ст. 42–172; 543–834 УУС 1864 г.).

Поэтому необходимо заключить, что законодатель, объединив перечисленные направления процессуальной деятельности в рамках общей категории «судебное преследование», придал ей межфункциональное значение — как публичный механизм в лице специальных государственных органов и должностных лиц, направленный на раскрытие преступлений и признание в судебном порядке виновными лиц, которые их совершили.

Термин «*уголовное преследование*» в УУС 1864 г. использовался законодателем менее активно — только в трех нормах (ст. 529, 542 и 772 УУС 1864 г.). Указанные статьи регулировали порядок приостановления, прекращения или возобновления уголовного преследования. Так, ст. 529 УУС 1864 г. определяла, что «судебная палата приступает к рассмотрению обвинительных актов или представлений о *прекращении* или *приостановлении* уголовного преследования не иначе как по письменным предложениям состоящего при ней прокурора». Статья 542 УУС 1864 г. предусматривала основания *возобновления* производства по делу, в том числе «когда после прекращения дела за нерассмотрением

гражданским или духовным судом вопросов, обуславливающих уголовное преследование, вопросы те будут разрешены в смысле, допускающем такое преследование». Наконец, «освобожденный от суда без указания его вины может просить, чтобы суд определил его виновность и то наказание, которому он подлежал бы, если бы в деле не оказалось законной причины к **прекращению** уголовного преследования» (ст. 772 УУС 1864 г.).

Наконец, использовавшийся в УУС 1864 г. термин «преследование», без определений «судебное» либо «уголовное», встречался только в синтаксических конструкциях, содержащих указание на преступления (проступки) как на объект процессуальной деятельности. В частности, термин «преследование» употреблялся в следующих положениях Устава:

– «Мировой судья приступает к разбирательству дел... по непосредственно усмотренным им **преступным действиям**, подлежащим **преследованию** независимо от жалоб частных лиц» (п. 3 ст. 42).

– «Полицейские и другие административные власти сообщают мировому судье о тех обнаруженных ими в круге их действия **проступках**, которые подлежат **преследованию** без жалоб частных лиц» (ст. 49).

– «Следствие, возбужденное жалобой частного обвинителя, представляется прокурору или его товарищу лишь для удостоверения в том, не заключает ли в себе дело **преступления**, подлежащего **преследованию** прокурорской властью» (ст. 479).

– «Если предметом следствия [стало] **преступное деяние**, подлежащее **преследованию** в частном порядке, то обязанности прокурора ограничиваются лишь передачей дела в надлежащее судебное установление» (ст. 511).

Необходимо отметить, что сочетание понятий «преследование» и «преступление» противоречит правилам русского языка, так как преступление всегда является ретроспективным событием, имевшим место в прошлом, в то время как преследование может осуществляться только в отношении того, что существует в настоящем. Поэтому категория «преследование преступления», означающая в современной интерпретации *«раскрытие преступления»*, в статьях УУС 1864 г. являлась *катахрезой*. Следует также обратить внимание на то, что законодатель не пошел по пути

заимствования значения термина «преследовать» из розыскного типа процесса, в котором, как указывалось ранее, он использовался применительно к субъекту преступления («преследование обвиняемого»).

Учитывая вышеизложенное, представляется не совсем точным вывод Ю.В. Деришева о том, что «в Уставе уголовного судопроизводства (УУС) Российской империи 1864 г. уголовно-процессуальная деятельность описывалась посредством трех, *не различаемых принципиально* (курсив мой. — Р. М.) терминов: "уголовное судопроизводство", "уголовное преследование" и "судебное преследование", которые в законе использовались субсидиарно» [3, с. 20]. Во-первых, термины «уголовное судопроизводство» и «судебное преследование» не являлись идентичными: судебное преследование не включало в себя деятельность полиции по осуществлению дознания (ст. 250–261 УУС 1864 г.), которое, тем не менее, относилось к сфере уголовного судопроизводства. А во-вторых, термин «уголовное преследование» являлся более узким по значению, чем термин «судебное преследование», и включал в себя только предъявление и поддержание обвинения в суде, что в целом соответствовало юридической технике французского Кодекса предварительного расследования 1808 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головки Л.В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции / Л.В. Головки. — М. : СПАРК, 1995. — 130 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. — М. : Рус. яз., 1989. — Т. 3. — 555 с.
3. Деришев Ю.В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Ю.В. Деришев. — Омск : Ом. акад. МВД России, 2005. — 51 с.
4. Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы / Г.А. Джаншиев. — М. : Статут, 2004. — 316 с.
5. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: Теоретическое и практическое руководство : в 3 т. /

А. Квачевский. — СПб. : Тип. Ф.С. Сущинского, 1866. — Т. 1. — 352 с.

6. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С.В. Познышев. — М. : Изд-во Г.А. Лемана, 1913. — 337 с.

7. Правовые системы стран мира : энцикл. справ. / отв. ред. А.Я. Сухарев. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : НОРМА, 2003. — 976 с.

8. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И.Я. Фойницкий. — СПб. : АЛЬФА, 1996. — Т. 1. — 552 с.

9. Французско-русский словарь активного типа / под ред. В.Г. Гака, Ж. Триомфа. — 2-е изд., испр. — М. : Рус. яз., 1998. — 1056 с.

10. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М.А. Чельцов-Бебутов. — СПб. : Равена : Альфа, 1995. — 846 с.

11. Шевчук В.Б. Реформирование судебной системы России во второй половине XIX — начале XX в.: (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.Б. Шевчук. — СПб. : С.-Петербург. гуманит. ун-т, 2004. — 186 с.

Информация об авторе

Мазюк Роман Васильевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, тел. 24-00-14, e-mail: marova@mail.ru.

Information about the author

Maziuk Roman Vasilievich — candidate of law science, associate professor of the chair of criminal procedure and prosecutor's supervision, Baikal State University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: marova@mail.ru.

Л.А. Москаленко

ЗНАЧЕНИЕ ИНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ЭТАПЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

В статье рассматривается значение иных процессуальных действий при приостановлении предварительного следствия. Обращается внимание на недостаточность правовой регламентации иных процессуальных действий и порядка их проведения. Предлагаются определение и перечень иных процессуальных действий, которые производятся при приостановлении предварительного следствия.

Ключевые слова: розыск, приостановление предварительного следствия, иные процессуальные действия.

L.A. Moskalenko

VALUE AFFINE PROCEDURAL ACTIONS DURING SUSPENSION PREEDVARITELNOGO CONSEQUENCES

The article discusses the importance of other procedural actions under suspension of the preliminary investigation. Draws attention to the lack of legal regulation of the concept, a list of other procedures and order of their conduct. Offers its own term and a list of other procedures.

Keywords: search, suspension of the preliminary investigation, other procedural actions.

В юридической литературе справедливо отмечается, что без уголовно-процессуального доказывания уголовный процесс немислим, ибо он «представлял бы собой, по существу, лишь груду юридических постулатов относительно самого понятия уголовного процесса, стоящих перед ним целей и задач, возможных средств и способов их достижения, но, не раскрывая, как и посредством какой практической деятельности все это осуществить» [1, с. 3]. Соответственно, проблемы юридической регламентации доказывания занимают центральное место, как в уста-

новленной законом процедуре уголовного судопроизводства, так и в уголовно-процессуальной теории.

Доказывание по уголовному делу трудно представить без определенных процессуальных средств и способов, «составляющих единственный путь установления исследуемых обстоятельств уголовного дела, достижения по нему объективной истины» [6, с. 7]. Уголовно-процессуальное доказывание предполагает как специфику его средств, так и самого вида данной деятельности, поэтому и сам процесс доказывания, и способы, с помощью которых он осуществляется, должны быть детально урегулированы законом. Отступление от этого правила может явиться и нередко является основной причиной ошибок, допускаемых органами предварительного расследования и судами.

Предварительное следствие является наиболее важной формой предварительного расследования, так как именно на следствии происходит основной процесс собирания и закрепления доказательств, изобличающих или, наоборот, оправдывающих лицо, обвиняемое в совершении преступления. По окончании предварительного следствия следователь обязан принять одно из окончательных решений по уголовному (прекращения уголовного дела) делу, однако законом предусмотрен ряд оснований, по которым производство по уголовному делу не может быть закончено, а подлежит приостановлению.

На протяжении нескольких лет качество следствия и сроки его производства, к сожалению, остаются довольно низкими. Одной из причин этого являются трудности, обусловленные отсутствием лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. В случаях когда лицо, совершившее преступление, известно, сложность в расследовании может возникнуть в связи с его болезнью или тем, что он скрывается от органов дознания, следствия и суда. Наличие указанных обстоятельств может повлечь приостановление производства по делу (ст. 208 УПК РФ). Перечисленные обстоятельства требуют высокой квалификации лица, производящего расследование, и наличие определенного научно обоснованного алгоритма действий, направленных на устранение препятствий расследованию.

Деятельность по приостановлению предварительного следствия можно разделить на два этапа:

1. Деятельность следователя до вынесения постановления о приостановлении предварительного следствия. На данном этапе следователь зачастую не в полном объеме выполняет возложенные на него обязанности по расследованию преступлений. Этому способствуют в разной степени определенные обстоятельства, такие как большой объем уголовных дел, находящихся в производстве следователя; отсутствие слаженного и постоянного взаимодействия следователя с органами дознания; отсутствие должного контроля со стороны руководителя подразделения или ненадлежащий контроль; деформированное личностно-волевое ориентирование сотрудника.

Следователь должен проверить и проанализировать совокупность собранных доказательств, подтверждающих: событие преступления, размер всех видов причиненного вреда; виновность обвиняемого (подозреваемого); обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу, либо прекращение уголовного дела или являющихся основанием для приостановления предварительного следствия.

2. Деятельность следователя после вынесения постановления о приостановлении предварительного следствия. В ч. 3 ст. 209 УПК РФ устанавливается, что «после приостановления предварительного следствия производство следственных действий не допускается». Следователь может выполнять лишь действия непроцессуального характера и иные процессуальные действия.

В соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК РФ собрание доказательств в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом производится путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ. Процессуальный порядок производства следственных действий в УПК РФ регламентируют семь глав (с 21-й по 27-ю), в то время как производству иных процессуальных действий в УПК РФ почти не уделено должного внимания. В п. 32 ст. 5 УПК РФ содержится понятие процессуального действия — это «следственное, судебное и иное действие, предусмотренное настоящим Кодексом». В УПК РФ нет ни точного, ни примерного перечня иных процессуальных действий и, соответственно, отсутствует закрепленный в законе процессуальный порядок их проведения.

Сложившееся положение может привести к тому, что по одному и тому же уголовному делу при наличии одних и тех же доказательств могут быть приняты прямо противоположные решения. Кроме того, любое уголовное дело может быть пересмотрено в апелляционном, кассационном или надзорном порядке, а приговор может быть отменен в связи с тем, что в его основу положены доказательства, полученные способами, не предусмотренными УПК РФ. Не исключен и такой вариант, когда уголовное дело, по которому приговор вступил в законную силу, по тем же основаниям будет признано незаконно возбужденным.

В уголовно-процессуальной литературе понятие, значение и процессуальный порядок производства иных процессуальных действий не получили достаточно полного и всестороннего исследования. Вместе с тем существуют две позиции о понятии и значении «иных процессуальных действий».

Первая позиция опровергает процессуальный характер иных процессуальных действий. Так, А.П. Рыжаков считает, что «лишь следственные действия являются процессуальными, так как урегулированы УПК РФ и обладают познавательной направленностью... Иные процессуальные действия — это другие, помимо следственных (судебных) действий, способы собирания доказательств. Но все они непроцессуальные» [5, с. 207]. В.И. Радченко также отмечает, что «от следственных действий иные процессуальные действия отличаются, прежде всего, тем, что порядок производства следственных действий урегулирован уголовно-процессуальным законом, а порядок применения любого иного, помимо следственного (судебного) действия, способа собирания доказательств в законе не прописан. Именно в связи с данным обстоятельством представляется некорректным именовать таковые процессуальными действиями» [4, с. 198].

Вторая позиция по анализируемой проблеме выделяет иные процессуальные действия в самостоятельное понятие. В частности, М.П. Поляков полагает, что «под иными процессуальными действиями, направленными на собирание доказательств, подразумеваются действия, вытекающие из властных полномочий участников, ведущих уголовный процесс. К ним относятся запросы, поручения, требования о производстве ревизий и документальных проверок и т. д.» [3, с. 243]. По мнению А.В. Смирнова, «к

числу иных процессуальных действий относятся: направление прокурором, следователем, дознавателем и органом дознания требований, поручений и запросов, которые обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами. В отличие от следственных действий, эти способы не вполне обеспечены возможностью принудительного исполнения». Вторая позиция, на мой взгляд, более обоснованна. Из всего массива процессуальных действий именно следственные действия направлены на собирание доказательств. У «иных процессуальных действий» другая роль, они несут вспомогательную нагрузку в сборе доказательственной информации. Безусловно, процессуальное действие, это действие, урегулированное УПК РФ, но то, что иные процессуальные действия должным образом в УПК РФ не урегулированы это является недостатком закона. Иные процессуальные действия лишь косвенно направлены на собирание доказательств. В.С. Балакшин справедливо указывает на исключительно важное значение иных процессуальных действий для оценки доказательств со стороны допустимости, отмечая, что, иные процессуальные действия являются частью одного из элементов, образующих доказательство как уголовно-процессуальную категорию, каковыми мы считаем способы и порядок собирания, закрепления и проверки сведений о фактах и их источников» [2, с. 25].

Само понятие «иные процессуальные действия» является сложным и собирательным и, если рассматривать его упрощенно, возможны ошибочные выводы и предложения. Данным понятием охватывается несколько групп процессуальных действий и решений: действия в прямом смысле и решения (например, истребование документов, сведений, предметов, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела); действия, направленные на получения доказательств, и действия, носящие преимущественно обеспечивающий процесс расследования; действия, выполнение которых возможно как до возбуждения уголовного дела, так и после возбуждения уголовного дела в процессе расследования.

На основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы:

1. Иными процессуальными действиями являются действия организационно-обеспечительного характера, проводимые орга-

нами дознания, следствия, прокурором, несущие вспомогательную нагрузку в сборе доказательственной информации, проводимые на различных стадиях уголовного судопроизводства, но не обеспеченные уголовно-процессуальным принуждением и не ограничивающие права и свобод граждан.

2. Иными процессуальными действиями при приостановлении предварительного следствия можно назвать:

- письменное заявление о преступлении, подписанное заявителем и лицом, принявшим заявление;
- принятие заявления о явке с повинной;
- принятие рапорта о совершенном или готовящемся преступлении;
- получение объяснений у граждан и должностных лиц;
- принятие предметов и документов у граждан, должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций;
- истребование предметов и документов у граждан, должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций;
- требование производства документальных, ведомственных, контрольных проверок, ревизий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание: концептуальные основы / З.З. Зинатуллин, Т.З. Егорова, Т.З. Зинатуллин. — Ижевск : Детектив-информ, 2002. — 228 с.

2. Балакшин В.С. Иные процессуальные действия как средства уголовно-процессуального доказывания / В.С. Балакшин // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2006. — № 3. — С. 25–27.

3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2011. — 1320 с.

4. Ряполова Я.П. Процессуальные действия прокурора по надзору за законностью и обоснованностью действий и решений на стадии возбуждения уголовного дела / Я.П. Ряполова // Российский следователь. — 2012. — № 14. — С. 9–11.

5. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / А.П. Рыжаков. — 8-е изд., перераб. и доп. — М. : Дело и сервис, 2012. — 1100 с.

6. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств / В.Д. Спасович. — М. : ЛексЭст, 2001. — 326 с.

7. Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : офиц. сайт // URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports>.

Информация об авторе

Москаленко Людмила Александровна — адъюнкт кафедры уголовного процесса, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664047, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, e-mail: moskalenko1990moskalenko@yandex.ru; научный руководитель и рецензент — И.В. Смолькова, зав. кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора БГУЭП, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

Moskalenko Lydmila Aleksandrovna — graduate student, Department of Criminal Procedure, East Siberian Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, 664047, Lermontov st., 110, e-mail: moskalenko1990moskalenko@yandex.ru; scientific director and reviewer — I.V. Smolkova, Professor of Criminal Procedure and Criministics BSUEL, Doctor of Law, Professor.

УДК 343.1

ББК 67.410.213.82

Л.Р. Попова
С.В. Лукошкина

К ВОПРОСУ ОБ ИММУНИТЕТАХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются виды и понятия иммунитетов, актуальные вопросы ограничения прав и свобод должностных лиц, обладающих процессуальным иммунитетом, их правомерность.

Резюмируется, какие проблемы на практике создает отсутствие четкой законодательной регламентации уголовно-процессуальных иммунитетов.

Ключевые слова: иммунитет, норма, неприкосновенность, ограничение прав, уголовное судопроизводство.

**L.R. Popova
S.V. Lukoshkina**

TO THE QUESTION OF IMMUNITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article discusses the types and concepts immunities topical issues restrictions on rights and freedoms officials with procedural immunity, their legitimacy. Summarized, which creates problems in practice the lack of a clear legal regulation of criminal procedure immunities.

Keywords: immunity norm, integrity, limitation of rights, criminal justice.

Уголовный процесс основывается на системе принципов, среди которых можно выделить принципы законности, состязательности, равенства граждан перед законом и судом и др. Между тем сама реализация данных принципов может осуществляться только посредством нормального функционирования определенных правовых институтов. Одним из таких институтов является институт иммунитета, основное назначение которого — усиление предоставляемых дополнительных гарантий защиты законных прав и интересов отдельных категорий граждан.

Институт иммунитетов, урегулированный нормами гл. 52 УПК РФ, является установленным законом изъятием из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, а также из общего порядка реализации уголовного преследования в отношении уголовно преследуемых лиц. Нормативное назначение особенностей уголовного судопроизводства, установленных нормами гл. 52 УПК РФ, при этом заключается в том, что законодатель, исходя из той роли, которую отдельные публичные лица играют в государстве и обществе, в целях обеспечения их оптимальной деятельности установил в отношении этих субъектов

особые процедуры возбуждения уголовного преследования, привлечения их в качестве обвиняемых, применения к ним отдельных мер процессуального принуждения.

В юридической литературе конца 1990-х гг. отмечалось, что уже более 30 категорий российских граждан наделены иммунитетами, имеющими значение в сфере уголовного судопроизводства. При этом справедливо указывалось, что несовершенство и пробелы в правовом регулировании процессуальных иммунитетов, отсутствие необходимых научных рекомендаций порождают в ходе правоприменительной практики труднопреодолимые проблемы и неразрешимые вопросы [2, с. 4]. В этой связи вопрос о классификации видов иммунитетов приобретает еще большую значимость в свете теоретического исследования названного института.

На сегодняшний день не выработана единая концепция деления иммунитетов на виды, нет и единых оснований деления правовых льгот, хотя УПК РФ четко выделяет определенные группы лиц, наделенных процессуальным иммунитетом. Но и эти положения требуют значительной доработки.

Как справедливо отмечает И.П. Корякин, «говоря о классификации иммунитетов в уголовном процессе, необходимо подчеркнуть, что в данной ситуации мы располагаем большим материалом для проведения такой классификации. Многообразие видов иммунитета делает просто необходимым исследование и выделение тех его черт, которые составляют его сущность. В этой связи процесс классификации выполняет еще и роль метода научного исследования, изучаемого явления и, в частности, института иммунитета. Кроме того, можно предположить, что многообразие видов иммунитета, будучи фактором сложности изучаемого явления (института иммунитета), само по себе косвенно является критерием, позволяющим утверждать, что иммунитет является институтом. В связи с этим проведение классификации, как способ исследования, является еще и обязательным условием комплексного анализа иммунитета как института права» [5, с. 72].

Существует множество мнений ученых-процессуалистов, подразделяющих уголовно-процессуальные иммунитеты по различным основаниям, в то время как классификация иммунитетов по видовой принадлежности (т. е. в зависимости от юридического статуса лица) представляется наиболее удачной.

В.И. Руднев предлагает разделить иммунитеты на следующие группы:

- 1) неприкосновенность Президента Российской Федерации;
- 2) депутатский иммунитет;
- 3) неприкосновенность судей и прокуроров;
- 4) свидетельский иммунитет;
- 5) иные иммунитеты.

Указанный автор выделяет три группы иммунитетов: профессиональный (которым могут обладать президент, судьи, прокуроры, депутаты); личный (которым могут обладать близкие родственники лица, привлекаемого к уголовной ответственности) и смешанный (которым могут обладать священники, адвокаты, так как данным лицам в силу их профессиональных обязанностей могут стать известны личные, сокровенные сведения граждан, им доверившихся).

Совершенно очевидно, что объем иммунитетов может варьироваться в пределах одной и той же видовой категории (например, иммунитет дипломатического агента и обслуживающего персонала посольств и миссий), а может совпадать у различных категорий. В этой связи В.И. Руднев предлагает «ввести понятие «частичный иммунитет», означающий право иметь дополнительные гарантии неприкосновенности и неответственности в усеченном виде» [6, с. 8]. Последнее предложение, думается, является достаточно разумным, однако требующим определения нового понятия — «усеченный иммунитет» и вытекающих отсюда: перечня лиц, обладающих правом на такой вид иммунитета, определение пределов предоставления данного права и разработки механизма лишения такого вида иммунитета.

Проанализировав нормы Конституции РФ и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации (ныне действующие и предыдущие), федеральные конституционные законы и федеральные законы РФ, а также международные конвенции, соглашения и многочисленные международные договоры, содержащие правовые нормы о привилегиях и иммунитетах, можно выделить следующие виды процессуальных иммунитетов:

- 1) дипломатический и консульский иммунитет;

2) иммунитет главы государства (УПК РФ включает: Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, а также кандидата в Президенты РФ);

3) иммунитет представителей законодательной ветви власти — парламентский иммунитет (так как термин «депутатская неприкосновенность» охватывает лишь часть привилегий — особые гарантии при задержании, а не охватывает иммунитет от привлечения к уголовной ответственности, или, например, особенности допроса или обыска);

4) иммунитет должностных лиц судебной ветви власти (судьи всех звеньев судебной системы РФ, а также присяжные и арбитражные заседатели);

5) должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов (Председатель Счетной палаты Российской Федерации, его заместитель и аудиторы; Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации; прокуроры; следователи; члены избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса);

6) иммунитет адвоката (диссертант придерживается точки зрения о том, что адвокатский корпус не входит в систему правоохранительных органов государства, а осуществляет самостоятельную функцию защиты, оказывая юридическую помощь в соответствии с Федеральным законом РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» и ныне действующим УПК РФ);

7) свидетельский иммунитет.

Разделив иммунитеты по субъектному признаку, можно их сгруппировать по объектам гарантирования:

1) личная неприкосновенность;

2) неприкосновенность жилых, служебных помещений и частных резиденций, а также личных и служебных транспортных средств;

3) привилегии связи;

4) неприкосновенность имущества, активов, личной и служебной переписки, архивов и других документов.

Среди норм международных договоров, обязательных для Российской Федерации, имеются такие, которые устанавливают право дипломатических представителей и других приравненных к ним категорий иностранных и российских граждан, отказаться

от дачи свидетельских показаний. Аналогичное право предусматривает ч. 1 ст. 51 Конституции РФ: «Никто не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников».

Статья 51 Конституции РФ, а также статья 56 УПК РФ относят «свидетельский иммунитет» к самостоятельному процессуальному институту, однако автор исследования рассматривает свидетельский иммунитет каждой вышеуказанной категории лиц в том объеме, в каком он предоставлен определенному субъекту в зависимости от занимаемого положения и осуществляемых обязанностей, установленных федеральным законодательством.

Рассматривая соотношение свидетельского иммунитета и иных вышеперечисленных уголовно-процессуальных иммунитетов, следует отметить, что он, с одной стороны, является составной частью некоторых уголовно-процессуальных иммунитетов (например, дипломатического), а с другой — носит вполне самостоятельный характер. Об этом может свидетельствовать тот факт, что при лишении права на некоторые уголовно-процессуальные иммунитеты, предоставляемые в силу должностного положения или выполнения служебных обязанностей (депутатского и т. д.) за гражданином сохраняется свидетельский иммунитет, как «простого» человека, например, когда гражданин является родственником или супругом обвиняемого.

Все виды уголовно-процессуальных иммунитетов, в том числе и свидетельский, объединяет то, что они регулируются не только нормами уголовно-процессуального права, но и нормами других смежных отраслей права (международного, конституционного, административного, уголовного и др.). В то же время свидетельский иммунитет возникает в рамках уголовно-процессуальных отношений и напрямую связан с ролью лица, которую он играет в производстве по конкретному уголовному делу.

Неудивительно, что использование некоторых видов иммунитетов (депутатский, судейский и др.) в определенных слоях общества стало рассматриваться как отступление от конституционного принципа равенства граждан перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ).

Существует мнение, согласно которому иммунитеты в уголовном процессе представляют собой многоступенчатое объеди-

нение процессуально-правовых институтов и субинститутов, нормы которого регулируют особый (усложненный) порядок уголовного судопроизводства и особых юридических преимуществ для отдельных категорий российских и иностранных граждан [2, с. 13].

Думается, что, устанавливая особые процедуры, законодатель исходил из той роли, которую определенные лица играют в государстве и обществе, в целях обеспечения их непрерывной и бесперебойной деятельности, повышения независимости, а также для охраны нравственных и моральных ценностей, что могло бы способствовать предупреждению и недопущению незаконного и необоснованного применения мер процессуального принуждения, привлечения к уголовной ответственности, осуждения, а также запрету гражданам свидетельствовать против самих себя, близких родственников. Это должно привести к повышению уровня неприкосновенности и неотвеченности путем наделения таких лиц дополнительными правовыми гарантиями.

Содержание иммунитета, выраженное в правах и гарантиях, должно иметь позитивное влияние на развитие уголовно-процессуальных отношений. Тем не менее применение иммунитета как изъятия из общих правил и преимущества для отдельных категорий граждан в сфере уголовного процесса влечет постановку вопроса не только о том, как он соотносится с принципом равенства граждан перед законом и судом, но и о том, как он соотносится с целями и задачами уголовной юстиции.

Иммунитеты в общественном правосознании ассоциируются в настоящее время со способом, средством избежания уголовной и иной ответственности. Все чаще в средствах массовой информации звучат призывы к их ограничению или отмене, что не разрешит создавшийся конфликт. И основной причиной нестабильного положения иммунитетов, думается, является наличие пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве, отсутствие понятийного аппарата и четкого механизма их реализации. Также отсутствует эффективная процедура лишения права на определенный вид иммунитета.

Наряду с другими правами уголовно-процессуальный иммунитет является правом субъекта. Вместе с тем следует подчеркнуть, что субъекты уголовно-процессуальных правоотноше-

ний могут и не воспользоваться правом иммунитета, например, близкие родственники не отказаться от дачи показаний (ст. 51 Конституции РФ), это право будет реализовано в любом случае, как если субъект воспользовался им, так и если он отказался от этого права после соответствующего разъяснения прав следователем или лицом, производящим дознание.

Таким образом, иммунитеты в уголовно-процессуальном праве могут выступать как право и гарантии. В то же время при наличии пробелов в праве иммунитеты иногда играют роль щита, под прикрытием которого нарушается закон. Думается, что уголовно-процессуальные иммунитеты принесут реальную пользу лишь при наличии четко очерченного круга их носителей, эффективности процедур лишения иммунитетов и правового механизма их реализации, а также при построении точного понятийного аппарата, касающегося института иммунитетов.

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. В российском законодательстве, а также и среди ученых-правоведов отсутствует единая точка зрения по поводу понятия «уголовно-процессуальный иммунитет», также как и по его значению и содержанию в уголовном судопроизводстве.

2. Представляется, что ввиду особого назначения иммунитетов в уголовном судопроизводстве они созданы для обеспечения гарантий законности и обоснованности привлечения отдельных категорий граждан к уголовной ответственности, возбуждения против них уголовного дела и применения процессуальных мер принуждения.

3. Очевидно, что освобождение лиц, обладающих иммунитетом от уголовной ответственности, обусловлено их особым юридическим статусом (дипломат, консул и т. д.). Освобождение это происходит с соблюдением ряда процессуальных формальностей, установленных в международном, конституционном и уголовно-процессуальном праве.

4. Надо думать, давно назрела необходимость в дополнении уголовно-процессуального законодательства определением понятия «уголовно-процессуальный иммунитет». Однако признание правомерности данного вывода повлечет необходимость дополнения общих положений ст. 5 УПК РФ, а именно включение в ст. 5 УПК РФ пункта 57.1: «Уголовно-процессуальный иммуни-

тет — это правовой институт, включающий в себя совокупность управомочивающих, обязывающих и запрещающих юридических норм, регулирующих особый порядок досудебного и судебного производства в отношении определенных категорий лиц, установленных ст. 447 УПК РФ».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : в ред. федер. закона РФ от 26 апр. 2013 г. № 64-ФЗ // СЗ РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921; 2013. — № 17. — Ст. 2031.

2. Агаев Ф.А. Иммуниеты в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ф.А. Агаев. — М., 1997. — 24 с.

3. Корольков И. Неподсудные в мантии / И. Корольков // Известия. — 1995. — 10 марта.

4. Корольков И. Хамство в мантии / И. Корольков // Известия. — 1995. — 8 июля.

5. Корякин И.П. Иммуниет в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / И.П. Корякин. — Караганда, 2002. — 160 с.

6. Руднев В.И. Иммуниеты в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В. И. Руднев. — М., 1997. — 22 с.

Информация об авторах

Лукошкина Светлана Валерьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Lukoshkina@mail.ru.

Попова Лилия Райнгольдовна — магистрант, кафедра уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: lilia2008zif@mail.ru.

Information about the authors

Lukoshkina Svetlana Valeryevna — candidate of law science, associate professor of the chair of criminal procedure and prosecutor's supervision, Baikal State University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: Lukoshkina@mail.ru.

Popova Liliya Raingoldovna — master, chair of criminal procedure and prosecutorial supervision, Baikal State University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: lilia2008zif@mail.ru.

УДК 343.14
ББК 67.521.2

В.А. Родивилина

ПРИМЕНЕНИЕ ВИДЕОЗАПИСИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

В статье на основании анализа норм уголовно-процессуального законодательства предлагаются рекомендации по порядку применения видеозаписывающей техники при производстве следственных действий и оформлении их результатов.

Ключевые слова: видеозапись, специалист, следственные действия, технические средства.

V.A. Rodivilina

THE USE OF VIDEO RECORDING IN INVESTIGATIVE ACTION: PRACTICAL RECOMMENDATIONS

In article on the basis of norms of the criminal procedure law provides recommendations on the procedure of application of video recording equipment for production and processing of results of the investigation.

Keywords: video, specialist investigative measures, technical means.

Применение видеозаписи имеет большое значение для успеха расследования преступлений и может быть весьма эффективным способом фиксации практически при всех следственных действиях — от осмотра места происшествия до производства экспертизы. Преимущества применения технических средств фиксации заключаются в том, что доказательственная информация, полученная с их помощью, отличается объективностью, наглядностью, отсутствием искажений под воздействием времени и многократного воспроизведения.

Применение технических средств фиксации, основанных на цифровых технологиях, позволяет фиксировать, хранить и передавать информацию в электронно-цифровой форме, т. е. в форме электронного документа. Подобная форма представления информации обеспечивает высокое качество фиксации, компактность, надежность, быстроту и удобство в применении технических средств фиксации.

Производство следственных действий и, соответственно, применение технических средств при их производстве должно обеспечить получение доказательств, обладающих в соответствии со ст. 88 УПК РФ свойствами достоверности и допустимости.

Анализ материалов судебной практики показывает, что полученные с помощью средств цифровой техники видеоматериалы, в том числе отражающие ход и результаты следственных действий, нередко признаются недопустимыми доказательствами и исключаются из системы доказательств по уголовному делу по причине возникших у суда сомнений в достоверности отраженной в них информации. Подобные сомнения при оценке доказательств являются следствием несоблюдения при производстве следственных действий установленного законом порядка и условий применения технических средств.

Следователями и дознавателями нередко допускаются ошибки при оформлении результатов применения видеозаписи в ходе производства следственных действий, упаковки носителей электронной информации при их направлении для производства экспертиз в экспертные учреждения, не принимаются меры по обеспечению защиты электронных документов от несанкционированного доступа либо сведения о принятых мерах в протоколах соответствующих следственных действий не отражаются. В оп-

ределенной мере это обусловлено недостатком рекомендаций по порядку применения видеозаписывающей техники при производстве и оформлении результатов следственных действий.

Применение видеозаписи в ходе производства следственного действия следователь осуществляет по собственной инициативе либо по ходатайству участников процесса. Видеозапись наиболее целесообразно осуществлять тогда, когда необходимо запечатлеть какое-либо действие и сопровождающие его звуки, имеющие значение для уголовного дела.

Технические средства фиксации хода и результатов производства следственного действия применяются в обязательном порядке в случае его производства без участия понятых (ч. 1.1 и 3 ст. 170 УПК РФ). Если в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись.

Согласно ч. 5 ст. 166 УПК РФ лица, участвующие в следственном действии, должны быть заранее предупреждены о применении при производстве следственного действия технических средств, а также об условиях и порядке их применения.

Для осуществления видеозаписи может быть приглашен специалист, которому разъясняются его права и обязанности, предусмотренные ст. 58 УПК РФ.

В видеозаписи условно можно выделить три части: вводную, основную и заключительную. Во вводной и заключительной частях фиксируются сведения, поясняющие и удостоверяющие видеозапись, основная часть отражает ход и результаты следственного действия.

Фиксация хода и результатов следственного действия в каждом конкретном случае имеет свою специфику и зависит от вида и характера следственного действия, а также ситуации, в которой оно проводится.

Вводную часть видеозаписи любого следственного действия желательно начинать с изображения крупным планом проводящего данное действие лица, которое называет свою должность и фамилию, и какое следственное действие по уголовному делу проводится. Затем указываются время, место проведения следственного действия и все участники следственного действия, которых также целесообразно запечатлеть крупным планом. Далее

следователь (дознатель) разъясняет права и обязанности каждого участника, и порядок проведения следственного действия, после этого проводится основная часть следственного действия.

По окончании следственного действия видеозапись полностью воспроизводится его участникам. Дополнения к видеозаписи, сделанные участниками следственного действия, также фиксируются видеозаписью, которая заканчивается заявлениями обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, а также других участников следственного действия, удостоверяющими ее правильность.

Протокол следственного действия, в ходе которого применялась видеозапись, помимо общих реквизитов и описания хода следственного действия должен содержать: отметку о применении видеозаписи, времени ее начала и уведомлении об этом участников следственного действия; сведения о технических средствах и условиях применения видеозаписи, а также о том, кто вел видеозапись; отметку о воспроизведении видеозаписи участникам; заявления участников о том, что с протоколом следственного действия и с видеозаписью они ознакомились, что все записано правильно, дополнений они не имеют (либо их заявления о неправильности видеозаписи, конкретные замечания и дополнения); отметку следователя о времени окончания следственного действия и видеозаписи.

Письменная часть протокола следственного действия в случае применения видеозаписи должна дословно отражать содержащуюся на записи информацию.

Видеозапись, произведенная в ходе следственного действия, должна быть предъявлена понятым и другим участвующим в следственном действии лицам путем демонстрации записи на дисплее цифровой аппаратуры [2].

В соответствии с ч. 2 ст. 166 УПК РФ материалы видеозаписи, к которым относятся и цифровые носители видеoinформации, хранятся при уголовном деле в отдельном оклеенном и опечатанном конверте, снабженном пояснительной надписью, удостоверенной подписями следователя и понятых (если они участвовали в производстве следственного действия).

Приобщение в качестве приложения к протоколу следственного действия электронных носителей образной информации, ис-

пользуемых в цифровой аппаратуре и компьютерной технике, является в соответствии со ст. 166 УПК РФ императивным требованием закона.

При применении для видеозаписи цифровой аппаратуры и компьютерной техники к протоколу следственного действия прилагаются цифровые носители информации, содержащие видеозапись объекта в форме электронного документа. Они имеют статус приложения к протоколу соответствующего следственного действия и являются частью данного вида доказательства. В протоколе следственного действия делается отметка о приобщении данных приложений. Процедура приобщения объекта к протоколу ограничивается указанными записями и не требует вынесения специального постановления или иного какого-либо процессуального документа.

В случае воспроизведения видеозаписи при производстве другого следственного действия необходимо сделать об этом отметку в протоколе этого следственного действия.

После окончания следствия при ознакомлении с материалами уголовного дела по ходатайству потерпевшего или обвиняемого, гражданского истца или гражданского ответчика им воспроизводятся видеозаписи соответствующих следственных действий.

При применении видеозаписи следственного действия специалист, проводящий видеозапись, должен запечатлеть каждого задающего и отвечающего на вопрос средним или крупным планом так, чтобы можно было различить черты внешности говорящего. Только после полного ответа на вопрос задается следующий вопрос, при этом нельзя задавать сразу несколько вопросов, подсказывать, говорить за отвечающего, комментировать ответ. Не следует допускать одновременный разговор нескольких участников следственного действия. Необходимо помнить, что каждое слово и жест фиксируются видеозаписью; нарушение этих рекомендаций свидетельствует о неподготовленности, низком профессиональном уровне следователя (дознателя) и в конечном счете ведет к снижению доказательственного значения результатов следственного действия.

Результаты измерений, проводимых на месте следственного действия, должны быть показаны крупным планом, названы и

указаны в протоколе следственного действия и графических приложениях.

Обнаруженные следы и другие вещественные доказательства описываются с указанием места их обнаружения, общих и частных признаков предмета, вещественного доказательства или следоносителя, способа обнаружения следов, места расположения следов на следоносителе, общие и частные признаки следов, способ изъятия и упаковки. Специалист, осуществляющий видеозапись, должен применять приемы и способы съемки, которые рекомендует криминалистическая наука использовать на месте происшествия. Все действия по обнаружению, фиксации и изъятию следов и других вещественных доказательств должны быть озвучены следователем или специалистом для записи на видеозапись [1, с. 27–28].

В связи с отсутствием методических рекомендаций по процессуальным особенностям использования технических средств в стадии предварительного расследования в деятельности органов предварительного расследования МВД технические средства, к сожалению, используются не в полном объеме. Кроме того, имеет место недостаточное обеспечение подразделений ОВД МВД России техническими средствами: при проведенном мною анкетировании 100 сотрудников ОВД России в Красноярском крае, Амурской и Иркутской областях, республиках Бурятия и Саха (Якутия) (45 дознавателей, 55 следователей) 80 % респондентов отметили, что одной из проблем, затрудняющих использование при производстве следственных действий технических средств, является их недостаток на данный момент. На отсутствие навыков применения технических средств и психологическое напряжение, возникающее перед работающей видеокамерой, сослались 20 % анкетированных.

В связи с этим представляется целесообразным введение в учебных заведениях (при подготовке курсантов и слушателей, на курсах повышения квалификации) практических курсов по использованию технических средств фиксации. Эти курсы должны быть построены в виде тренинга, на котором сотрудники правоохранительных органов могли бы научиться использовать технические средства правильно не только с технической стороны, но и с точки зрения уголовно-процессуального закона, а также при-

обрели бы навыки поведения перед камерой. Это позволило бы не только получить теоретические сведения о технических средствах фиксации, но и сформировать устойчивые навыки работы с ними и, следовательно, повысить качество получения важной для расследования информации, тем самым положительно повлиять на качество расследования уголовных дел.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Газизов В.А. Видеозапись и ее использование при производстве следственных действий : учеб. пособие / В.А. Газизов, А.Г. Филиппов. — М. : МЦ при ГУ К МВД России, 1997. — 80 с.
2. Мусеибов А.Г. Правила применения цифровой аппаратуры и компьютерной техники при производстве следственных действий / А.Г. Мусеибов // СПС «Консультант Плюс».

Информация об авторе

Родивилина Виктория Александровна — адъюнкт кафедры уголовного процесса, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664047, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, e-mail: 377b@bk.ru; научный руководитель и рецензент — И.В. Смолькова, зав. кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора БГУЭП, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

Rodivilina Victoria Aleksandrovna — graduate student, Department of Criminal Procedure. East-Siberian Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, 664047, Irkutsk, Lermontov st., 110, e-mail: 377b@bk.ru; scientific director and re-viewer — I.V. Smolkova, Professor of Criminal Procedure and Criminalistics BSUEL, Doctor of Law, Professor.

УДК 343.13
ББК 67.410.267

**О.А. Самсонова
Т.Д. Гармаев**

ОГЛАШЕНИЕ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЯ, ПОТЕРПЕВШЕГО: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В статье анализируются основания и процессуальные процедуры оглашения показаний свидетеля, потерпевшего в ходе судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела по существу. Авторы предлагают свое видение проблемы соблюдения прав и законных интересов подсудимого при оглашении показаний свидетелей, потерпевших, а также процессуальные пути их защиты.

Ключевые слова: показания, потерпевший, свидетель, судебное разбирательство, непосредственность судебного разбирательства.

**O.A. Samsonova
T.D. Garmayev**

ANNOUNCEMENT IN THE COURT SESSION OF INDICATIONS OF THE WITNESS, THE VICTIM: RIGHT APPLICATION PROBLEMS

In article the bases and procedural procedures of announcement of indications of the witness who was injured during judicial proceedings by consideration of criminal case in essence are analyzed. Authors offer the vision of a problem of observance of the rights and legitimate interests of the defendant at announcement of indications of witnesses, victims, and also procedural ways of their protection.

Keywords: indications, victim, witness, judicial proceedings, spontaneity of judicial proceedings.

Одним из важных вопросов правоприменения в современном уголовном судопроизводстве является процедура оглашения в судебном заседании показаний свидетелей, потерпевших и об-

виняемых, данных ими в ходе производства предварительного следствия в порядке, предусмотренном ст. 276 и 281 УПК РФ.

Так, огласить показания подсудимого (обвиняемого) возможно по ходатайству одной из сторон в случаях: наличия существенных противоречий между показаниями, данными им в ходе предварительного расследования и в суде; когда уголовное дело рассматривается в отсутствие подсудимого в соответствии с ч. 4 и 5 ст. 247 УПК РФ; в случае отказа подсудимого от дачи показаний в судебном заседании.

Что касается процедуры оглашения показаний потерпевшего, свидетеля в порядке, предусмотренном ст. 281 УПК РФ, хотелось бы обратиться к генезису указанной нормы.

Так, с 18 декабря 2001 г. по 24 июля 2003 г. редакция данной статьи предполагала, что оглашение показаний потерпевшего и свидетеля возможно по решению суда, но с согласия сторон в двух случаях: наличия существенных противоречий между ранее данными показаниями и показаниями, данными в суде, либо в случае неявки в судебное заседание свидетеля или потерпевшего. Конструкция ч. 2 ст. 281 УПК РФ также предполагала возможность оглашения показаний и в случае отказа указанных участников процесса от дачи показаний в ходе судебного разбирательства. Такой вывод очевиден, несмотря на то что отказ от показаний не указывался прямо в ч. 1 указанной статьи в числе основания оглашения ранее данных показаний.

Федеральный закон от 24 июля 2003 г. несколько изменил подход к оглашению показаний свидетеля и потерпевшего в судебном заседании. Так, было определено несколько процедур принятия решения об оглашении показаний:

Во-первых, показания подлежат оглашению по решению суда с согласия сторон. Во-вторых, показания подлежат оглашению по решению суда по ходатайству одной из сторон. В-третьих, показания подлежат оглашению судом по собственной инициативе.

При этом по решению суда с согласия сторон могут быть оглашены показания в случае неявки потерпевшего и свидетеля за исключением следующих случаев:

- 1) смерти потерпевшего или свидетеля;
- 2) тяжелой болезни, препятствующей явке в суд;

3) отказа потерпевшего или свидетеля, являющегося иностранным гражданином, явиться по вызову суда;

4) стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке в суд.

Во всех четырех указанных выше случаях оглашение возможно по решению суда как по ходатайству стороны, так и по собственной инициативе суда. Кроме того, исключительно по ходатайству стороны суд может принять решение об оглашении показаний потерпевшего и свидетеля в случае наличия существенных противоречий показаниям, данными указанными лицам в ходе предварительного расследования и в суде.

Также ч. 4 ст. 281 УПК РФ сохранила возможность оглашения показаний и в случае отказа указанных участников процесса от дачи показаний в ходе судебного разбирательства.

Таким образом, с 24 июля 2003 г. суд получил право по собственной инициативе оглашать показания потерпевшего и свидетеля. Помимо этого, в отдельной части указанной статьи прямо было закреплено право суда принять решение об оглашении показаний при наличии существенных противоречий.

Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ с 1 января 2015 г. ст. 281 УПК РФ будет дополнена частью 6 следующего содержания:

«6. Оглашение показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, а также демонстрация фотографических негативов и снимков, диапозитивов, сделанных в ходе допросов, воспроизведение аудио- и видеозаписи, киносъемки допросов осуществляются в отсутствие несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля без проведения допроса. По ходатайству сторон или по собственной инициативе суд выносит мотивированное решение о необходимости допросить несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля повторно».

Налицо дальнейшая корректировка содержания статьи, которая позволит оглашать показания несовершеннолетних потерпевших и свидетелей без их вызова и допроса в судебном заседании. И лишь в исключительных случаях по решению суда ука-

занная категория участников будет непосредственно допрошена в суде.

В ходе анализа «совершенствования» законодателем ст. 281 Уголовно-процессуального кодекса РФ становится очевидным вывод о том, что законодатель расширил возможности суда по оглашению показаний свидетелей и потерпевших практически безгранично, тем самым сужая возможности суда и иных участников судопроизводства по непосредственному восприятию показаний указанных лиц в ходе судебного заседания, как того требует содержание ст. 240 УПК РФ. Данная статья регламентирует непосредственность исследования доказательств в судебном разбирательстве, как общее условие судебного разбирательства, указывая при этом, что оглашение показаний возможно лишь в исключительных случаях, предусмотренных ст. 276 и 281 УПК РФ. Законодатель же, расширяя возможности суда по оглашению показаний обвиняемых, потерпевших, свидетелей, формирует практику, при которой становится практически несущественно, какие показания дают обвиняемый, потерпевший, свидетель в ходе судебного разбирательства.

К сожалению, в последние годы сложился следующий алгоритм получения, проверки и оценки этого вида доказательств. В ходе предварительного расследования уполномоченные должностные лица производят допросы обвиняемых, подозреваемых и свидетелей. При этом если в случае допроса обвиняемых (подозреваемых) закон предписывает обеспечить их право на защиту, в том числе в случаях обязательного участия защитника при производстве по уголовному делу, то при допросе свидетеля или потерпевшего присутствие защитника разрешается, но не требуется. Нередки случаи, когда следователи (дознаватели) позволяют себе высказывать мнение о том, что «добросовестному» потерпевшему и свидетелю не требуется присутствие адвоката. Чаще всего такая позиция занимает должностными лицами по отношению к свидетелям. Таким образом, в ходе предварительного расследования допрос свидетеля или потерпевшего представляет собой «доверительную» беседу указанных лиц и следователя, иногда при этом присутствуют оперативные сотрудники. В большинстве случаев адвоката при допросе свидетеля или потерпевшего нет. Как указывают отдельные авторы, «проводимый следователем

(дознавателем) допрос в ходе предварительного расследования уголовного дела определенным образом структурирован с учетом обвинительной позиции и происходит в отличных от судебного разбирательства условиях. В ходе же судебного следствия как таковой структуры, плана допроса нет, показания даются стихийно» [1, с. 17]. Как результат появляются на свет протоколы допросов свидетелей и потерпевших, в которых отражен не дословный рассказ свидетеля, потерпевшего (как того требует ст. 190 УПК РФ), а вольная интерпретация текста должностного лица, производившего допрос. Впоследствии в ходе допроса такого свидетеля или потерпевшего в суде они дают показания, существенно отличающиеся от содержания протоколов допросов. Соответственно у суда и стороны обвинения возникают основания для оглашения показаний, данных свидетелем, потерпевшим в ходе предварительного расследования. В совокупности с удостоверением в судебном заседании свидетелем, потерпевшим своей подписи под протоколом допроса, а также собственноручно сделанной записи «с моих слов записано верно, мной прочитано», такие показания признаются судом допустимыми и достоверными, а в последующем при их оценке в приговоре суд, относясь критически к показаниям, данным в ходе судебного разбирательства, кладет показания, данные в ходе предварительного расследования, в основу обвинительного приговора.

Таким образом, наиболее значимой проблемой в вопросе оглашения показаний свидетелей, потерпевших в судебном разбирательстве можно выделить два основания — оглашение в случае неявки свидетелей, потерпевших, а также оглашение в случае наличия существенных противоречий в показаниях, данных потерпевшим, свидетелем на стадии предварительного расследования и в суде.

Не вдаваясь в настоящей статье в вопросы оглашения показаний в связи с наличием существенных противоречий, хотелось бы остановить свое внимание на оглашении показаний в случае неявки свидетелей, потерпевших в судебное заседания.

Теме обеспечения явки свидетелей, потерпевших в судебное разбирательство как категоричного условия обеспечения права на защиту подсудимого посвящены правила п. 1 и подп. «d» п. 3 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных

свобод, которые требуют, чтобы обвиняемому была предоставлена адекватная возможность оспаривать утверждения и допрашивать свидетельствующих против него лиц либо когда они дают показания в суде, либо на более поздней стадии. Следует учитывать следующие положения прецедентной практики Европейского суда по правам человека по толкованию положений подп. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции в части реализации каждым обвиняемым в совершении уголовного преступления права на допрос свидетелей со стороны обвинения:

1. Свидетель должен быть официально вызван в суд, при этом должны быть предприняты эффективные меры, направленные на обеспечение явки свидетеля (потерпевшего) в судебное заседание.

2. Установление позиций сторон относительно возможности оглашения показаний неявившегося свидетеля.

3. При решении вопроса о правомерности оглашения показаний неявившегося свидетеля необходимо учитывать, насколько данные показания являются основными и решающими для оценки доказанности вины подсудимого, т. е. насколько они подтверждаются другими доказательствами.

4. Право обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, может быть реализовано не только в суде первой инстанции, но и во время очной ставки в ходе досудебного производства.

Таким образом, в целях наиболее качественной защиты интересов подсудимого считаем необходимым в случае заявления стороной обвинения ходатайства об оглашении не явившегося в судебное разбирательство свидетеля, потерпевшего стороне защиты категорически возражать против его удовлетворения. В случае удовлетворения судом ходатайства стороны обвинения и оглашения указанных показаний, содержанием ходатайства о признании данных показаний недопустимыми в соответствии с требованиями ст. 75 УПК РФ должны являться следующие основания:

1. Как уже указывалось выше, непосредственность исследования доказательств есть общее требование судебного разбирательства, а оглашение показаний участников лишь исключение из

этого правила, допустимое в строго определенных законом случаях и процессуальных рамках, что является, в свою очередь, гарантией права на защиту подсудимого. Сущность и назначение непосредственности судебного разбирательства характеризуется тем, что суд получает сведения об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения дела, путем личного восприятия всех доказательств в судебном заседании, а не по письменным материалам дела. И исключительно на основе своего восприятия суд должен сделать выводы по уголовному делу, выраженные в итоговом судебном решении (ч. 4 ст. 302 УПК РФ). Невыполнение этого условия нарушает самостоятельность суда, предопределяет формирование его убеждения материалами, собранными следователем, дознавателем, т. е. стороной обвинения, что исключает роль суда как независимого и беспристрастного арбитра в уголовно-правовом споре. Резюмируя, хотелось бы отметить, что начало непосредственности заключается в требовании того, чтобы все доказательства, с которыми суд сталкивается путем непосредственного восприятия, были восприняты судом от первого лица, противное нарушило бы требования уголовно-процессуального закона (ст. 240 УПК РФ).

2. В случае оглашения показаний свидетеля, потерпевшего при указанных обстоятельствах право на защиту обвиняемого нарушается посредством нарушения предусмотренной законом процедуры исследования доказательств. Право подсудимого на допрос показывающего на него свидетеля будет иллюзорным и теоретическим, если закон и судебная практика не будет делать различий между показаниями свидетелей, данными в присутствии обвиняемого, на публике, в открытом судебном процессе с соблюдением принципов равноправия и состязательности, и показаниями, полученными от свидетеля на предварительном следствии в отсутствие общественного контроля и потенциальной возможности давления и принуждения. Отсутствие такого различия предрешает результат судебного заседания и не ограждает обвиняемого от фальсификации доказательств правоохранными органами, а свидетеля от принуждения, запугивания и пыток со стороны правоохранительных органов. Если суд использует для доказательства вины человека показания свидетеля, дан-

ные на предварительном следствии, то нарушается принцип гласности [2].

3. Кроме того, предлагаем в тексте ходатайства о признании недопустимыми оглашенных показаний свидетелей, потерпевших указывать вопросы, по которым сторона защиты хотела бы допросить недопрошенного участника процесса, со ссылкой на то, что данные обстоятельства являются предметом доказывания по настоящему уголовному делу, т. е. обстоятельствами, подлежащими обязательному установлению по уголовному делу (ст.73 УПК РФ).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васяев А.А. О моменте оглашения в суде показаний свидетеля (потерпевшего), данных в ходе предварительного расследования по уголовному делу / А.А. Васяев // Адвокатская практика. — 2013. — № 1. — С. 17–18.

2. Постановление Европейского суда по правам человека от 10 февраля 1995 г. № 308/96 по делу «Аллене Де Рибемон против Франции» // СПС «Гарант».

Информация об авторах

Самсонова Ольга Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Samsonova-olga@mail.ru.

Гармаев Тумэн Дугарцыренович — магистрант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: tumen1427@mail.ru.

Information about the authors

Samsonova Olga Aleksandrovna — Candidate of law science, associate of the chair of criminal procedure and public prosecutor's supervision, Baikal State University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: Samsonova-olga@mail.ru.

Garmayev Tumen Dugartsyrenovich — the undergraduate of chair of criminal procedure and public prosecutor's supervision, Baikal State University of Economics and Law, 664003, Irkutsk, Lenin st., 11, e-mail: tumen1427@mail.ru.

УДК 341.4
ББК 67.911.15

И.Г. Смирнова
М.М. Маркович

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКСТРАДИЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ***

Обосновывается актуальность института экстрадиции, приводится анализ судебной статистики, а также обобщенные данные анкетирования сотрудников органов судебной власти, сотрудников органов уголовного преследования и должностных лиц органов прокуратуры.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, экстрадиция, выдача, принцип взаимности.

I.G. Smirnova
M.M. Markovich

**TOPICAL ISSUES OF THE EXTRADITION
IN MODERN CRIMINAL PROCEEDINGS:
OPINION OF THE SOCIETY**

In this document an actuality of institute of extradition is based, the judicial statistics analysis and summary data of questioning of justice officers, criminal prosecution officers and prosecutors are shown.

* Материал подготовлен в рамках выполнения проекта «Повышение эффективности уголовного судопроизводства по делам о киберпреступлениях для обеспечения национальной безопасности» в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук (Конкурс — МД-2014) на 2014–2015 гг. (договор № 14.Z56.14.2691-МД).

Keywords: criminal proceedings, criminal extradition, rendition, reciprocity.

Утверждение о том, что киберпреступность представляет реальную угрозу национальной безопасности, является аксиоматическим и не требует дополнительного обоснования. Вместе с тем специфика способов совершения подобных преступлений предопределяет возможность причинения вреда национальным и иным интересам одного государства при одновременном нахождении субъекта преступления на территории другого государства. В этой связи для обеспечения эффективного и результативного производства по уголовному делу может возникнуть потребность в реализации инструментов международного сотрудничества по уголовным делам, в частности такой его формы, как экстрадиция.

Однако для действенного ее применения требуется определить, насколько эффективны существующие экстрадиционные процессы. Одним из показателей может выступать общественное мнение как индикатор, наиболее наглядно отражающий объективную реальность.

Итак, институт экстрадиции, являясь одним из направлений международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, обеспечивает достижение целей уголовного процесса, восстановление нарушенных правоотношений, гарантирование равенства и справедливости в обществе, неотвратимость наказания, несмотря на территориальные разграничения юрисдикции разных стран. В последние десятилетия в РФ наметилась устойчивая тенденция к увеличению количества запросов о выдаче лиц, совершивших преступления, что, в свою очередь, вызвало необходимость совершенствования правового регулирования порядка и условий экстрадиции.

С середины 90-х гг. прошлого столетия по настоящее время Россией ратифицированы практически все основные многосторонние международные правовые акты Совета Европы и СНГ по вопросам экстрадиции: в 1994 г. — Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. с протоколом к ней от 28 марта 1997 г. (далее — Минская конвенция 1993 г.), в 1999 г. — Европейская конвенция о выдаче 1957 г. и др. В 2002 г. Россией под-

писана Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (далее — Конвенция о правовой помощи 2002 г.).

В развитие названных многосторонних актов Россией за этот период подписано и ратифицировано около 20 двусторонних договоров¹.

На национальном уровне вопросы экстрадиции также получают законодательное закрепление. Впервые в УПК РФ 2001 г. включены нормы, регламентирующие порядок и условия экстрадиции (гл. 54), которые в значительной степени оптимизировали правоприменительную практику в этой области. Однако анализ норм этой главы показывает, что они не в полной мере соответствуют международным обязательствам Российской Федерации, что обуславливает необходимость обоснования и внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство. Недостаточная законодательная регламентация экстрадиции в российском законодательстве снижает эффективность реализации данного института на практике.

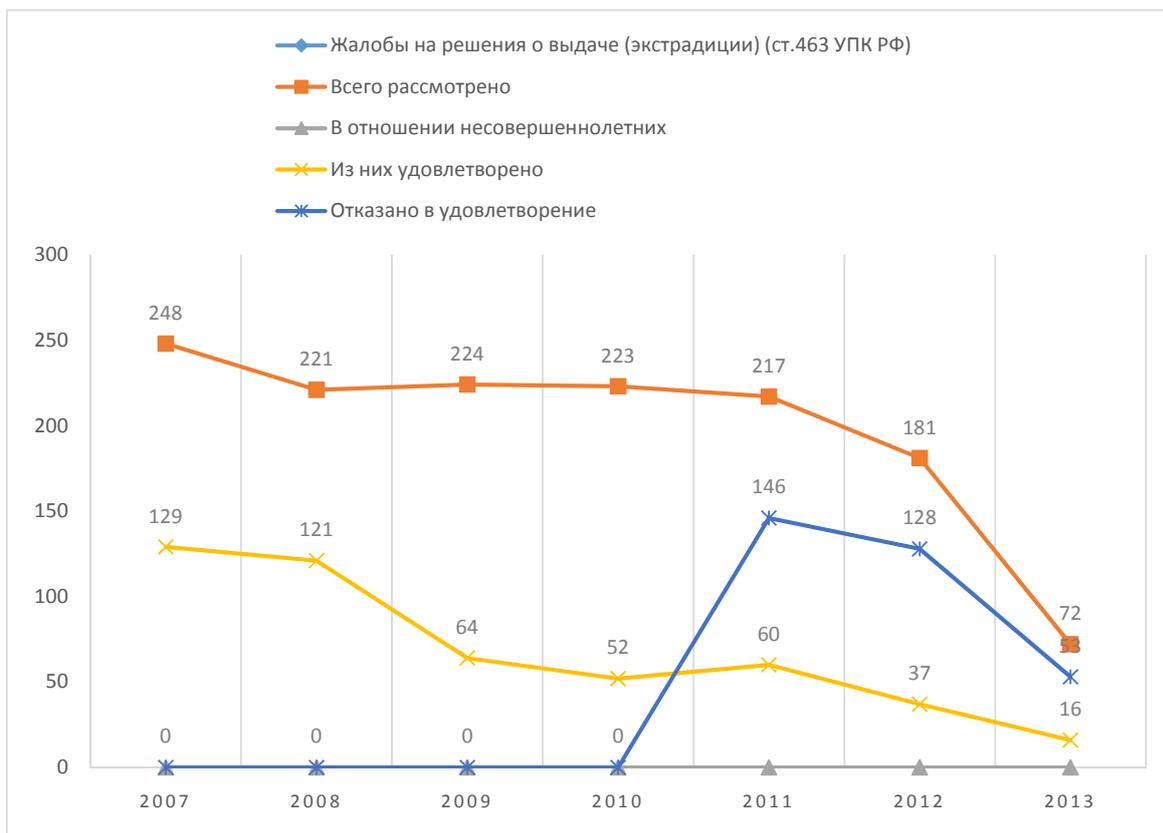
Введение этого нового института в российский уголовный процесс, современное состояние международно-правовой базы в области экстрадиции, а также накопившийся опыт правоприменительной практики требуют глубокого научного осмысления, определения закономерностей и тенденций ее развития с позиции теории уголовного процесса, выработки конкретных предложений по совершенствованию правовых основ экстрадиции и рекомендаций по их реализации.

Так, согласно анализу судебной статистики, вопросы экстрадиции являются предметом судебного рассмотрения (рис.)².

Динамика рассмотрения судами жалоб на выдачу обвиняемых по запросу иностранного государства представлена в таблице.

¹ О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 (ред. от 19 дек. 2013 г.) // Российская газета. 2012. № 141.

² Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 17.04.2014).

Жалобы на решения о выдаче (экстрадиции) (ст. 463 УПК РФ)

Статистические данные о рассмотрении судами общей юрисдикции жалоб на решения об экстрадиции граждан по запросу иностранных государств

Жалобы на решения о выдаче (экстрадиции) (ст. 463 УПК РФ)	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Всего рассмотрено	248	221	224	223	217	181	72
Из них удовлетворено	129	121	64	52	60	37	16
Доля удовлетворенных жалоб, %	52,01	54,70	28,50	23,30	27,60	20,40	22,20

В 2013–2014 гг. на территории пяти субъектов РФ — Хабаровского края, Амурской, Камчатской, Московской, Иркутской областей — было проведено анкетирование сотрудников прокуратуры, а также органов судебной власти, органов уголовного преследования.

Для получения наиболее объективных результатов по возможности сохранялся баланс опрошиваемых по гендерному признаку. Однако это не являлось самостоятельной целью. Применительно к сотрудникам органов судебной власти среди опрошен-

ных оказалось 10,5 % мужчин и 88,2 % женщин. Около половины опрошенных (50,4 %) — молодые сотрудники в возрасте до 30 лет. Соответственно, 48,3 % — лица старше 30 лет. Это соотношение не случайно, поскольку такой род профессии требует оперативности, с одной стороны, и усидчивости — с другой.

Так как актуальность экстрадиционных механизмов неуклонно растет, интересен тот факт, что при опросе сотрудников органов судебной власти 16,8 % работников судов общей юрисдикции, в том числе и судьи, ответили, что это выдворение из государства (2,1 %) и передача осужденных для отбывания наказания в государство его гражданства (14,7 %), что является абсолютно нетождественными правовыми явлениями. Нельзя не оставить без внимания мнение сотрудников органов уголовного преследования и прокуратуры: 18,19 и 5,25 % голосов рассматривают экстрадицию как выдворение из государства и передачу осужденных для отбывания наказания в государство их гражданства.

Интересны результаты анкетирования в части передачи права решения вопроса об экстрадиции лица прокурорам среднего звена (прокурорам субъектов РФ), на что 60,9 % сотрудников органов судебной власти, 65,27 % сотрудников органов уголовного преследования и 64,05 % сотрудников органов прокуратуры ответило о запрете передачи таких полномочий прокурорам субъектов РФ. И всего лишь 29,4 % сотрудников органов судебной власти, 17,12 % сотрудников органов уголовного преследования и 29,4 % сотрудников органов прокуратуры согласились с данным суждением.

По мнению 71,4 % сотрудников органов судебной власти, 70,62 % сотрудников органов уголовного преследования и 75,6 % сотрудников органов прокуратуры, на вопрос о закреплении в УПК РФ исчерпывающего перечня императивных оснований отказа в выдаче (когда в выдаче должно быть отказано) ответили положительно, напротив, 25,2 % сотрудников органов судебной власти, 16,05 % сотрудников органов уголовного преследования и 21,0 % сотрудников органов прокуратуры ответили отрицательно. Это свидетельствует об установлении стабильности, закрепленной на уровне национального законодательства, когда 12,9 % опрошенных сотрудников предпочли воздержаться, оставив этот вопрос без рассмотрения.

В соответствии с ч. 2 п. 4 ст. 464 УПК РФ в выдаче лица может быть отказано, если уголовное преследование лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, возбуждается в порядке частного обвинения. В связи с этим, задав определенному кругу должностных лиц вопрос, в каком качестве стоило бы рассматривать уголовное преследование лица в порядке частного обвинения, получены следующие результаты: 46,2 % сотрудников органов судебной власти, 56,71 % сотрудников органов уголовного преследования и 44,1 % сотрудников органов прокуратуры выбрали, что уголовное преследование лица в порядке частного обвинения следует рассматривать в качестве императивного основания отказа в выдаче лица, в то время как 50,4 % сотрудников органов судебной власти, 33,17 % сотрудников органов уголовного преследования и 52,5 % сотрудников органов прокуратуры — в качестве факультативного основания отказа в выдаче.

В УПК РФ в ч. 2 ст. 460 говорится о выдаче лица на основе принципа взаимности, если деяние, в связи с которым направляется запрос о выдаче, является уголовно наказуемым и за его совершение предусматривается наказание не менее одного года. Респондентам был задан вопрос о минимальном сроке возможного наказания для экстрадиции лица в целях его уголовного преследования, на что 48,3 % сотрудников органов судебной власти, 46,01 % сотрудников органов уголовного преследования и 35,7 % сотрудников органов прокуратуры ответили: только при наличии достаточного обоснования со стороны запрашивающего государства независимо от срока; 29,4 % сотрудников органов судебной власти, 24,61 % сотрудников органов уголовного преследования и 15,75 % сотрудников органов прокуратуры ответили, что по усмотрению запрашиваемого государства. Что касается минимального срока в один год, закрепленного в УПК РФ, — 12,6 % сотрудников органов судебной власти, 16,05 % сотрудников органов уголовного преследования и 22,05 % сотрудников органов прокуратуры, считают целесообразным 6,3 % сотрудников органов судебной власти, 5,35 % сотрудников органов уголовного преследования и 23,1 % сотрудников органов прокуратуры закрепить в ст. 460 УПК РФ минимальный срок возможного наказания для экстрадиции лица в целях его уголовного преследования — два года.

Вышеуказанная статья также не оставляет без внимания выдачу лица на основе принципа взаимности для исполнения приговора, если лицо осуждено к лишению свободы на срок не менее шести месяцев. Респондентам был задан вопрос о минимальном сроке назначенного наказания для возможности экстрадиции лица, в целях исполнения приговора, на что 52,5 % сотрудников органов судебной власти, 38,52 % сотрудников органов уголовного преследования и 23,1 % сотрудников органов прокуратуры ответили, что только при наличии достаточного обоснования со стороны запрашивающего государства независимо от срока, в то время как 16,8 % сотрудников органов судебной власти, 24,61 % сотрудников органов уголовного преследования и 19,95 % сотрудников органов прокуратуры ответили: по усмотрению запрашиваемого государства. На вопрос, каким должен быть минимальный срок назначенного наказания для возможности экстрадиции лица в целях исполнения приговора, 4,2 % сотрудников органов судебной власти, 9,63 % сотрудников органов уголовного преследования и 12,6 % сотрудников органов прокуратуры ответили — шесть месяцев, что соответствует минимальному сроку УПК РФ. А также были предложены и другие минимальные сроки назначенного наказания для возможности экстрадиции лица в целях исполнения приговора: четыре месяца, один год, два года. За четыре месяца проголосовали 6,3 % сотрудников органов судебной власти и 3,15 % сотрудников органов прокуратуры; за один год — 10,5 % сотрудников органов судебной власти, 14,98 % сотрудников органов уголовного преследования и 17,85 % сотрудников органов прокуратуры; два года — 2,1 % сотрудников органов судебной власти, 5,35 % сотрудников органов уголовного преследования и 22,05 % сотрудников органов прокуратуры.

В настоящее время увеличивается число граждан, имеющих двойное гражданство (бипатридов). Вопрос о выдаче государству лица, которое является и гражданином РФ, и гражданином иной страны, остается до сих пор неразрешенным, имеются пробелы в законодательстве. В этой связи не остался без внимания вопрос о допустимости экстрадиции собственных граждан — бипатридов в государство их второго гражданства. Действительно, спорный вопрос, ведь ст. 464 УПК РФ четко прописывает отказ в выдаче лица, которое является гражданином РФ, когда, напротив, второе

государство его второго гражданства имеет равные полномочия об экстрадировании данного лица на территорию иностранного государства. Тем не менее опрос респондентов дал следующие результаты: 50,4 % сотрудников органов судебной власти, 51,36 % сотрудников органов уголовного преследования и 36,75 % сотрудников органов прокуратуры ответили, что экстрадиция собственных граждан в государство их второго гражданства допустима, а 31,5% сотрудников органов судебной власти, 34,24 % сотрудников органов уголовного преследования и 59,85 % сотрудников органов прокуратуры проголосовало за недопустимость экстрадиции гражданина РФ в государство его второго гражданства.

Крайне значимый и актуальный институт экстрадиции, в силу особенностей своего правового регулирования (наличия большого количества договоров и соглашений), не может основываться исключительно на императивном уголовно-процессуальном регулировании.

Проведенное социологическое исследование выявило несколько проблем, связанных с экстрадицией. Во-первых, это неосведомленность правоприменителя относительно теоретических аспектов института экстрадиции. Во-вторых, различные, зачастую диаметрально противоположные мнения о способах процессуального урегулирования экстрадиционных процессов, сроков, условий и оснований экстрадиции.

Таким образом, ввиду развития международных, транснациональных, геополитических процессов должное правовое урегулирование экстрадиции нуждается в своевременном надлежащем правовом урегулировании.

Информация об авторах

Смирнова Ирина Георгиевна — зав. кафедрой криминалистики и судебных экспертиз, доктор юридических наук, профессор, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

Маркович Марина Михайловна — магистрант, кафедра криминалистики и судебных экспертиз, Байкальский государствен-

ный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: marissabel_89@bk.ru.

Information about the authors

Smirnova Irina Georgiyevna — the manager of chair of criminalistics and judicial examinations, the doctor of jurisprudence, professor, the Baikal State University of Economics and Law, 664003, Irkutsk, Lenin st., 11, e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

Markovich Marina Mikhaylovna — the master's student, chair of criminalistics and judicial examinations, the Baikal State University of Economics and Law, 664003, Irkutsk, Lenin st., 11, e-mail: marissabel_89@bk.ru.

УДК 343.983.25

ББК 67.521

И.В. Смолькова

КОНТРОЛЬ И ЗАПИСЬ ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ КАК СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ

В статье рассматриваются дискуссионные проблемы, связанные с производством контроля и записи телефонных и иных переговоров как следственного действия, анализируются понятия «телефонные переговоры», «иные переговоры», «средства коммуникации», «другие лица».

Ключевые слова: контроль и запись телефонных переговоров, переговоры, телефонные переговоры, иные переговоры, средства коммуникации, другие лица.

I.V. Smolkova

CONTROL AND RECORD TELEPHONE CONVERSATIONS AS INVESTIGATIVE ACTION

The article considers discussion of the problems associated with the production of the control and recording of telephone and other talks as investigative action, and analyses the concept of «telephone

conversations», «other negotiations», «communication tools», «other persons».

Keywords: control and record telephone conversations, negotiations, phone calls, other negotiations, communications, other persons.

Давно прошло то время, когда человек мог удалиться в свой дом и чувствовать себя защищенным от чужих глаз и ушей.

Ф. Харп

Научно-технический прогресс и стремительное развитие новых технологий, формирование информационного общества, внедрение новых телекоммуникационных систем во все сферы жизни общества, доступность средств цифровой телефонной и иной связи, а также осуществляющихся с их помощью контактов среди широких слоев населения, не могли не сказаться и на преступности, ее оснащении современными техническими средствами, что, в свою очередь, обусловило необходимость использования последних и в целях борьбы с нею.

В условиях, когда преступность приобретает все более организованные формы, а тяжкие преступления зачастую совершаются заговорщиками и хорошо технически оснащенными группами, эффективная борьба с ними невозможна без применения самых совершенных технических средств, к числу которых относится и контроль и запись телефонных и иных переговоров. Международный опыт свидетельствует о том, что вести борьбу с преступностью без вынужденного вмешательства в частную жизнь граждан, в том числе и в тайну телефонных и иных переговоров, практически невозможно. Контроль и запись телефонных и иных переговоров в качестве следственного действия — эффективный инструмент раскрытия и расследования преступлений.

В нашей стране прослушивание телефонных и иных переговоров впервые было включено в систему следственных действий Законом СССР от 12 июня 1990 г. «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» [3]. До принятия этого Закона данное действие относилось к числу оперативно-розыскных мероприятий.

В уголовно-процессуальной литературе были высказаны различные оценки данного следственного действия. Так, одни ав-

торы считали, что его законодательное закрепление своевременное и необходимо [7, с. 32; 18, с. 88].

Другие, напротив, выступили против данного следственного действия. Наиболее резко высказался по данному поводу В.М. Савицкий. По его мнению, «недопустимо расширять круг источников доказательств за счет ограничения конституционных прав личности. Легализация изъятий из тайны телефонных переговоров, возможно, в отдельных случаях позволит следственным органам заполучить какие-то сведения, но никому не удастся объяснить, почему на протяжении десятилетий следственная и судебная практика прекрасно обходилась без такого вида доказательств, а сейчас, когда тайна телефонных переговоров впервые возведена в ранг конституционного положения, появилась срочная необходимость урезать это положение, ограничить сферу его действия» [16, с. 60].

Солидаризируясь с В.М. Савицким, А.М. Ларин также отмечал: «Если подслушивание и подглядывание будут закреплены в законе как обычные способы собирания доказательств, это может получить широкое распространение, превратиться в социальное явление. ...Общество, где каждый допускает, что его прослушивают, утрачивает нормальный человеческий облик» [15].

Еще более резко относительно прослушивания телефонных переговоров высказывался бывший Генеральный атторней США Р. Кларк: «Подслушивание телефонных переговоров — не просто мерзкое занятие, это проявление недобросовестного отношения к самим основам неприкосновенности личности» [11, с. 373].

Следует заметить, что данные суждения были высказаны достаточно давно, когда их авторы и предположить не могли, как далеко продвинется технический прогресс в части совершенствования прослушивающей аппаратуры, как в целях совершения преступлений, так и в целях борьбы с ними, и каковы будут масштабы использования технических средств для прослушивания телефонных и иных переговоров и какие технические возможности получения доказательственной информации он предоставит.

Компьютеры, сотовые телефоны, смартфоны, смарт-телевизоры, маршрутизаторы, спутники, уличные камеры и навигаторы используются в качестве прослушивающей аппаратуры. Разразившийся скандал, связанный с разоблачениями Э. Сноуде-

на, подтверждает это весьма убедительно. Так, по данным некоторых авторов, Агентство национальной безопасности США только за один месяц (с 10 декабря 2012 г. по 8 января 2013 г. перехватило 70,3 млн телефонных разговоров французов и 60 млн — испанцев) [8].

В настоящее время среди процессуалистов нет принципиальных возражений против данного следственного действия, оно зарекомендовало себя как эффективное средство борьбы с преступностью, особенно с ее организованными формами и терроризмом. Безусловно, оно вторгается в конституционно защищенную сферу — сферу права граждан на тайну телефонных и иных переговоров, но используется в борьбе с преступностью во всем цивилизованном мире.

Федеральным законом от 20 марта 2001 г. № 26–ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод» [20] УПК РСФСР был дополнен ст. 174¹ «Контроль и запись телефонных переговоров». Термин «прослушивание» Закона СССР от 12 июня 1990 г. был заменен на термины «контроль и запись». В последующем и УПК РФ включил в систему следственных действий контроль и запись телефонных и иных переговоров (ст. 186).

Анализ ст. 186 УПК РФ дает основания для выделения двух видов данного следственного действия:

1. Контроль и запись телефонных и иных переговоров подозреваемого, обвиняемого и других лиц при производстве по уголовным делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлениях (ч. 1 ст. 186 УПК РФ).

2. Контроль и запись телефонных и иных переговоров потерпевшего, свидетеля, их близких родственников, родственников, близких лиц при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении них (ч. 2 ст. 186).

Для производства контроля и записи телефонных и иных переговоров необходимо наличие достаточных оснований полагать, что телефонные и иные переговоры могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела (например, фактические данные о связи конкретного лица с совершенным преступ-

лением или об осведомленности лица о преступлении и т. п.) — ч. 1 ст. 186 УПК РФ.

Для первого вида данного следственного действия требуется судебное решение (ч. 1 ст. 186 УПК РФ), а для второго вида — судебное решение требуется лишь в случае отсутствия письменного заявления указанных в ч. 2 ст. 186 УПК РФ лиц на производство данного следственного действия

Некоторые авторы предлагают предусмотреть в законе возможность «в некоторых случаях» «в интересах следствия» проведения контроля и записи телефонных и иных переговоров без судебного решения в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ с последующим уведомлением в течение 24 часов об этом судьи и прокурора [13, с. 331]. Думается, с этим предложением можно согласиться, но при одном условии: если речь идет только об «исключительных случаях» (по делам о преступлениях тяжких или особо тяжких), на что прямо указано в ч. 5 ст. 165, а не просто в «интересах следствия», поскольку такая формулировка дает простор для расширительного ее толкования, что совершенно недопустимо при ограничении конституционного права на тайну телефонных и иных переговоров.

Судебный контроль должен быть предусмотрен не только за установлением контроля и записи переговоров, но и за его окончанием. Однако законодатель проявляет некоторую непоследовательность в решении аналогичных вопросов. Так, следователь должен уведомить суд, принявший решение о наложении ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, в случае его отмены (ч. 6 ст. 185 УПК РФ), но уведомление суда об окончании контроля и записи переговоров в законе не предусмотрено. Поэтому, на мой взгляд, следует в УПК РФ указать на необходимость направления следователем копии постановления о прекращении контроля и записи телефонных и иных переговоров суду, принявшему решение о производстве данного следственного действия.

Согласно п. 14¹ ст. 5 УПК РФ контроль и запись телефонных и иных переговоров представляет собой «прослушивание и запись переговоров путем использования любых средств коммуникации, осмотр и прослушивание фонограмм».

Как видим, УПК РФ употребляет различную терминологию при описании данного следственного действия: «телефонные пе-

реговоры», «иные переговоры», «любые средства коммуникации», не раскрывая содержания данных понятий.

Под переговорами вообще понимается обмен сведениями, (информацией) между двумя и более лицами. К телефонным переговорам относятся разговоры, осуществляемые посредством телефонной связи.

Следует заметить, что в п. 14¹ ст. 5 УПК РФ достаточно широко обозначены «иные переговоры»: «переговоры с использованием любых средств коммуникации», что позволяет к этим средствам отнести любые средства обмена информацией между людьми (и факсимильный аппарат, и телеграф, и почтовых голубей, и общение глухонемых с помощью знаков и т. п.), поскольку коммуникация есть общение между людьми с использованием достаточно разнообразных средств и способов.

Однозначно, к «иным переговорам» (в контексте ст. 186 УПК РФ) не относятся обычные разговоры между людьми без использования технических средств. Недопустимы как контроль, так и фиксация информации, которая сообщается гражданами друг другу в условиях непосредственного контакта без использования технических каналов связи. Подобные действия являются грубым вмешательством в защищенную законом сферу частной жизни граждан. С этих позиций, правильно считает Т. Устинова, что прослушивание разговоров, ведущихся в личном помещении граждан, должно быть отнесено к посягательствам на неприкосновенность тайны личной жизни граждан [21, с. 8].

С.А. Машков, возражая Т. Устиновой, замечает, что уровень звукоизоляции в некоторых помещениях, а также повышенная тональность разговоров людей изначально делают тех же соседей нарушителями прав человека и гражданина [15, с. 69]. Мне думается, в данном случае автор отождествляет бытовое любопытство соседей с прослушиванием разговоров официальными органами.

Согласно ст. 186 УПК РФ контролироваться могут не только телефонные, но и иные переговоры. В юридической литературе относительно понятия «иные переговоры» высказаны две позиции. Первая состоит в том, что под «иными переговорами» необходимо понимать факсимильные сообщения, сообщения электронной почты, текстовые сообщения в сотовой связи, различные виды сообщений, осуществляемых организациями связи через

ЭВМ, Интернет, пейджинговыми компаниями с помощью соответствующих средств связи, а также путем телевизионного, звукового или иного вида вещания и т. д. [2, с. 13; 5, с. 13; 19, с. 22].

Вторая позиция заключается в том, что ее последователи считают, что перечисленные виды связи не могут быть отнесены к «иным переговорам», поскольку в этих случаях звуковое сообщение отсутствует и поэтому такая форма обмена информацией не может быть «прослушана» в физическом плане [16, с. 63].

К сожалению, нынешняя редакция ст. 186 УПК РФ дает основания для обоснования второй позиции, ибо она не учитывает современные виды интерактивной связи между людьми. Справедливо отмечает О.Г. Григорьев, что в уголовно-процессуальном значении переговоры должны обладать интерактивностью, заключающейся в реакции собеседников на вопросы и ответы друг друга в непрерывном режиме. Переговоры же, не обладающие этим признаком, в УПК рассматриваются под другим углом — не как переговоры, а по частям, представляющим собой самостоятельные волевые акты, определяемые как входящая либо исходящая почтово-телеграфная корреспонденция [6, с. 12].

Кроме того, исходя из смысла ст. 186 УПК РФ источником доказательственной информации при контроле и записи переговоров является фонограмма переговоров, приобщаемая к делу в качестве вещественного доказательства, поэтому для использования полученной информации необходима ее запись в виде фонограммы. Зафиксировать же буквенно-знаковую форму информации, переданной посредством компьютерной сети, в виде фонограммы невозможно. С другой стороны, очевидно, что законодатель, делая главный акцент на телефонных переговорах, фактически не учитывает разнообразие новых видов связи и, прежде всего, переговоров посредством компьютерной сети, объединяя их под весьма неопределенной формулировкой «иные переговоры». Справедливости ради, следует заметить, что данный подход был обусловлен, прежде всего, интенсивным развитием телефонной связи и отсутствием других видов интерактивной связи. Но в настоящее время такой подход уже устарел.

Совершенно очевидно, что требуются изменения закона, которые должны детализировать виды переговоров и правила полу-

чения информации о переговорах посредством новых видов интерактивной связи.

Статья 186 УПК РФ устанавливает, что контроль и запись телефонных и иных переговоров возможны не только в отношении подозреваемого и обвиняемого, но и в отношении «других лиц».

В литературе понятие «другие лица» толкуется очень широко. Так, С.И. Захарцев считает, что контролироваться могут переговоры любых лиц, в целях получения доказательств и иной информации, имеющей значение для дела [9, с. 10].

В.М. Быков также полагает, что к «другим лицам» относится достаточно широкий круг лиц — это родственники, члены семьи, близкие люди лица подозреваемого, обвиняемого, а также потерпевшие и «свидетели, по каким-либо причинам не давшие следствию правдивые показания». К «другим лицам», по его мнению, следует также отнести оставшихся не разоблаченными соучастников преступления; лиц, в жилище которых или по месту работы могут находиться важные доказательства, укрывается подозреваемый или обвиняемый; лиц, в отношении которых у следователя есть основания подозревать их в совершении преступления; лиц, которые могут располагать сведениями о преступлении и лицах, его совершивших, а также иными сведениями, имеющими значение для дела» [2, с. 64; 18, с. 50].

С.А. Шейфер к «другим лицам» относит «родственников и лиц из ближайшего окружения обвиняемого и подозреваемого, а также лиц, находящихся с ними в криминальных связях» [23, с. 105]. К сожалению, уважаемый автор использует некорректную терминологию: «ближайшее окружение», «лица, находящиеся в криминальных связях с обвиняемым». При таком подходе контроль и запись телефонных переговоров всех подряд, по образному выражению одного английского судьи, напоминает «рыболовную экспедицию» в надежде найти какие-то материалы, на которые можно повесить обвинение» [10, с. 32].

Контроль и запись телефонных переговоров вообще всех подряд может привести к серьезному ущемлению конституционных прав граждан. Думается, что в отношении контроля и записи телефонных и иных переговоров «других лиц» необходимо исходить из того, что они могут быть осуществлены, если имеются достаточные основания полагать, что телефонные и иные перего-

воры этих лиц могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 186 УПК РФ). Соответственно, возникает вопрос, что следует понимать под такими достаточными основаниями? Представляется, что закон относит к ним лишь фактические данные, подтвержденные конкретными доказательствами.

К сожалению, на практике ходатайства о проведении контроля и записи телефонных и иных переговоров следователи мотивируют ссылками на оперативную информацию, полученную сотрудниками оперативных служб. В обоснование этих ходатайств следователи, как правило, прилагают рапорты сотрудников оперативных служб без указания источника информации, из которого она получена. Между тем доверять оперативной информации суд не имеет права, поскольку суть судебного контроля состоит в проверке достаточных оснований для ограничения конституционных прав граждан.

Поэтому в ходатайствах следователей о проведении контроля и записи телефонных и иных переговоров должны быть указаны сведения, доказывающие наличие оснований для производства данного следственного действия, а также указание на оперативно-розыскные мероприятия, при проведении которых они получены, и данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, полученные на их основе.

Отдельные авторы полагают, что необходимо учитывать ситуации, когда телефонный аппарат или иное электронное средство связи используется рядом лиц совместно (например, членами семьи) и поэтому следователь должен выяснять позицию всех пользователей данного средства связи о производстве контроля переговоров, ведущихся с этого устройства, при отсутствии же единогласия между ними на его производство необходимо получать судебное решение, поскольку возможно нарушение конституционного права на тайну телефонных переговоров этих лиц [25, с. 11]. На мой взгляд, данное предложение потребует больших затрат времени и может повредить оперативности и эффективности проведения этого следственного действия.

А вот предложение А.Е. Чечетина, который предлагает в этих ситуациях использовать опыт США: по американским правилам в постановлении о прослушивании телефонных переговоров предусмотрено положение о «прерывании прослушивания»,

если разговор ведется лицом, не имеющим отношения к преступной деятельности проверяемых лиц, либо тема разговора не носит криминального характера [23, с. 129]; заслуживает внимания и его следует поддержать.

Согласно ч. 1¹ ст. 170 УПК РФ участие понятых при осмотре и прослушивании фонограмм (ч. 7 ст. 186 УПК РФ) зависит от усмотрения следователя. В литературе высказано предложение об участии специальных понятых при осмотре фонограммы прослушивания для того, чтобы исключить разглашение личной, семейной тайны и тайны следствия [24, с. 51]. По мнению же В.А. Семенцова, в этом нет необходимости, поскольку осмотр и прослушивание фонограмм производится в кабинете следователя, вне места проведения записи переговоров с учетом закрытого характера этой части следственного действия, а для сохранения в тайне данных предварительного расследования следователь вправе взять подписку у понятых о недопустимости разглашения ставших известными им сведений [17, с. 53].

Если следователь посчитает необходимым пригласить понятых, то данное предложение представляется вполне обоснованным, поскольку позволяет лучше обеспечить защиту тайны предварительного расследования и тайн частной жизни граждан.

Резюмируя изложенное, можно сделать следующие выводы. Статья 186 УПК РФ нуждается в совершенствовании: во-первых, в ней необходимо предусмотреть не только телефонные переговоры, но и переговоры с использованием технических средств связи; во-вторых, закрепить возможность проводить контроль и запись телефонных и иных переговоров без судебного решения в исключительных случаях в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ с последующим уведомлением суда и прокурора в течение 24 часов; в-третьих, следует установить в ст. 186 УПК РФ, что по окончании контроля и записи телефонных и иных переговоров следователь должен уведомить суд об окончании данного следственного действия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернам У. [Рецензия] / У. Бернам // Государство и право. — 1997. — № 10. — С. 117–120. — Рец. на кн.: Боботов С.В., Жигачев И.Ю. Введение в правовую систему США. — М. : Норма, 1997. — 333 с.
2. Быков В.М. Фактические основания производства следственных действий по УПК РФ / В.М. Быков // Журнал российского права. — 2005. — № 6. — С. 59–69.
3. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1990. — № 26. — Ст. 495.
4. Вишневский А.А. Банковское право Англии / А.А. Вишневский. — М. : Статут, 2000. — 300 с.
5. Гаврилин Ю.В. Использование контроля и записи телефонных и иных переговоров в раскрытии и расследовании преступлений / Ю.В. Гаврилин, Е.С. Дубоносов. — М. : Кн. мир, 2003. — 213 с.
6. Григорьев О.Г. Допустимость компьютерной информации, полученной в результате производства контроля и записи переговоров и выемки почтово-телеграфной корреспонденции / О.Г. Григорьев // Ученые записки : сб. науч. тр. Ин-та гос. и права. — Вып. 3. — Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2002. — С. 11–18.
7. Данилюк С. Как прослушать телефонный разговор / С. Данилюк, С. Виноградов, С. Щерба // Социалистическая законность. — 1991. — № 2. — С. 32–33.
8. Забродина Е. Развесили уши / Е. Забродина // Российская газета. — 2013. — 31 окт.
9. Захарцев С.И. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности и уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.И. Захарцев. — СПб., 2002. — 24 с.
10. Килкэли У. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 8: Право на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции / У. Килкэли, Е.А. Чефранова — М. : Изд-во Рос. акад. правосудия, 2001. — 160 с.
11. Кларк Р. Преступность в США / Р. Кларк. — М. : Прогресс, 1975. — 422 с.

12. Козинкин В.А. Использование в расследовании преступлений информации, обнаруживаемой в средствах сотовых систем подвижной связи / В.А. Козинкин. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 157 с.

13. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.Я. Сухарева. — М. : НОРМА, 2002. — 896 с. (автор комментария – Ю.Г. Торбин).

14. Ларин А. Нравственно — значит законно / А. Ларин // Известия. — 1990. — 19 февр.

15. Машков С.А. Прослушивание телефонных и иных переговоров: нерешенные вопросы и возможности применения результатов / С.А. Машков // Проблемы формирования уголовно-розыскного права : вневедомств. сб. науч. работ. — М. : Изд. Н.И. Шумилов, 2003. — С. 61–69.

16. Савицкий В.М. Правосудие и личность / В.М. Савицкий // Советское государство и право. — 1983. — № 5. — С. 55–62.

17. Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве: (общие положения теории и практики / В.А. Семенцов. — Екатеринбург : Изд. дом «Урал. гос. юрид. акад.», 2006. — 300 с.

18. Сидорова Н.А. Гарантия соблюдения законности при прослушивании телефонных и иных переговоров / Н.А. Сидорова // Вестник Ленинградского университета. Сер. 6. — 1991. — Вып. 4. — С. 88–93.

19. Симоров Д.Н. О последних изменениях оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства, касающихся контроля и записи телефонных и иных переговоров / Д.Н. Симоров // Российский следователь. — 2002. — № 5. — С. 21–24.

20. Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 13. — Ст. 1140.

21. Устинова Т. Нарушение тайны переписки, телефонных и иных сообщений граждан / Т. Устинова // Уголовное право. — 1998. — № 2. — С. 8–9.

22. Чечетин А.Е. Оперативно-розыскные мероприятия и права личности / А.Е. Чечетин. — Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2006. — 148 с.

23. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / С.А. Шейфер. — М. : Юрлитинформ, 2004. — 184 с.

24. Юрина Л.Г. Контроль и запись переговоров / Л.Г. Юрина, В.М. Юрин. — М. : Юрлитинформ, 2002. — 513 с.

25. Ярцева А.В. Использование в доказывании информации, передаваемой по техническим каналам связи: правовые и тактико-криминалистические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Ярцева. — Ростов н/Д, 2012. — 26 с.

Информация об авторе

Смолькова Ираида Вячеславовна — зав. кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kupik@isia.ru.

Information about the author

Smolkova Iraida Vyacheslavovna — the manager of chair of criminal process and the Prosecutor's supervision, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of jurisprudence, professor, Baikal State University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: kupik@isea.ru.

УДК 343.13(470)(091)

ББК 67.410.2-32(2Рос)г

Г.В. Сорокин

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРОВАВШЕГО ПОЛУЧЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ ОБВИНЯЕМОГО В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В статье анализируются правила получения показаний обвиняемого, предусмотренные в Своде Законов Российской Империи и в Уставе уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: Свод Законов Российской Империи, Устав уголовного судопроизводства, показания обвиняемого, допрос обвиняемого.

G.V. Sorokin

**FORMATION AND DEVELOPMENT
OF CRIMINAL PROCEDURE LAW,
REGULATING OBTAINING STATEMENT OF ACCUSED
IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA**

This paper examines the rules of obtaining statement of accused according to the Code of laws of the Russian empire, and the Charter of the criminal proceedings.

Keywords: the Code of laws of the Russian Empire, the Charter of the criminal proceedings, statement of accused, interrogation.

Исследование любого явления действительности необходимо начинать с поиска его исторических корней, поскольку история дает возможность понять его истинную сущность. Видный русский историк И.Д. Беляев в этой связи справедливо отмечал, что «современная жизнь нашего отечества и современное законодательство не могут быть вполне понятны и ясны для нас, ежели мы не знакомы с судьбами и историей предшествовавшей жизни и законодательства, ибо везде и во всем последующем имеет тесную связь с предыдущим, в последующем, современном всегда еще много остается от предшествовавшего; а в законодательстве эта связь предшествовавшего с последующим еще яснее: каждый последующий законодательный акт есть нечто иное, как развитие предшествовавших памятников, для которых он служит или дополнением, или объяснением, или ограничением и отменением» [2, с. 23].

Отправной точкой настоящего исследования является Свод Законов Российской Империи 1825 г. (далее — СЗ), в котором впервые было систематизировано российское законодательство от Соборного Уложения до указов Александра I. Оценивая значение СЗ, П.М. Майков писал: «Свод Законов являлся наиболее полным и обстоятельным из всех существовавших... собраний законов не только в нашем отечестве, но и в иностранных госу-

дарствах» [5, с. 67]. Г.Э. Блосфельдт, редактор IX тома СЗ, также отмечал, что «окончательное решение по вопросу о силе и значении свода законов наукой права еще не произнесено. Не только не составилось *communis opinio doctorum* о том, что представляет собой свод при его обнародовании — закон ли сам по себе или только обязательный к употреблению правительственный сборник действующего законодательства, — но даже выражена была полная безнадежность попыток к научному разрешению того сомнения в силе свода, которое... возникши уже при самом рождении свода, тяготеет, как злой рок, над всей дальнейшей его судьбой» [3, с. 1].

Наиболее раннее упоминание в научной литературе о показаниях обвиняемого встречается у Я.И. Баршева, автора первого теоретического курса российского уголовного процесса «Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству», изданного в 1841 г. [1].

Я.И. Баршев определял допрос обвиняемого как «расспрос со стороны следователя или суда обо всех обстоятельствах происшествия, которое составляет предмет исследования и которые каким либо образом касаются его». Цель же допроса, по его мнению, «состоит в том, чтобы получить от обвиняемого объяснения необходимого для устранения всякой односторонности, относительно обвиняющих или навлекающих на него подозрения обстоятельств и причин, чтобы, с одной стороны, иметь возможность уличить его в преступлении, а с другой — дать ему возможность представить все, что может служить к оправданию его» [1, с. 137].

Основание же допроса, с точки зрения Я.И. Баршева, «заключается в уверенности, что сам обвиняемый может дать наилучшее объяснение относительно обвиняющих и оправдывающих его обстоятельств и что внутренний голос совести и сила истины вынудят у него справедливое и полное признание» [1, с. 123].

Я.И. Баршев использовал термин «объяснения» обвиняемого, вместо привычного для нас термина «показания». Однако при описании формы допроса он употребил термин «показания». В частности, он отмечал: «справедливо требовать: 1) чтобы допрос происходил перед надлежащим и полным судом или следственным местом; 2) чтобы каждый был допрошен отдельно от других

и отвечал сам за себя; 3) чтобы вопросы и ответы были записаны со всей точностью в следственный протокол, потому что судья, который должен дать после этого приговор на основании произведенного следствия, иногда точный смысл ответа можно понять только из свойства предшествовавшего вопроса; 4) нельзя отказывать подсудимому в том, когда он изъявляет желание, чтобы пи-сец записал его ответ с его слов; 5) письменное изложение ответа со стороны самого подсудимого если может быть допущено, но только после предварительного устного изложения его; 6) прочтение составленного протокола подсудимому, дозволение новых в нем замечаний без уничтожения прежних показаний подпись его и присутствовавших при допросе лиц, составляют безусловно необходимую форму допроса» [1, с. 147].

Думается, что в своей работе Я.И. Баршев использовал термины «объяснения» и «показания» как синонимы. В частности, это подтверждает следующее рассуждение автора: «Ежели он [обвиняемый] указывает на действительную причину сего и утверждает, что он вовсе не виноват в преступлении, в котором его обвиняют; то нужно вызвать его к возможно подробному объяснению причин и оснований, на которых утверждается его показание» [1, с. 144]. В подтверждение данного предположения обратимся к Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова, в котором «объяснение» понимается как «письменное или устное изложение в оправдание чего-н., признание в чем-н.» [6, с. 362].

Одним из основных элементов любого доказательства, в том числе и показаний обвиняемого, является достоверность, которая определяется при его оценке. В этой связи нельзя не упомянуть о теории формальных доказательств. Л.В. Головкин отмечает, что «в уголовном процессе по Своду применялась достаточно типичная для позднего инквизиционного процесса система формальных доказательств, когда уже не действовали пытки, ордалии и прочие «ужасы средневековья», а законодатель просто-напросто стремился а priori установить силу отдельных видов доказательств путем их деления на соответствующие классификационные группы – совершенные, несовершенные, половинные» [4, с. 51].

Данное деление доказательств имело место и в СЗ. Совершенным по СЗ признавалось доказательство, которое исключало всякую возможность к показанию невинности подсудимого

(ст. 1170), несовершеннолетним доказательство, не исключавшее возможности к показанию невиновности подсудимого (ст. 1172 СЗ). Одного совершенного доказательства было достаточно для признания осуждения «несомнительным» (ст. 1171 СЗ), а одно несовершеннолетнее доказательство виновности «вменялось только в подозрении»; несколько несовершеннолетних доказательств, в совокупности взятые, могли составить совершенное доказательство (ст. 1173 СЗ).

Я.И. Баршев подразделял признательные показания обвиняемого на совершенное признание, ограниченное и половинное. Совершенное показание Я.И. Баршев определял следующим образом: «1) когда оно учинено добровольно; при этом оно ставится в повинную, когда оно учинено не вследствие улик, но добровольно с первого допроса, с чистосердечным раскаянием; однако собственное признание не ставится в повинную, когда учинено оно хотя с первого допроса, но окажется, что подсудимый скрыл прежде учиненные им преступления или не объявил своих соучастников; 2) когда оно учинено в судебном месте перед судьей; 3) когда оно учинено сходно с произведенным действием; 4) когда показаны притом такие обстоятельства действия, при которых невозможно сомневаться о достоверности и истинности его» [1, с. 203–204].

Ограниченное признание, в понимании Я.И. Баршева, это «такое в котором он сознает приписываемое ему преступление или не во всем его объеме или не со всеми его признаками или присоединяет к нему такие ограничения, которые должны иметь влияние или вообще на определение наказания или на уменьшение его» [1, с. 199–200].

Половинное признание (доказательство) – это, то, которое «ученное вне суда... но если оно удостоверится сверх этого свидетелями, заслуживающими вероятие, тогда оно составляет половинное доказательство» [1, с. 204].

В особый вид показаний обвиняемого Я.И. Баршев выделял оговор, т. е. «показание подсудимого, находящегося под следствием или судом, против какого-либо другого о сообщничестве в его преступлении, или даже об учинении им другого какого либо преступления» [1, с. 122]. При этом Я.И. Баршев отмечал: «Много находится причин, которые заставляют сомневаться в действи-

тельности оговора; поэтому он может быть принимаем с большой осторожностью, и может быть поводом к следствию над оговоренным только под условием ясных и сильных доказательств и улики» [1, с. 122].

Вслед за изданием СЗ возникает необходимость пересмотра уголовно-процессуального законодательства. Работы в этой области были начаты при II Отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии под руководством графа Д.Н. Блудова.

В конце 1863 г. эта работа была завершена. 20 ноября 1864 г. Императором Александром I были утверждены Судебные уставы, куда вошли четыре отдельных и совершенно самостоятельных законодательных акта: 1) Учреждение судебных установлений, 2) Устав гражданского судопроизводства, 3) Устав уголовного судопроизводства (далее — УУС) [7] и 4) Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

И.Я. Фойницкий в этой связи писал: «Судебные уставы открывают совершенно новую эпоху в истории русского судебного права. В области судоустройства они провозглашают самостоятельность судебной власти, создают особую власть обвинительную и широко допускают народный элемент к участию в судебной деятельности... В области судебного разбирательства ими вводится указанный выше смешанный порядок французского типа, с разделением уголовного разбирательства на предварительное и окончательное, причем первое негласно, письменно, не знает сторон и равноправности их, второе же, напротив, широко принимает порядки гласности, устности, и состязательности» [10, с. 38–39].

Важнейшим новшеством УУС были установленные гарантии прав обвиняемого. Так, ему разрешалось присутствовать при всех следственных действиях, а также требовать прочтения протоколов допросов, если они были проведены в его отсутствие. Обвиняемый имел право обжаловать действия следователя в судебном порядке. Следователь обязан был сохранять объективность, т. е. выявлять и приводить в известность обстоятельства, не только уличавшие обвиняемого, но и служившие к его оправданию. Однако защитник не был допущен на предварительное следствие, его приглашали только на стадии предъявления обви-

нительного акта перед передачей дела в суд. В суде действовало право обвиняемого на защиту, а также право на последнее слово как по существу дела, так и по каждому спорному вопросу.

Порядок получения показаний обвиняемого регламентировался отделением 2 главы 5 раздела 2 УУС. Следователь обязан был произвести первоначальный допрос немедленно и не позже суток после явки или привода обвиняемого (ст. 398 УУС). Если допрос «не был сделан в течение первых двенадцати часов после явки или привода обвиняемого, это заносилось в протокол, копия которого выдавалась обвиняемому по его требованию (ст. 399 УУС). Если следователь не производил допроса в течение суток с момента привода обвиняемого, полиция составляла об этом протокол, который приобщался к делу (ст. 400 УУС). В этом случае обвиняемый имел право давать объяснения и требовать, чтобы они были внесены в протокол (ст. 401 УУС). Если оказывалось, что обвиняемый был задержан по ошибке или недоразумению, в этом случае полиция обязана была немедленно его освободить (ст. 402 УУС).

Следователь обязан был объявить обвиняемому, в чем он обвиняется. Согласно Систематическому комментарию к УУС в этом следовало «видеть существенную гарантию против применявшегося часто в инквизиционном процессе метода держания подсудимого в неизвестности относительного вменяемого ему деяния с целью внушить ему различные предположения и посредством этого добиться от него невольных показаний. Указывая обвиняемому, в чем он обвиняется, следователь, однако не обязан излагать полностью всех известных ему обстоятельств дела. Изложение обстоятельств обвинения должно быть лишь настолько подробно, чтобы обвиняемый знал от кого обвинение исходит, в чем состоит фактический состав этого обвинения и каковы главнейшие улики, предоставленные против него. Обвиняемый не лишен возможности задавать следователю дальнейшие вопросы с целью уяснить себе эти признаки» [9, с. 790].

Вопросы, задаваемые обвиняемому, должны были быть краткими и ясными (ст. 404 УУС). Следователь не должен был «домогаться сознания обвиняемого ни обещаниями, ни ухищрениями, ни угрозами или тому подобными мерами вымогательства». В.К. Случевский писал в этой связи: «Психическое принуж-

дение, учиненное над последним (обвиняемым) путем предложения ему вопросов, рассчитанных на введение его в заблуждение относительного значения допроса, а также вопросов, предсказывающих ему ответы, может оказаться не менее опасным для правосудия, нежели принуждение физическое» [8, с. 368].

Обвиняемый не обязан был давать показания на допросе, это было его право, ст. 406 УУС предусматривала: «если обвиняемый откажется отвечать на данные ему вопросы, то следователь, отметив о том в протоколе, изыскивает другие законные средства к открытию истины».

Однако УУС «не требовал чтобы, перед началом допроса следственный орган предупреждал обвиняемого, что он не обязан отвечать на предлагаемые ему вопросы, на что, в случае данных им ответов, его показания могут быть обращены и против него» [9, с. 790].

Каждого обвиняемого допрашивали порознь (ст. 407 УУС). Грамотные обвиняемые сами записывали ответы на вопросы, задаваемые следователем (ст. 408 УУС). Показания обвиняемого записывались «в первом лице собственными его словами без всяких изменений, пропусков и прибавлений. Слова и выражения простонародные, местные или не совсем понятные объясняют в скобках». Если обвиняемый давал показания на языке, не понятном для следователя, то приглашалось лицо, сведущее в этом языке (ст. 410 УУС).

Проводить повторные допросы обвиняемого не разрешалось, без «особой в том надобности» (ст. 412 УУС), причем понятие «особой надобности» не раскрывалось. В Комментарий к данной статье приводится пример, что необходимо понимать под понятием «особая надобность»: «...бывают случаи, когда повторный допрос необходим в интересах самого обвиняемого. Такова суть — открытие новых обстоятельств, могущих существенно изменить направление дела, необходимость затребовать от обвиняемого объяснения, для проверки правильности сообщенных другими обвиняемыми сведений, или для ответа на поставленные ему другими обвиняемыми вопросы. В таких случаях, конечно, новый допрос явится вполне допустимым» [9, с. 793].

В целом УУС продолжил развитие начатых в СЗ первых зачатков современного уголовного судопроизводства. В СЗ было

предусмотрено, что «собственное признание подсудимого есть лучшее свидетельство всего света» (ст. 1069 СЗ). Данное правило являлось вполне характерным явлением для дореформенного инквизиционного уголовного судопроизводства, однако, в нем же было установлено: «лучше освободить от наказания десять виновных, нежели приговорить одного невинного» (ст. 1176 СЗ). УУС подхватил и закрепил начатую СЗ ломку инквизиционного процесса. И вот, спустя 150 лет после издания УУС, мы видим современный УПК РФ, в котором первые основы будущего демократического уголовного процесса заложили именно уголовно-процессуальные акты Российской Империи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я.И. Баршев. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841. — 297 с.
2. Беляев И.Д. История русского законодательства / И.Д. Беляев. — СПб. : Лань, 1999. — 639 с.
3. Блосфельдт Г.Э. «Законная сила» Свода законов в свете архивных данных / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова / Г.Э. Блосфельдт. — М. : Зерцало, 2006. — 292 с.
4. Головки Л.В. Том XV Свода законов и его значение в развитии отечественного уголовного судопроизводства / Л.В. Головки // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. — 2005. — № 1. — С. 47–61.
5. Майков П.М. О Своде законов Российской Империи / П.М. Майков. — СПб. : Тип. т-ва «Общая польза», 1906. — 276 с.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. — 26-е изд., испр. и доп. / С.И. Ожегов. — М. : ООО «Изд-во Оникс» : ООО «Изд-во Мир и образование», 2010. — 736 с.
7. Устав Уголовного Судопроизводства // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / отв. ред. Б.В. Виленский. — М. : Юрид. лит., 1991. — Т. 8. — С. 119–384.

8. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса / В.К. Случевский. — 3-е изд., испр. и доп.. — СПб. : [б. и.], 1896. — 664 с.

9. Устав уголовного судопроизводства: Систематический комментарий / при участии А.Ф. Кони, В.К. Случевского, Н.С. Таганцева. — М. : Изд. М.М. Зива, 1914. — Вып. 3. — 944 с.

10. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / под общ. ред. А.В. Смирнова. — СПб. : Альфа, 1996. — Т. 1. — 552 с.

Информация об авторе

Сорокин Глеб Вадимович — аспирант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, тел. 34-01-37, e-mail: fortyin@gmail.com; научный руководитель и рецензент – И.В. Смолькова, зав. кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора БГУЭП, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

Sorokin Gleb Vadimovich — Ph.D student, Chair of Criminal Process and procurator's supervision, Baikal State University of Economics and Law, 664003, Irkutsk, Lenin st., 11, tel. 34-01-37, e-mail: fortyin@gmail.com; scientific director and re-viewer — I.V. Smolkova, Professor of Criminal Procedure and Criminalistics BSUEL, Doctor of Law, Professor.

УДК 343.146

ББК 67.411

О.С. Шалякина

ПОРЯДОК, СПОСОБЫ И УСЛОВИЯ ХРАНЕНИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся порядка, способа и условий хранения вещественных доказательств.

Ключевые слова: доказательства, вещественные доказательства, уголовное судопроизводство.

O.S. Shalyakina

THE PROCEDURE, METHODS AND CONDITIONS OF STORAGE OF MATERIAL EVIDENCE IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

In the article the issues concerning the procedure, ways and conditions of storage of material evidence.

Keywords: evidence, material evidence, the criminal proceedings.

Условия, порядок и способ хранения вещественных доказательств в российском уголовном судопроизводстве устанавливаются УПК РФ и специальными нормативно-правовыми актами, постановлениями и инструкциями [4–6], а также приказами соответствующих министерств и ведомств, осуществляющих предварительное расследование, оперативно-розыскную или экспертную деятельность, либо межведомственными приказами [7].

Согласно ст. 82 УПК РФ, по общему правилу, вещественные доказательства должны храниться при уголовном деле до вступления приговора в законную силу либо до истечения срока обжалования постановления или определения о прекращении уголовного дела и передаваться вместе с уголовным делом. Это правило распространяется на так называемые обычные вещественные доказательства. К таким относятся, в частности, паспорта, военные билеты, свидетельства о рождении, приписные свидетельства несовершеннолетних арестованных подозреваемых, обвиняемых, а также документы, письма и другие записи, которые приобщены к делу в качестве вещественных доказательств.

Такие вещественные доказательства хранятся в материалах уголовного дела в отдельном опечатанном конверте, подшитом и пронумерованном очередным листом дела. В документах, письмах и других записях запрещается делать какие-либо пометки, надписи и перегибать их. В случае большого количества приобщаемых документов они помещаются в отдельный пакет, на нем делается удостоверительная надпись субъекта, ведущего рассле-

дование уголовного дела, с перечнем вложенных в него документов, который также прилагается к делу.

Для хранения вещественных доказательств в правоохранительных органах специально оборудуются помещения, обязательными требованиями к которым являются: обитая металлом дверь, достаточное количество стеллажей, зарешеченные окна, противопожарная сигнализация, обеспечение охраной. В случае невозможности выделения отдельного помещения обязательным является наличие сейфа или металлического шкафа необходимого размера.

Лицо, в производстве которого находится дело, приказом начальника органа внутренних дел назначается ответственным за сохранность и неизменность вещественных доказательств. Доступ в помещение для их хранения возможен только в присутствии ответственного лица либо начальника следственного подразделения органа внутренних дел, у которого должен находиться дубликат ключа от данного помещения.

Вещественные доказательства, в виде предметов, которые в силу громоздкости или иных причин не могут храниться при уголовном деле, в том числе большие партии товаров, хранение которых затруднено или издержки по обеспечению специальных условий хранения которых соизмеримы с их стоимостью (п. 1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ), хранятся в месте, указанном следователем или дознавателем. Закон устанавливает обязательность их фотографирования или фиксирования на видео- или киноплёнку. Кроме этого, в деле должна быть информация о местонахождении такого вещественного доказательства. Данные меры направлены на предотвращение возможности подмены, смешения вещественных доказательств с другими предметами, сохранения в неизменном виде значимых для уголовного дела свойств и состояний этих вещественных доказательств [3, с. 215]. При необходимости к уголовному делу приобщается образец вещественного доказательства, достаточный для сравнительного исследования, о чем составляется протокол в соответствии с требованиями ст. 166, 167 УПК РФ.

Вещественные доказательства в виде взрывных устройств или взрывчатых веществ должны быть переданы на хранение на

склады войсковых частей или соответствующих государственных предприятий или организаций [8].

Огнестрельное оружие, после проверки его по пулегильзотекам, а также иное оружие и боеприпасы следует хранить в местах, где возможна их круглосуточная охрана. Например, оружейная комната дежурной части органа внутренних дел, которую следует оборудовать для этого отдельным металлическим шкафом с двумя замками. Ключ от одного замка должен находиться у дежурного, от второго — у лица, ответственного за хранение вещественных доказательств.

В случаях изъятия оружия, боеприпасов, воинского снаряжения, принадлежащего воинским частям, они передаются на хранение по принадлежности в том случае, если это не затруднит проведение необходимых процессуальных следственных и судебных действий.

Изъятые из незаконного оборота наркотические вещества упаковываются в герметически закупоренные емкости и опечатываются при участии специалиста. Каждая упаковка снабжается биркой с указанием номера журнала учета наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и порядкового номера записи.

Условия для хранения наркотиков должны обеспечивать их сохранность от хищения, порчи и несанкционированного уничтожения. Персональную ответственность за сохранность наркотиков несет сотрудник, ведущий их учет и назначаемый приказом начальника соответствующего правоохранительного органа. Сейфы, металлические шкафы, в которых хранятся наркотические вещества, и входная дверь в камеру хранения наркотиков опечатываются личной печатью лица, ответственного за их сохранность. Ключи от сейфов, металлических шкафов и камеры хранения наркотические вещества помещаются в специальный пенал, который опечатывается лицом, ответственным за их сохранность, и сдаются в дежурную часть органа, обеспечивающего их хранение, или в секретариат. Доступ в камеру хранения наркотические вещества осуществляется только в присутствии ответственного лица или руководителя органа, обеспечивающего их хранение.

В случае необходимости наркотические вещества могут выдаваться из камеры хранения только на основании письменного мотивированного запроса дознавателя, следователя, прокурора или суда, в производстве которых находится дело.

Статьей 82 УПК РФ предусмотрен возврат вещественных доказательств владельцу, если это возможно без ущерба для процесса доказывания и лишь при отсутствии спора о праве собственности на них [1, с. 117]. При этом в деле должны быть документы, подтверждающие права заинтересованной стороны на эти предметы [9]. К таким вещественным доказательствам относятся громоздкие предметы, большие партии товара, скоропортящиеся товары и продукция, хранение которых затруднено или издержки по хранению которых соизмеримы с их стоимостью, а также имущество, подвергающееся быстрому моральному старению.

Скоропортящиеся товары и продукция, если они пришли в негодность, подлежат уничтожению (п. 2 ч. 2 ст. 82 УПК РФ).

Если же вещественные доказательства не могут быть возвращены законному владельцу, то они передаются на реализацию в порядке, установленном Правительством Российской Федерации (п. 2 ч. 2 ст. 82 УПК РФ).

Процессуальные издержки, связанные с хранением и реализацией вещественных доказательств, возмещаются в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации.

Этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция, предметы, длительное хранение которых опасно для жизни и здоровья людей или для окружающей среды, по правилам, установленным в ст. 82 УПК РФ, передаются на технологическую переработку или уничтожаются после проведения необходимых исследований.

Деньги и иные валютные ценности сдаются на хранение в банк или иную кредитную организацию. Если индивидуальные признаки денежных купюр имеют значение для доказывания, то они могут храниться при уголовном деле в отдельных опечатанных конвертах с обязательной описью вложения.

Электронные носители информации, признанные вещественными доказательствами, хранятся в опечатанном виде, обеспечивающем сохранность и недоступность информации для посторонних лиц, либо возвращаются их законному владельцу по-

сле осмотра и производства необходимых следственных действий (ч. 5 ст. 82 УПК РФ).

В экспертно-криминалистических подразделениях легковоспламеняющиеся вещества, сильнодействующие наркотические средства хранятся отдельно от других вещественных доказательств, а взрывчатые вещества, огнестрельное оружие и боеприпасы хранятся в специально оборудованном помещении, оснащённом охранной сигнализацией и противопожарным оборудованием. По окончании производства экспертизы вещественные доказательства и другие материалы, подлежащие возвращению, упаковываются, заверяются печатью экспертно-криминалистического подразделения и вместе с заключением эксперта передаются следователю под расписку [2, с. 50].

Вещественные доказательства, не востребованные после экспертизы, хранятся в архиве экспертного учреждения. Под архив обычно выделяется изолированное, сухое и вентилируемое, запирающееся помещение, которое в обязательном порядке опечатывается в целях обеспечения сохранности вещественных доказательств. В этом случае вещественные доказательства регистрируются в специальном журнале с обязательным указанием срока их хранения, даты и способа уничтожения, которые должны быть согласованы с лицом, назначившим экспертизу. В некоторых случаях срок их хранения может быть установлен ведомственным нормативным актом. Вещественные доказательства хранятся в суде до вступления в законную силу приговора или иного судебного постановления. В тех случаях когда спор о праве на вещь подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства, вещественные доказательства хранятся до вступления в законную силу решения суда.

Таким образом, исходя из произведенного анализа, можно сделать вывод о том, что, во-первых, условия хранения вещественных доказательств, независимо от стадии процесса, должны соответствовать требованиям, способствующим их сохранности, неизменности и недоступности для посторонних лиц.

Во-вторых, порядок и способ хранения вещественных доказательств четко регламентированы уголовно-процессуальным законом и подзаконными актами и зависят от вида вещественного доказательства.

В-третьих, место нахождения вещественного доказательства зависит от необходимости проведения процессуальных действий с ним. Так, на досудебной стадии процесса вещественное доказательство может быть передано в экспертное учреждение на время, необходимое для проведения экспертного исследования. Кроме этого, если на досудебной стадии вещественное доказательство находится в правоохранительном органе, в котором ведется производство по уголовному делу, то на период судебного разбирательства до вступления в законную силу приговора или иного судебного постановления оно находится в суде. При этом к условиям хранения вещественных доказательств предъявляются единые требования.

В-четвертых, в зависимости от вида вещественного доказательства решается его дальнейшая судьба по окончании судебного разбирательства — либо уничтожение, либо реализация, либо передача законному владельцу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Б.Т. Безлепкин. — М. : Проспект, 2011. — 692 с.

2. Деятельность экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел по применению экспертно-криминалистических методов и средств в раскрытии и расследовании преступлений : учеб. пособие / под ред. В.А. Снеткова. — М. : ЭКЦ МВД России, 1996. — 104 с.

3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. — М. : Юристъ, 2008. — 610 с.

4. О порядке реализации или уничтожения предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено (вместе с «Положением о реализации или уничтожении предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено») : постановление Правительства РФ от 23 авг. 2012 г. № 848 // СЗ РФ. — 2012. — № 36. — Ст. 4900.

5. Об утверждении Инструкции о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств, ценностей и иного имущества по уголовным делам в Следственном комитете Российской Федерации : приказ Следств. комитета РФ от 30 сент. 2011 г. № 142 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс».

6. Об утверждении Инструкции о порядке изъятия, хранения, учета, передачи и уничтожения вещественных доказательств, ценностей и иного имущества по уголовным делам и материалам проверок сообщений о преступлениях в таможенных органах Российской Федерации : приказ ФТС России от 25 дек. 2006 г. № 1363 (ред. от 12 нояб. 2012 г.) (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс».

7. Об утверждении Инструкции о порядке изъятия из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств и психотропных веществ, а также их учета, хранения, передачи, использования и уничтожения : межведомств. приказ МВД РФ, Минюста РФ, Минздрава РФ, Минэкономики РФ, ГТК РФ, ФСБ РФ и ФПС РФ от 9 нояб. 1999 г. № 840, 320, 388, 472, 726, 530, 585 // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. — 2002. — № 4.

8. Инструкция о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, ценностей и иного имущества органами предварительного следствия, дознания и судами (с изм., внесен. Приказом МВД РФ № 840, Минюста РФ № 320, Минздрава РФ № 388, Минэкономики РФ № 472, ГТК РФ № 726, ФСБ РФ № 530, ФПС РФ № 585 от 9 нояб. 1999 г., Приказом Генпрокуратуры РФ от 7 июня 2006 г. № 26, Приказом Следств. комитета РФ от 30 сент. 2011 г. № 142) (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс».

9. О порядке возвращения законным владельцам похищенных транспортных средств : письмо Генер. прокуратуры РФ от 11 мая 1995 г. № 15-6-95 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс».

Информация об авторе

Шалякина Олеся Сергеевна — ассистент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Kora-18@yandex.ru; научный руководитель и рецензент — И.В. Смолькова, зав. кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора БГУЭП, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

Shalyakina Olesya Sergeevna — assistant of the chair of criminal process and prosecutor supervision Baikal State University of Economics and Law, 664003, Irkutsk, Lenin st., 11, e-mail: Kora-18@yandex.ru; scientific director and re-viewer — I.V. Smolkova, Professor of Criminal Procedure and Criminalistics BSUEL, Doctor of Law, Professor.

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.98:343.359

ББК 67.523.12

Х.А. Асатрян
А.А. Асатрян

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В БОРЬБЕ С ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВОМ, СОВЕРШЕННЫМ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ

В статье отмечается, что фальшивомонетничество наносит ущерб экономическим связям как внутри государства, так и во внешнеэкономической деятельности, представляя тем самым серьезную угрозу. В этой связи авторы предприняли попытку рассмотреть способы взаимодействия между сотрудниками правоохранительных органов, осуществляющих расследования фальшивомонетничества, совершенных организованными преступными группами, а также поднять проблемы, существующие в международном и внутригосударственном сотрудничестве.

Ключевые слова: фальшивомонетничество, организованные преступные группы, взаимодействие.

Kh.A. Asatryan
A.A. Asatryan

DOMESTIC AND INTERNATIONAL COOPERATION OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN COMBATING MONEY COUNTERFEITING BY ORGANIZED CRIMINAL GROUPS

The article notes that counterfeiting is detrimental to economic relations both within the state and in foreign economic activity, thus providing a serious threat. In this connection, the author attempted to consider ways of interaction between law enforcement bodies are carrying out investigation of counterfeiting, committed by the organized

criminal groups, as well as to raise the problems, existing in the international and domestic cooperation.

Keywords: counterfeiting, organized prevent group, interaction.

Изготовление и сбыт фальшивых денег приобрели в настоящее время характер транснационального бизнеса. Объективными причинами активизации данного вида преступной деятельности являются:

- 1) экономическое сотрудничество государств и взаимные платежи, осуществляемые между ними;
- 2) интенсивное развитие международного туризма;
- 3) развитие специализации международных преступных организаций разных стран на отдельных стадиях этого преступного бизнеса — изготовлении, накоплении, реализации.

В этой связи требуется организация оптимального взаимодействия правоохранительных органов разных стран на основе и в соответствии с Женевской конвенцией 1929 г. по борьбе с подделкой денежных знаков, к которой СССР присоединился в 1931 г. В послевоенный период еще около 50 стран присоединились к Женевской конвенции, что показывает тенденцию роста фальшивомонетничества по всему миру, его международный характер и желание государств путем взаимного информирования бороться с данным преступлением.

С.Ю. Петряев справедливо отмечает: «Фальшивомонетничество является преступлением, которое носит не региональный, а государственный и международный характер, борьба с этим явлением должна носить централизованный характер: необходима централизация для обеспечения координации на государственном и международном уровнях» [1, с. 70].

Международная Женевская конвенция по борьбе с подделкой денежных знаков состоит из 28 статей. В них говорится об основных началах международно-правового сотрудничества в борьбе с фальшивомонетничеством, закреплены виды преступлений, относящихся к категории фальшивомонетничества (ст. 3), определено положение, закрепляющее принцип международного рецидива фальшивомонетничества (ст. 6).

Государства-участники взяли на себя обязательства применять в равной степени карательные меры в отношении фальши-

вомонетчиков, не делать различий между подделкой национальных и иностранных денежных знаков и ценных бумаг. Необходимо отметить, что эти обязательства не могут быть поставлены в зависимость от каких-либо условий взаимности, вытекающих из закона или из договора. Несмотря на это, есть государства, которые не соблюдают требования, предусмотренные в ст. 5. Так, например, в Японии, которая является участником Женевской конвенции, лиц, виновных в подделке японских иен, приговаривают к пожизненной каторге, а лиц, изготовивших фальшивые доллары США, — к каторге от двух лет. Данные случаи, на наш взгляд, подлежат критике со стороны международного сообщества, и в отношении таких стран должны быть применены жесткие меры.

Конвенция определяет орган, который в рамках национального законодательства производит дознание по делам о подделке денежных знаков, — Центральное бюро. Данное бюро должно тесно взаимодействовать с эмиссионными органами, милицейскими (полицейскими) властями внутри страны, центральными бюро других стран.

В соответствии с Женевской конвенцией проводятся международные конференции по координации деятельности государств, крупнейших банков и эмиссионных учреждений в борьбе с подделкой денежных знаков и разрабатываются новые направления противодействия данному явлению.

Особую роль при взаимодействии и расследовании фальшивомонетничества выполняет Международная организация уголовной полиции (Интерпол), являющаяся крупным межправительственным органом. В МВД, ГУВД, УВД 59 субъектов РФ созданы филиалы НЦБ Интерпола, которые вносят достойный вклад в дело борьбы с международной преступностью. Непосредственно реализацией задач в сфере борьбы с подделкой денежных знаков занимается одно из самых главных подразделений Интерпола — Международный центр по борьбе с фальшивомонетчиками и подделывателями ценных бумаг.

Функции Интерпола заключаются в организации взаимодействия полиции государств-членов для борьбы с преступлениями, носящими международный характер. Данный орган обладает огромными информационными ресурсами, доступными правоохранительным органам различных стран. Российская Федера-

ция в силу своей территориальной особенности нуждается в сотрудничестве такого типа. Общеизвестно, что в Россию ввозятся поддельные денежные знаки как из стран Европейского союза, так и из стран СНГ. Поэтому правоохранительные органы РФ должны расследовать и пресекать данный вид преступления путем тесного и взаимного сотрудничества с правоохранительными органами соседних государств. В данной борьбе российским правоохранительным органам огромную помощь может оказать обширная картотека Интерпола, состоящая из трех разделов:

1) сведения о личности уголовников, насчитывающие 2 млн карточек с данными о 800 тыс. особо опасных преступников;

2) фотоснимки и отпечатки пальцев приблизительно 150 тыс. преступников;

3) регистрационные сведения о преступлениях, имеющих международный характер, по которым легко определить, где, когда и кем были совершены аналогичные преступления в прошлом [2, с. 246].

Интерпол ведет комплексную статистику случаев фальшивомонетничества для распознавания новых подделок и оповещения о них стран-членов. Такая обширная информационная база формируется на основе сообщений, исходящих со стороны различных национальных бюро о фактах совершения фальшивомонетничества.

Согласно приказу МВД РФ, Минюста РФ, ГТК РФ, ФСБ РФ, ФСНП РФ и ФПС РФ от 26 июня 2000 г. «Об утверждении Инструкции об организации информационного обеспечения сотрудничества правоохранительных и иных государственных органов РФ по линии Интерпола», штаб-квартира Интерпола должна быть информирована о каждом факте обнаружения фальшивой валюты со стороны правоохранительных органов, их обнаруживших, по следующим учетным формам, принятым в международном сообществе:

1. Учетно-регистрационная форма 88-1/Ф «О факте изъятия фальшивых денежных знаков» — оформляется при обнаружении поддельных денежных знаков иностранных государств. В течение трех суток правоохранительные органы направляют данную форму в НЦБ Интерпола на каждый обнаруженный фальшивый денежный знак.

На основании полученных учетно-регистрационных форм НЦБ Интерпола готовит и направляет соответствующее сообщение в Генеральный секретариат, где каждой подделке присваивается индекс (индикатив), состоящий из трех частей, например 12.А.2436. Каждая часть этого индекса расшифровывается следующим образом: 12 — валюта (доллар США); буквой «А» в банке данных Генерального секретариата помечаются подделки всех государств Американского континента; последнее число — порядковый номер, под которым зарегистрирована в картотеке конкретная подделка валюты одного и того же государства — в данном случае США.

2. Учетно-регистрационная форма 88-2/F «О факте обнаружения нелегальной типографии, печатных и литейных форм». Данная форма также должна быть направлена правоохранительными органами в НЦБ Интерпола в течение трех суток.

На основе анализа международного опыта борьбы с фальшивомонетничеством Интерпол вырабатывает рекомендации по совершенствованию средств защиты национальных денежных знаков, обобщает опыт работы полиции разных стран по раскрытию фактов подделки денежных знаков и других платежных средств, выявлению типографий и мастерских, где они производятся, установлению и изобличению изготовителей и сбытчиков, закреплению вещественных доказательств.

Международная организация уголовной полиции издает специальный бюллетень «Подделки и подлоги», а также другие справочные издания, которые способствуют правоохранительным органам и банкам выявлять фальшивые денежные знаки и ценные бумаги.

Особого внимания заслуживает опыт европейского сотрудничества по борьбе с фальшивомонетничеством. Государства ЕС организовали единую систему учета криминальных сведений. Создан центральный банк электронной информации, аккумулирующий данные о лицах, совершивших преступления или представляющих оперативный интерес, в том числе в сфере изготовления и сбыта поддельных денежных знаков и ценных бумаг. Полиция каждого государства — члена ЕС, имея компьютерную связь с центральным банком криминалистически значимой информации, может постоянно получать необходимые сведения.

В рамках международно-правового сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с фальшивомонетничеством наибольший интерес представляет Соглашение «О сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью» (Москва, 25 ноября 1998 г.). В п. 4 ст. 2 данного соглашения говорится о сотрудничестве сторон в предупреждении, пресечении, выявлении, раскрытии и расследовании ряда преступлений, в том числе и фальшивомонетничества.

Уровень международного сотрудничества в борьбе с организованной преступностью, достигнутый между Российской Федерацией и странами СНГ, несомненно, выше, чем между Российской Федерацией и иными государствами, не являющимися членами Содружества Независимых Государств.

Данное обстоятельство успешно используется членами организованных преступных групп для непривлечения к уголовной ответственности за совершенные ими преступления. Будучи осведомленным об отсутствии с тем или иным государством соглашения о выдаче, преступники укрываются на его территории от уголовного преследования государства, где они совершили преступление.

Основополагающим международно-правовым документом, регулирующим отношения государств — членов Содружества Независимых Государств в сфере оказания правовой помощи, является Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 21 января 1993 г., вступившая в силу для Российской Федерации 10 декабря 1994 г. [3, с. 31].

Часть 2 раздела 4 Минской конвенции посвящается проблемам выдачи. 16 статей, в которых оговариваются основания к выдаче, условия, при которых лицо не может быть выдано запрашивающей стороне, излагаются реквизиты требования о выдаче, регламентируется порядок выдачи и иные вопросы.

Помимо Минской конвенции некоторые проблемы борьбы с организованной преступностью разрешаются в многосторонних и двухсторонних соглашениях между различными ведомствами государств — членов СНГ.

Достаточно разветвленная система соглашений действует между МВД РФ и министерствами внутренних дел иностранных государств. Например, Соглашение о взаимодействии министерств внутренних дел независимых государств — членов СНГ предоставляет возможность исполнять запросы и просьбы по уголовным делам и делам оперативного учета, обмениваться оперативно-розыскной, оперативно-справочной и криминалистической информацией о готовящихся или совершенных преступлениях и причастных к ним лицам, содействовать в проведении оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий.

В связи с международным характером фальшивомонетничества борьба с ним может быть успешной только при условии взаимодействия правоохранительных органов различных стран друг с другом. Противодействие фальшивомонетничеству осуществляется путем обмена имеющейся информации, опытом работы и т. д. Все это помогает в раскрытии преступлений, а также способствует предупреждению совершения новых.

В заключение хотелось бы отметить, что международное сотрудничество в области борьбы с подделкой денежных знаков и ценных бумаг находится на высоком уровне в связи с эффективным и оперативным взаимодействием правоохранительных органов. В то же время ряд положений Женевской конвенцией 1929 г. по борьбе с подделкой денежных знаков устарел, и ее текст требует ревизии. В первую очередь это относится к расширению понятия «денежные знаки», так как кроме них подделывается большое количество векселей, чеков, аккредитивов, знаков почтовой оплаты и других ценных бумаг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петряев С.Ю. Некоторые возможности борьбы с подделкой и сбытом денежных знаков // Экспертная практика. — 1995. — № 38. — С. 70–73.

2. Польской Г.Н. Тайны «монетного двора» / Г.Н. Польской. — М. : Финансы и статистика, 1996. — 254 с.

3. Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи / сост. П.В. Крашенинников, В.П. Кружков. — М. : Спарк, 1996. — 344 с.

Информация об авторах

Асатрян Хачатур Ашотович — кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и судебных экспертиз, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, тел. 24-00-14, e-mail: asatryanha@mail.ru.

Асатрян Арменуи Ашотовна — магистрант кафедры криминалистики и судебных экспертиз, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Information about the authors

Asatryan Khachatur Ashotovich — Ph.D. in jurisprudence, Do-cent Criminalistics. Baikal State University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, тел. 24-00-14, e-mail: asatryanha@mail.r.

Asatryan Armenui Ashotovna — Undergraduate Baikal State University of Economics and Law, 664003, Lenin st., 11, Irkutsk.

УДК 343.9

ББК 67.52

Р.Н. Боровских

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ

В статье освещаются вопросы совершенствования криминалистических мер противодействия преступлениям в сфере страхования. В качестве одного из наиболее перспективных направлений такого противодействия автор рассматривает возможность создания адресных межотраслевых рекомендаций. В работе формулируются методологические основы разработки таких рекомендаций, их «традиционные» и «нетрадиционные» адресаты (потребители), анализируется содержание таких рекомендаций, приводится характерный пример.

Ключевые слова: преступления в сфере экономики, преступления в сфере страхования, противодействие, криминалистическое обеспечение, криминалистические рекомендации

R.N. Borovskikh

ACTUAL TRENDS OF CRIMINALISTICS MEASURES OF INSURANCE CRIMES COUNTERACTION ENHANCEMENT

The article highlights questions of criminalistics measures of insurance crimes counteraction enhancement. Among the most perspective trends of the counteraction author highlights the formation of addressed cross-sectoral recommendations. In the article formulated the method of such recommendations development, it's traditional and non-traditional addressees (consumers), analyzed the content of recommendations, given an example.

Keywords: crimes in economics, crimes in insurance, counteraction, criminalistics provision, criminalistics recommendations.

Актуальность вопросов совершенствования криминалистического обеспечения противодействия преступлениям в сфере экономики не вызывает сомнений. Как верно отмечает А.В. Пучнин, в современных условиях действующие государственные механизмы защиты экономической системы от противоправных посягательств требуют серьезных изменений, адекватных реальным потребностям рыночной среды и структуры, разработки и внедрения новейших методов противодействия и борьбы с экономической преступностью. Все чаще налицо сращивание экономической и служебной преступности: экономические преступления совершаются с использованием соответствующими лицами своего служебного положения, что придает рассматриваемым преступным составам особенно опасный и изощренный характер [5, с. 3–4].

В целом, соглашаясь с высказанным мнением, следует признать, что криминалистика как наука, призванная «стоять на переднем крае» борьбы с преступностью, далеко не в полной мере обеспечивает решение соответствующих правоприменительных задач. Как неоднократно отмечалось в литературе, криминали-

стическая методика, равно как и криминалистическая наука в целом, в настоящее время претерпевает свойственный всем научным отраслям знаний на определенном этапе кризис [7, с. 4].

Очевиден и затяжной характер данного кризисного состояния криминалистической науки, поскольку еще в 80-х гг. прошлого века ведущие криминалисты отмечали, что многие криминалистические рекомендации написаны тяжелым языком, страдают многословностью, излишней описательностью, насыщены полемикой с другими авторами, имеют многочисленные отклонения от основной темы [6, с. 50–51].

Так, касательно методик расследования отдельных видов и групп преступлений А.А. Эйсман писал: «Стремление сообщить в пособии как можно больше сведений и дать как можно больше советов по всем аспектам расследования делает почти бесполезной книгу в глазах практика-профессионала: ему обычно нужна лишь небольшая часть этой информации, а отыскать ее оказывается трудным и длительным делом» [8, с. 84–85].

Самокритика аналогичного содержания озвучивается и нашими современниками. Верно отмечают Е.П. Ищенко и Н.Б. Водянова, что решение проблемы борьбы с преступностью возможно путем резкого повышения уровня профессионализма следственных органов, что в создавшихся условиях едва ли осуществимо. При этом абстрактность ряда криминалистических разработок, их слабая ориентация на типичные следственные ситуации и ситуации, являющиеся специфическими, отсутствие у практических работников возможности воспользоваться всем объемом криминалистического знания, распыленного по многочисленным научным публикациям, к тому же перегруженным полемикой, а также действие других объективных и субъективных факторов, обуславливает существенный разрыв между наукой и практикой. Один из магистральных путей оптимизации борьбы с преступностью авторы видят в алгоритмизации следственной деятельности [3, с. 3, 6].

Ряд важных направлений совершенствования, в том числе, методико-криминалистического обеспечения противодействия преступлениям выделяет Ю.П. Гармаев. Рассмотрим предложения автора по возможности подробно, с учетом того, что данные

предложения составят теоретико-методологическую основу наших предложений.

Прежде всего, Ю.П. Гармаев весьма емко и лаконично формулирует ряд важнейших проблем, характеризующих нынешнее состояние развития и взаимодействия наук антикриминального цикла.

Первое: ненадлежащее взаимодействие данных наук, что в частности обнаруживается в недостаточности подлинно междисциплинарных исследований, проводимых на стыке уголовного права, криминологии, уголовного процесса, криминалистики.

Второе: неоправданная узость круга «конечных потребителей» соответствующих научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций.

Третье: сложность и многословность языка изложения большинства «продуктов» наук.

Наконец, четвертое: отставание научной «продукции» от современных достижений научно-технического прогресса в плане, как минимум, формы изложения, средств и методов доведения, доставки знаний до «конечного потребителя» [2, с. 43].

При более подробном рассмотрении обозначенных выше проблем Ю.П. Гармаев, в частности, предлагает расширить круг адресатов, названных им «традиционными конечными потребителями» межотраслевых рекомендаций (следователи, иные представители стороны обвинения в уголовном процессе, судьи). Взяв в качестве примера криминалистическое обеспечение борьбы с преступлениями несовершеннолетних и в отношении них, автор считает очевидным, что соответствующие криминалистические и шире — межотраслевые разработки могут и должны быть адресованы не только их «традиционным конечным потребителям», но и «нетрадиционным конечным потребителям», к которым автор причисляет, как минимум: органы и учреждения, занимающиеся несовершеннолетними; самих несовершеннолетних; родителей и иных родственников, опекунов; педагогов, тренеров спортивных секций, руководителей кружков по интересам и т. д. [2, с. 44].

С целью обозначения и характеристики направлений совершенствования криминалистического обеспечения противодействия преступлениям в сфере экономики безусловно полезным явля-

ется не сам приведенный перечень «нетрадиционных адресатов», но сам подход, методология, предложенные Ю.П. Гармаевым.

Поясним сказанное на примере одного из наиболее актуальных для настоящего времени проявлений преступности в сфере экономики — преступных посягательствах в сфере страхования. Данные посягательства могут быть классифицированы по критерию субъекта преступной деятельности на следующие группы преступлений: 1) преступные посягательства страхователей, застрахованных лиц, выгодоприобретателей; 2) преступных посягательства сотрудников страховых организаций, страховых агентов и иных посредников в сфере страхования; 3) преступные посягательства руководителей и иных высокопоставленных сотрудников страховых организаций [4, с. 296].

Следует иметь в виду, что преступления в сфере страхования, как правило, совершаются в отношении лиц, выступающих субъектами либо иными участниками страховых правоотношений (страхователей, выгодоприобретателей, самих страховщиков и др.). Из этого следует, что перечень субъектов преступных посягательств, совершаемых в сфере страхования, одновременно является перечнем лиц, выступающих типичными потерпевшими по делам о соответствующих преступлениях (например, мошеннические действия могут совершаться как страхователями в отношении страховщиков, так и в обратном варианте).

Из сказанного, без необходимости приведения дополнительных аргументов, со всей очевидностью следует, что «нетрадиционным конечным потребителем» криминалистических рекомендаций могут и должны стать: страхователи как потребители «страховых» услуг; застрахованные лица, выгодоприобретатели, а также сотрудники страховых организаций, страховые агенты и иные посредники; руководители и высокопоставленные сотрудники страховых организаций.

Попытки создания рекомендаций для представителей второй и третьей групп «адресатов», предпринимались в научной литературе [1, с. 154–258]. Однако представляется, что ввиду отсутствия соответствующей методологии и предшествующих разработок, авторам, при всей полезности их научных разработок, вряд ли удалось сделать рекомендации адресными, достаточно

понятными, краткими и, при этом, исчерпывающими для указанных категорий «конечных потребителей».

Очевидно, что современные подростки и молодежь, а также подавляющее большинство людей в возрасте от 25 до 40 лет в настоящее время активно пользуются стационарными и мобильными компьютерами (ноутбуками, планшетами и др.), устройствами для чтения электронных книг и др., причем для решения самых различных задач как на работе, так и дома, в общественном транспорте, в поездках и т. д. Люди ежедневно используют сложную мобильную телефонную технику — смартфоны и коммуникаторы на операционных системах iOS, Android, Windowsmobile и др., на которых установлено современное программное обеспечение, позволяющее читать и слушать книги, просматривать фото, презентации и слайд-шоу, видео и прочий контент. В связи с этим Ю.П. Гармаев высказывает убеждение, что все науки антикриминального цикла должны сами двигаться навстречу своему «конечному потребителю», разрабатывая и внедряя «продукцию» в различных вариантах, в зависимости не от сложившихся традиций, а от тенденций «потребления», характеристики типичного «потребителя». «Нетрадиционный» тип последнего, формирование рекомендаций для него, причем преимущественно в интерактивной, мультимедийной, стационарной плюс мобильной форме, с междисциплинарным содержанием, должно стать приоритетным направлением прикладных разработок названных наук. Не стоит ждать неких абстрактных IT-специалистов, которые «придут, возьмут и превратят наши бумажные книги в алгоритмы и программы». Не придут... Это невозможно даже чисто технически. Нужно активное творческое взаимодействие между учеными — разработчиками разных наук антикриминального цикла с подключением в творческие коллективы IT-специалистов и даже целых компаний таковых. Причем инициатива преимущественно должна исходить именно от нас — представителей научного сообщества, а не от специалистов по компьютерным технологиям [2, с. 46–47].

Полностью разделяя такое мнение, следует считать, что в плане криминалистического обеспечения противодействия преступлениям в сфере экономики, ориентированного на «нетрадиционных конечных потребителей», необходимо создавать систе-

мы межотраслевых рекомендаций в виде кратких, но емких по содержанию программ (наподобие памяток, памяток-программ, справочных пособий, кратких руководств и т. п.).

Применительно к преступлениям в сфере страхования одна из разновидностей подобного рода памяток-программ может, как представляется, иметь следующий вид и содержание.

Памятка страхователю «Как приобрести полис ОСАГО и не стать жертвой мошенничества?». Информационное содержание памятки-программы должно включать следующие составляющие: введение, основную часть, заключительные положения (резюме).

Вводная часть должна содержать указание на мотивационное воздействие и описание программы; пояснение о полезности данного «продукта» для потребителя; данные о структуре рекомендаций, назначении разделов, отзывы, оценки пользователей и т. п.

В основную часть следует внести, в частности:

1) описание типичных ситуаций совершения мошеннических действий в рассматриваемой сфере страхования, признаков и следов, с высокой степенью вероятности свидетельствующих о мошенничестве;

2) описание типичных преступников, совершающих страховое мошенничество, а также тех, кто наиболее вероятно может оказаться подстрекателем к такому преступлению (страховые агенты, сотрудники компаний-оценщиков и т. п.); характеристику наиболее типичных способов вовлечения в преступление (уговоры, подкуп, ложное чувство товарищества и т. п.);

3) характеристику основных средств противодействия преступному подстрекательству (в том числе указание на правоохранительные органы, куда следует обратиться с сообщением о факте подстрекательства);

4) общие сведения о правовой оценке и пределах наказуемости мошенничества в сфере страхования, указание на негативные (правовые и иные) последствия привлечения к уголовной ответственности (эти сведения могут и должны использоваться как средства криминалистического предупреждения преступления);

5) краткую криминологическую характеристику преступности в сфере страхования в регионе, коэффициенты преступности (относительно страхового мошенничества и иных видов преступ-

лений весьма уместной видится краткая региональная виктимологическая характеристика (криминологические рекомендации);

б) информацию о том, какие органы ведут профилактическую деятельность, а какие — борьбу с данными преступлениями; как и куда можно обратиться за помощью; какая помощь может быть оказана (межотраслевые рекомендации).

В рамках заключительных положений необходимо изложить краткие положения, в лаконичной форме резюмирующие содержание основной части памятки. Например, еще раз указать на уголовную противоправность обманных действий в отношении страховой организации, дать координаты правоохранительных органов и т. п.

Как подчеркивает Ю.П. Гармаев, все должно быть изложено в краткой и доступной для данного типа «конечного потребителя» форме. Должны приветствоваться анимация, фотографии и слайд-шоу, видеоролики и т. п.

Соответствующие памятки и краткие руководства нужно создавать и внедрять адресно: для страховых агентов, посредников, для работников органов страхового надзора и т. д. Думается, что памятки, адресованные различным «потребителям», будут иметь сходное содержание, но при этом в них, конечно, будут и специфические, «профильные» рекомендации.

Представляется, что внедрение в практику противодействия экономическим преступлениям, в том числе преступлениям в сфере страхования, прикладных межотраслевых мультимедийных разработок (кратких памяток, руководств и программ) позволит сделать важный шаг к сближению наук антикриминального цикла с практикой, к повышению эффективности противодействия экономической преступности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алгазин А.И. Страхование мошенничество и методы борьбы с ним : учеб.-практ. пособие / А.И. Алгазин, Н.Ф. Галагуза, В.Д. Ларичев ; под ред. В.Д. Ларичева. — М. : Дело, 2003. — 512 с.
2. Гармаев Ю.П. Мультимедийные криминалистические и межотраслевые средства противодействия преступности: перспективы разработки и внедрения / Ю.П. Гармаев // Дружествен-

ное к ребенку правосудие и проблемы ювенальной уголовной политики : материалы 4-й междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 3–4 окт. 2013 г.). — Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2013. — С. 43–47.

3. Ищенко Е.П. Алгоритмизация следственной деятельности / Е.П. Ищенко, Н.Б. Водянова. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 304 с.

4. Лубин С.А. Расследование преступлений в сфере страхования / С.А. Лубин // Криминалистическое обеспечение экономической безопасности и борьбы с коррупцией : учеб.-практ. пособие / под ред. А.Ф. Лубина, С.Ю. Журавлева. — Н. Новгород : Нижегород. акад. МВД России, 2012. — 418 с.

5. Пучнин А.В. Особенности расследования экономических преступлений, связанных со служебной деятельностью / А.В. Пучнин. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 184 с.

6. Соя-Серко Л.А. Программирование расследования / Л.А. Соя-Серко // Социалистическая законность. — 1980. — № 1. — С. 50–51.

7. Шмонин А.В. Методология криминалистической методики / А.В. Шмонин. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 416 с.

8. Эйсман А.А. Теоретические вопросы программирования расследования / А.А. Эйсман // Вопросы борьбы с преступностью. — М., 1987. — Вып. 45. — С. 84–85.

Информация об авторе

Боровских Роман Николаевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета, 630007, г. Новосибирск, ул. Советская, 7, тел. 8(913) 918-42-07, e-mail: borovskih80@yandex.ru.

Information about the author

Borovskikh Roman Nikolaevich — PhD, assistant Professor of the Chair of Criminal Law, Process and Criminalistics of the Novosibirsk Law Institute (branch) of The National Research Tomsk State University, 630007, 7, Sovetskaya, Novosibirsk, tel. 8(913) 918-42-07, e-mail: borovskih80@yandex.ru.

УДК 343.13(4)
ББК 67.410.2(4)

**М.А. Виноградова
В.С. Кряжев**

**ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН СНГ В ЦЕЛЯХ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ**

Статья посвящена проблемам взаимодействия правоохранительных органов Российской Федерации и стран СНГ в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств. Рассмотрен вопрос о необходимых мерах по укреплению границы Российской Федерации с целью предотвращения наркотрафика из стран СНГ. Выявлены причины и факторы, которые способствуют проникновению наркотических средств в Россию. Выделены и рассмотрены основные направления, в сфере которых необходимо принимать меры по противодействию незаконному обороту наркотиков: миграционное, оперативно-розыскное и межведомственное. Подчеркнута важность информационного сотрудничества правоохранительных органов РФ и стран СНГ.

Теоретические выводы и предложения базируются на практическом опыте подразделений органов внутренних дел РФ и стран СНГ.

Ключевые слова: преступление, незаконный оборот наркотиков, контрабанда, безопасность границы, противодействие незаконному обороту наркотиков, сотрудничество, взаимодействие правоохранительных органов Российской Федерации и стран СНГ.

**M.A. Vinogradova
V.S. Kryazhev**

**PROBLEMS AND FEATURES OF INTERACTION
OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES
OF THE RUSSIAN FEDERATION AND CIS COUNTRIES
FROM COUNTERACTION DRUGS TRAFFICKING**

Article is devoted to a question on the problems of interaction of law enforcement agencies of the Russian Federation and CIS countries in order to counteraction trafficking drugs. The question of necessary measures of strengthening of border of the Russian Federation from drug traffic prevention from CIS countries is considered. Investigates the causes and factors that contribute to the penetration of drugs and narcotic substances in Russia. The article highlighted and discussed four main areas in which it is necessary to take measures to counteraction drug trafficking: migration, operational-investigative and interagency. Also it is a question of importance of information cooperation of law enforcement agencies of the Russian Federation and CIS countries. Theoretical conclusions and proposals are based on practical experience departments of Internal Affairs of Russia and CIS countries.

Keywords: crime, drug trafficking, contraband, security of the state border, counteraction from drug trafficking, cooperation, interaction of law enforcement agencies of the Russian Federation and CIS countries.

Проблема незаконного оборота наркотиков опийной группы и злоупотребления ими в стране с каждым годом обостряется. Темпы ее развития приобрели масштабы, непосредственно угрожающие здоровью нации и безопасности государства. Сегодня нет ни одного субъекта Российской Федерации, где не находились бы в незаконном обороте указанные наркотики. По оценкам экспертов, более 90 % опиатов поступают в нашу страну контрабандным путем.

Факторами, существенно способствующими росту контрабанды наркотиков опийной группы как непосредственно в Россию, так и транзитом через нее в другие страны, являются:

1) большая протяженность российской границы (более 60 тыс. км). Значительная ее часть в настоящее время не может быть обеспечена надежной пограничной охраной. Ситуацию на границе осложняет наличие участков, где возможно практически бесконтрольное перемещение людей и товаров (прежде всего на наиболее наркоопасном направлении — границе с Казахстаном);

2) растет поток пассажирских и грузовых перевозок через границу, в том числе и транзитных;

3) рынки потребления героина в странах Западной Европы уже сформированы и емкость их ограничена, поэтому борьба за российский рынок ведется как со стороны традиционных поставщиков наркотиков, так и из числа новых, появившихся в странах ближнего зарубежья;

4) высокий уровень прибыли.

Годовой оборот наркобизнеса в России, по экспертным оценкам, составляет более 3 млрд дол. Для жителей Таджикистана, Афганистана и некоторых других государств с низким уровнем жизни наркотрафик является безусловным стимулом, оправдывающим риск быть привлеченным к уголовной ответственности. Известно также, что средства, полученные от незаконного оборота наркотиков, направляются на финансирование незаконных вооруженных формирований [4, с. 17].

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков опийной группы, приобрели наиболее опасные организованные формы. В основном эти преступления совершаются с участием граждан, имеющих, как правило, устойчивые родственные отношения и деловые связи в центральноазиатских государствах.

Сегодня через граничащие с Республикой Казахстан российские регионы пролегли основные маршруты контрабандной транспортировки опия и героина афганского производства.

Основным путем контрабанды наркотиков в Россию является центральноазиатское направление (таджикско-афганский и российско-казахстанский участки границы). Для их переброски активно задействованы территории Кыргызстана, Афганистана, Казахстана, Туркменистана и Узбекистана.

Наиболее активно контрабандная деятельность трансграничных преступных группировок развивается на оренбургском, тройском, омском и барнаульском направлениях. Устойчивые

каналы перевозки героина из стран Центральной Азии в Россию сложились на автомобильных и железнодорожных маршрутах на оренбургском, курганском, омском и рубцовском направлениях, а также в авиационных пунктах пропуска через границу городов Новосибирск, Самара, Екатеринбург [8, с. 210].

На сегодняшний день доля наркотиков, изымаемых непосредственно на границе, в общем объеме наркотиков, изъятых из незаконного оборота в стране, составляет менее 4 %. То есть из 4,3 т афганских героина и гашиша, изъятых в 2011 г., всего 200 кг изъято непосредственно на границе [8].

В то же время общемировая практика борьбы с незаконным оборотом наркотиков свидетельствует о возможности достижения уровня изъятий на границах различных государств до 40 % от общего объема изымаемых веществ, т. е. на порядок больше того, что изымается на российской границе.

Об этом же свидетельствует и тот факт, что доля преступлений, квалифицируемых как контрабанда наркотиков, в последние годы в нашей стране ничтожно мала.

Следовательно, практически все наркопреступления сегодня раскрываются в глубине территории страны, уже после того, как наркотики пересекли государственную границу и были расплелены небольшими партиями по всей территории Российской Федерации, составляющей, напомним, 1/7 часть мировой суши.

Полагаю, современная государственная политика и профилактика в сфере незаконного оборота наркотиков должна быть сконцентрирована на угрозе, которая поступает «извне», т. е. проникает через границу Российской Федерации, через границу со странами Содружества Независимых Государств. Граница Российской Федерации нуждается в обеспечении войсковым и оперативным прикрытием территорий, в рейдах на приграничных участках территорий, где возможно бесконтрольное перемещение через государственную границу людей и транспортных средств.

Наркоситуация во всех без исключения государствах СНГ продолжает оставаться напряженной, направленной в сторону расширения незаконного оборота наркотиков, роста немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ, формирования новых каналов незаконной доставки в

страны СНГ и незаконного трафика наркотиков через их территории.

Для оценки состояния борьбы с организованной преступностью в государствах СНГ важным является вопрос владения полной информацией о ее деятельности и мерах по противодействию этому криминальному явлению.

Достоверный анализ наркоситуации, складывающейся на пространстве Содружества, в его классическом виде, т. е. подкрепленный всеми статистическими данными, в масштабах Содружества затруднен, с учетом несопоставимости основных параметров, характеризующих различные государства СНГ: размер территории, численность населения, состояние экономики, латентность преступлений изучаемой группы, состояние преступности в целом и др.

Незаконный оборот наркотиков во всех государствах Содружества является сферой деятельности организованной преступности. Можно говорить о завершении процесса интернационализации и кооперации преступных сообществ и создании единой межрегиональной системы по незаконному обороту наркотиков. Это подтверждается:

1) сближением структуры «черного рынка» наркотиков в государствах, входящих в Содружество, и оптовых цен на особые виды наркотиков;

2) функционированием устойчивых каналов наркотрафика, проходящих через территорию всех государств — участников Содружества;

3) многонациональным составом региональной наркомафии, тесным взаимодействием преступных группировок, сформированных по этническому признаку.

Общими факторами, негативно влияющими на наркоситуацию, в государствах СНГ являются:

1) высокоорганизованный характер деятельности преступных сообществ в сфере незаконного оборота наркотиков;

2) использование международной наркомафией территории государств, входящих в Содружество, для транснациональных транзитных перевозок;

3) наличие на территории государств СНГ значительных сырьевых и технологических ресурсов, которые могут быть использованы в незаконном производстве (изготовлении) наркотиков;

4) социально-экономические трудности, характерные практически для всех государств — участников СНГ, создающие условия для вовлечения населения в незаконную деятельность с наркотиками и их немедицинское потребление;

5) недостаточный уровень взаимодействия правоохранительных органов и иных государственных структур в сфере противодействия общей наркоугрозе.

Сходство наркоситуации на территории государств СНГ, наличие общих причин, условий, факторов, объективно влияющих на распространение наркотиков, сплоченность отдельных преступных группировок в единую межрегиональную преступную сеть предопределяет необходимость тесного взаимодействия правоохранительных органов Российской Федерации и правоохранительных органов государств СНГ.

Эффективная борьба с незаконным оборотом наркотиков, имеющим транснациональный характер, на мой взгляд, возможна лишь при совместной, скоординированной деятельности правоохранительных органов всех заинтересованных государств, в том числе и стран СНГ. Это предполагает разработку межгосударственных программ борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, подготовку и подписание соответствующих соглашений о правовой помощи и сотрудничестве в борьбе с преступностью; взаимодействие органов внутренних дел с правоохранительными органами государств СНГ в рассматриваемой сфере.

Назову, на мой взгляд, четыре основных проблемных направления, в сфере которых нужно принимать меры по противодействию незаконному обороту наркотиков, в чем-то даже и радикальные: миграционное, оперативно-розыскное и межведомственное, а также информационное.

Первое направление — это незаконная миграция из Азербайджана, Украины, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана. Отсутствие необходимого технического оснащения пунктов пропуска через госграницу позволяет преступникам многократно в роли наркочелноков пересекать границу России.

Необходимо наделить пограничную службу функцией по ведению персонифицированного учета иностранных граждан, пересекающих государственную границу. Это повлияет на процесс регистрации и в дальнейшем может облегчить оперативно-розыскную и следственную работу по пресечению контрабанды наркотиков.

Кроме того, для введения процедуры въезда граждан по заграничным паспортам необходимо ратифицировать Протокол от 24 марта 2005 г. к Соглашению от 30 ноября 2000 г. между правительствами Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и России о взаимных безвизовых поездках граждан, устанавливающий порядок въезда, выезда и транзита иностранных граждан исключительно по заграничным паспортам [6].

К положительным тенденциям недавнего времени можно отнести принятие Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым закрепляются депортация и запрет въезда в Российскую Федерацию иностранцам, совершившим преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров [5].

Второе направление — оперативно-розыскное и межведомственное. Сегодня действующие двусторонние и многосторонние международные договоры со странами СНГ потенциально позволяют скоординировать совместные усилия в борьбе с транснациональной наркопреступностью, но имеющиеся законодательные возможности необходимо реализовать на практике.

Директор ФСНК России Виктор Иванов отметил в своем выступлении на совещании ГАК «О повышении эффективности административно-правовых режимов на российско-казахстанской границе в целях противодействия контрабанде наркотиков афганского происхождения» о том, что для повышения эффективности сотрудничества межведомственного сотрудничества со странами СНГ необходимо создать единый порядок совместных действий сотрудников Пограничной службы, МВД, ФТС и органов наркоконтроля в пограничной зоне и пунктах пропуска через границу. Действующее с 2005 г. соглашение между ФСБ и ФСКН России является типовым и не учитывает специфики оперативно-

розыскной деятельности по противодействию контрабанде наркотиков [3; 7].

Важным элементом взаимодействия или координации является именно обмен информацией по проблемам противодействия незаконному обороту наркотиков и выработка совместных решений и соглашений на основе данного обмена, обобщение и распространение передового опыта, анализ наркоситуации и совместные меры по организации мониторинга за ее развитием.

Одним из вопросов, которые необходимо отразить в новых соглашениях, являются положения о порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на приграничных территориях и вопросы проведения контролируемой поставки на территории двух государств — участников СНГ. Это позволит оперативно принимать решения и повысит эффективность борьбы с незаконным оборотом наркотиков на приграничных территориях государств СНГ.

В настоящее время контролируемая поставка включена в арсенал методов деятельности правоохранительных органов большинства стран мира. Это оперативно-розыскной метод требует тесного взаимодействия правоохранительных органов, тщательного планирования и точного исполнения.

Проведение данного комплекса оперативно-розыскных мероприятий направлено на решение следующих задач: установление каналов поступления запрещенных к обороту веществ и предметов; установление отправителей и получателей; установление лиц, совершивших преступления с использованием контролируемых предметов; обеспечение доказательств преступной деятельности, то есть создание условий, при которых следы совершаемого преступления отражаются на допускаемых уголовно-процессуальным законом источниках.

В.М. Атмажитов рассматривает информационное обеспечение в сфере оперативно-розыскной деятельности как получаемые субъектом оперативно-розыскной деятельности с помощью оперативно-розыскных мер фактически данные, содержащие в себе знания, необходимые и пригодные для использования в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства [1, с. 11].

Содержание оперативно-розыскной информации включает другие компоненты: сведения, характеризующие оперативно-тактическую обстановку; психологические черты лиц, подозреваемых в подготовке и совершении преступлений; текущие профилактические и оперативно-розыскные мероприятия; виды и способы совершения преступлений; похищенных вещей; сведения о замышляемых и подготавливаемых преступлениях, об «обстоятельствах, имеющих непосредственное или потенциальное значение для планирования и осуществления оперативно-розыскных мероприятий, проведения оперативно-аналитической работы, а также оказания содействия предварительному расследованию» [1, с. 26].

Оперативная разработка позволяет собрать информацию по вопросам, связанным с целью разработки, и для пополнения «банков» многократного использования другими оперативными аппаратами. Это могут быть данные о преступниках, лицах, оказавшихся под их влиянием, преступниках-гастролерах, места их укрывательства, связях среди антиобщественных и преступных элементов.

Для координации практической деятельности компетентных органов государств — участников Организации Договора о коллективной безопасности в вопросах борьбы с незаконным оборотом наркотиков планируется создать оперативный орган, который непосредственно занимался бы этими вопросами — Центр антинаркотических операций.

К его задачам будет относиться сбор оперативной информации, обмен ею в режиме реального времени со всеми ведомствами, осуществляющими борьбу с незаконным оборотом наркотиков как в России (ФСКН, МВД, ФСБ, ФТС, ФМС и Погранслужбой ФСБ), так и с компетентными ведомствами государств-участников СНГ. Кроме того, задачами этого Центра должны стать разработка, планирование, подготовка и проведение силами ОДКБ антинаркотических операций с привлечением ресурсов государств-членов ОДКБ во взаимодействии с Афганистаном, Ираном и Пакистаном [3].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аتماжитов В.М. Реализация оперативно-розыскной информации : лекция / В.М. Аتماжитов. — М. : Акад. МВД СССР, 1984. — 26 с.

2. Иванов В.П. Выступление директора ФСКН Российской Федерации на совещании ГАК «О повышении эффективности административно-правовых режимов на российско-казахстанской границе в целях противодействия контрабанде наркотиков афганского происхождения» [Электронный ресурс] / В.П. Иванов. — Режим доступа: http://www.narkotiki.ru/5_43443.htm (дата обращения: 07.05.2014).

3. Иванов В.П. Выступление председателя КСОПН государств — членов ОДКБ, директора ФСКН России В.П. Иванова на тринадцатом заседании Координационного совета руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс] / В.П. Иванов. — Режим доступа: <http://www.stratgap.ru/pages/strategy/3662/3886/5113/index.shtml> (дата обращения: 07.05.2014).

4. Ларичев В.Д. Практика пресечения подразделениями криминальной милиции МВД России каналов финансирования незаконных вооруженных формирований : метод. рекомендации / В.Д. Ларичев, В.В. Смирнов, М.Ю. Воронин, А.В. Покаматов, В.Т. Мазеин. — М. : ВНИИ МВД России, 2002. — 17 с.

5. О наркотических средствах и психотропных веществах: федер. закон РФ от 8 янв. 1998 г. № 3-ФЗ (в ред. федер. закона РФ от 23 июля 2013 г. № 224-ФЗ) // СЗ РФ. — 2013. — № 30. — Ст. 4057.

6. О взаимных безвизовых поездках : соглашение между Правительством Республики Беларусь, Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики, Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан от 30 нояб. 2000 г. (в ред. Протокола от 24 марта 2005 г.) // СПС «Консультант Плюс».

7. План мероприятий по реализации положений программы сотрудничества государств — участников СНГ в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ

и их прекурсоров на 2005–2007 годы : распоряжение Правительства РФ от 21 июня 2005 г. № 839-р // СПС «Консультант Плюс».

8. Плешаков В.А. Криминологическая безопасность и система ее обеспечения в современных условиях / В.А. Плешаков // Россия в современном виде: проблемы, поиски, решения : науч. тр. ИМПЭ им. А.С. Грибоедова.— М. : Ин-т междунар. права и экономики им. А.С. Грибоедова, 2005. — С. 209–218.

Информация об авторах

Виноградова Мария Александровна — магистрант кафедры криминалистики и судебных экспертиз, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, тел. 24-00-14, e-mail: budo2008@mail.ru.

Кряжев Владимир Сергеевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и судебных экспертиз, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: irkcenter@isea.ru.

Information about the authors

Vinogradova Maria Aleksandrovna — undergraduate Chair of criminalistics and forensic expertises at Baikal State University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: budo2008@mail.ru, 24-00-14.

Kryazhev Vladimir Sergeevich — Candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the department of criminalistics and forensic expertises at Baikal State University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: irkcenter@isea.ru.

УДК 343.1
ББК 67.4

С.В. Власова

К ВОПРОСУ О ДОПРОСЕ СВИДЕТЕЛЯ ПО ДЕЛАМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Исследованы особенности производства допроса свидетелей по делам экстремистской направленности.

Ключевые слова: свидетель, доказательственный факт, доказательства, свидетельские показания.

S.V. Vlasova

ON THE INTERROGATION OF THE WITNESS FOR EXTREMIST

The features of interrogation of the witness in cases extremist.

Keywords: witness evidentiary fact, evidence, testimony.

Порядок допроса свидетеля на предварительном расследовании регламентирован ст. 187–191 УПК РФ. Глава 26 УПК РФ относится к ч. 2 УПК, называемой «Досудебное производство», правила допроса свидетеля, содержащиеся в ней, касаются, соответственно, предварительного расследования. Основания допроса свидетеля — это данные о том, что ему известны обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения дела (ч. 1 ст. 56 УПК РФ).

И.Я. Фойницкий утверждал, что свидетель — это лицо, имеющее об обстоятельствах производимого дела сведения, добытые путем личного наблюдения, призванное к суду для удостоверения перед ним этих обстоятельств, в установленном законом порядке [11, с. 312]. По определению М.С. Строговича, «свидетель — лицо, в установленном уголовно-процессуальном порядке допрашиваемое следователем и судом об известных ему фактах, имеющих значение для уголовного дела» [6, с. 394]. Сходные определения даются и другими авторами [2, с. 66; 7, с. 71; 5, с. 12; 10, с. 82].

Согласно ст. 74 УПК свидетельские показания являются доказательством, т. е. сведениями, с помощью которых субъекты доказывания устанавливают обстоятельства имеющие существенное значение для правильного разрешения уголовного дела. «Свидетельские показания — это сообщения о фактах, имеющих значение для уголовного дела, в установленном уголовно-процессуальном кодекском порядке, сделанные следователю и суду лицами, которым эти факты известны» [6, с. 394]. Свидетельские показания должны иметь *форму устного сообщения* (п. 2

ч. 2 ст. 74, ч. 1 ст. 79, ст. 189–190 УПК РФ). Как указывает Р.Д. Рахунов, «свидетельское показание можно определить как устное сообщение непричастного к совершению расследуемого преступления лица об относящихся к делу обстоятельствах, даваемое им по требованию органов предварительного расследования и суда с соблюдением уголовно-процессуальных правил о допросе свидетелей» [3, с. 36]. В.И. Смыслов говорит: «Свидетельское показание представляет собой сообщение свидетелем следствию или суду фактических данных относительно известных ему обстоятельств по делу» [5, с. 12].

Мы присоединяемся к мнению, что показания свидетеля выступают в качестве одного из средств установления истины по делу, т. е. призваны восстановить картину того, что имело место в действительности; познать, выявить, доказать те факты и обстоятельства, которые стали предметом исследования, дать им правильную юридическую оценку [4, с. 199]. Показание должно быть получено в предусмотренном уголовно-процессуальном законом порядке на допросе свидетеля в ходе предварительного или судебного следствия.

По данной категории уголовных дел, предварительное расследование и судебное разбирательство которых прошло бы без допроса хотя бы одного свидетеля, нам не встречалось. Поэтому следует считать допрос свидетелей, потерпевших одним из важнейших способов получения доказательственной информации по делу. Иногда допрос свидетелей становится основным способом формирования доказательственной базы по делу. Судебно-следственная практика показывает, что при «очевидных» составах преступлений экстремистской направленности, подтвержденных несколькими не вызывающими сомнений в своей объективности свидетелями, достаточно бывает их показаний, чтобы принять процессуальное решение по делу. В результате допросов свидетелей в 60 % случаев были получены прямые доказательства, изобличающие обвиняемого в совершении преступления. Допрос свидетеля в некоторых случаях является основным способом собирания доказательств. Так, полные и объективные показания свидетеля стали основой для признания виновным обвиняемого по уголовному делу № 459005. По этому делу в качестве свидетелей были допрошены Завалюева В.В., Ратников А.В., Ле-

бедев Д.Л., которые дали аналогичные показания, в которых они сообщали, что зарегистрированы на интернет-сайте «ВКонтакте». Они часто посещают группу «Каббала и магия», в которой общаются с участниками группы. Одним из самых активных участников группы был пользователь под именем Дмитрий (Дмитрий гр. Плутон) Шубин. С последним они в дискуссии не вступали, но различные темы неоднократно обсуждали. Одной из тем была тема по факту опубликования им на сайте «ВКонтакте» текстов, которые, по их мнению, содержат высказывания, побуждающие к действиям, направленным на возбуждение ненависти, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признаку отношения к религии, совершенные публично. В ходе обсуждения данной темы они неоднократно указывали Шубину Д.Л. на то, что тексты подобного содержания не стоит опубликовывать на сайте, имеющем доступ неограниченного круга лиц, однако Шубин Д.Л. на их советы никак не реагировал, продолжая опубликовывать аналогичные тексты. Они воспринимали высказывания Шубина Д.Л. как действия, направленные против религии в государстве, в том числе против государства [8].

Чаще всего свидетели — очевидцы события выступают в качестве свидетелей обвинения. Такая ситуация наблюдалась, в частности, по уголовному делу № 459005 [8], по уголовному делу № 181806 [9, л.д. 60–62]. По уголовному делу № 459005, несмотря на частичное непризнание Шубиным Д.Л. своей вины, в ходе предварительного следствия собрано достаточно доказательств, подтверждающих его вину в инкриминируемом деянии: показания свидетелей Завалюевой В.В., Ратникова А.В., Лебедева Д.Л., Бодровой Н.В., Лейтан Л.В., Еремина Е.А., Пчелинцева И.В., не доверять которым у органов предварительного следствия оснований нет [8].

Но в ряде уголовных дел показания свидетелей (по исследуемым нами уголовным делам данные лица имели статус обвиняемого) подтверждали версию обвиняемого, оправдывали его. Чаще всего с их стороны имело место если не умышленное искажение действительности, то истолкование событий в пользу обвиняемого, с которыми у «свидетеля» были родственные или дружеские отношения. В качестве примера можно привести уголовное дело № 73789, где «свидетель» — обвиняемый Дегтя-

рев А.А. отрицал факт создания экстремистского сообщества обвиняемым Сурковым А.Н. К показаниям обвиняемого Дегтярева А.А. следствие и суд отнеслись критически, так как он являлся другом Суркова А.Н. и пытался увести его от ответственности. Его показания опровергались протоколом обыска [10, т. 14, л.д. 45] в жилище Суркова А.Н., в ходе которого в жилище Суркова А.Н. изъяты тетрадь зеленого цвета, блокнот с записями, записка с надписью «шифровка», листок тетрадный с надписью латинского содержания, листок с записями, газета «Русский порядок», листок формата А4 с печатной информацией, листок бумаги с надписями, листок бумаги с надписью «Бой длится столько, сколько надо», маска с прорезью для глаз, книга «Мир славянских богов», книга «Удар русских богов», две гильзы, один патрон, газовый баллон «Шок», системный блок компьютера; а также протоколом осмотра [10, т. 14, л.д. 45–97], изъятых в ходе обыска предметов (документов).

Нередки по анализируемой категории дел ситуации, когда свидетели делятся на два лагеря, один сочувствует обвиняемому, другой, напротив, сочувствует жертве происшествия. Причины такой ситуации всякий раз различные, следовательно каждый раз требуется понять их и при собирании доказательств попытаться нейтрализовать все факторы, которые могут исказить предоставление допрашиваемым информации.

Свидетель обязан объективно передать органам следствия и суда те сведения, которые стали ему известны из первоисточников. Согласно п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ показания свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности, не имеют юридической силы, не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Пример такого догадочного показания свидетеля, высказывающего на допросе свое предположение о предмете доказывания по делам экстремистской направленности, основанное на опыте знакомства с привычками обвиняемого, представляют собой показания свидетеля Лейтан Л.В., которая показала, что у нее есть сын Шубин Дмитрий Леонидович, она может охарактеризовать его с положительной стороны, он хорошо учился в универ-

ситете и в школе. После окончания университета Шубин начал увлекаться астрологией и магией. Шубин Д.Л. был верующим человеком, в возрасте около 10 лет Шубин был крещен в православной церкви. Кроме того, ее бабушка, Голованова Анна Климовна, была дочерью священника. Голованова А.Н. скончалась в 1986 г. Когда она была жива, Шубин с ней часто общался, в том числе на предмет религии. Шубин всегда относился к религии ровно, без какого-либо интереса, но в то же время и без ненависти [8, т. 2, л.д. 99–101].

Свидетель должен приводить в своих показаниях только факты, оценка которых относится к прерогативе следственно-судебных органов. Как говорил Л.Е. Владимиров, назначение свидетелей в суде — давать факты, а не мнения [1, с. 140]. «Свидетель должен в своих показаниях излагать только факты. Показание должно характеризоваться беспристрастным, объективным повествованием о факте, который наблюдал свидетель. Чем подробнее и обстоятельнее излагается свидетелем известный ему факт, тем ценнее его показание» [3, с. 12]. Пределы допроса свидетеля обуславливаются конкретными обстоятельствами свидетельствования по делу. Понятно, что в каждом конкретном случае эти пределы могут быть различными.

Как видно из закона (ч. 2 ст. 78 и ч. 2 ст. 79 УПК РФ) и из судебно-следственной практики, предмет допроса свидетелей и потерпевших широк: это все известные им обстоятельства, имеющие отношение к делу, включая взаимоотношения с подозреваемым, обвиняемым (добавим и со свидетелями). Свидетель может быть допрошен о личности других свидетелей в целях правильной оценки их показаний. Однако, на наш взгляд, недопустимо ни свидетелям, ни потерпевшим передавать слова самого обвиняемого, которые он произносил не во время официального его допроса в качестве подозреваемого, обвиняемого, в качестве средств изобличения его в совершении преступления. Такие показания не могут считаться доказательствами.

Несмотря на то что формулировка п. 2 ч. 2 ст. 74 УПК позволяет предполагать, что законодатель склонен объединять показания свидетеля и показания потерпевшего, тем не менее это разные доказательства. Это объясняется особой юридической сущностью каждого из видов уголовно-процессуальных доказа-

тельств. Потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец выполняют функцию обвинения и дача показаний (объяснений) для них сопряжена с отстаиванием своих признаваемых законом интересов в деле. Назначение свидетельских показаний принципиально иное — быть источником объективных данных об обстоятельствах дела для суда.

Особенность свидетельских показаний как отдельного вида доказательств состоит в *незаменимости* свидетеля. «Свидетель рождается обстоятельствами дела, а не собственными преступными действиями» [5, с. 17]. Свидетель порождается событием ДТП. «Незаменимость свидетеля означает, что известный доказательственный факт может устанавливаться именно показаниями определенного свидетеля» [3, с. 9]. Свидетель не может быть заменен и в том случае, когда-то или иное обстоятельство может быть удостоверено не одним только этим лицом, но и другими лицами, но также и другими доказательствами. В подобных случаях у органа, осуществляющего производство по делу, появляется возможность для более тщательной и всесторонней проверки доказательств и достоверного установления обстоятельств дела.

Лишь тогда, когда свидетели повторяются, и для суда или следствия становится очевидной достаточность собранных по делу доказательств, в том числе свидетельских показаний, устанавливающих определенный факт, может быть принято решение об отказе в проведении допроса новых свидетелей.

Ввиду получившего большое распространение по уголовным делам экстремистской направленности использования в доказывании распространен допрос священнослужителей о ставших им известными обстоятельствах происшествия. В качестве характерного примера можно привести показания Пчелинцева И.В., данные в ходе допроса в качестве свидетеля 4 июня 2010 г. [8, т. 2, л.д. 113–115], из которого следует, что он состоит в должности старшего священника прихода церкви Владимирской Оранской иконы Божьей Матери г. Нижнего Новгорода и заместителя руководителя пресс-службы Нижегородской епархии с 2009 г., в Нижегородской епархии с 1990 г. Он пояснил, что в высказываниях Шубина Д.Л. прослеживается крайне негативная оценка в адрес представителей Русской православной церкви, в том числе в отношении покойных. Кроме того, в высказываниях Шуби-

на Д.Л. прослеживаются призывы, направленные на возбуждение ненависти, а также на унижение достоинства человека и группы лиц по признаку отношения к религии. Данные призывы являются публичными, так как опубликованы в одном из средств массовой информации. Церковь с точки зрения евангельского вероучения принимает любые оскорбления и гонения, но с точки зрения христианской и общественной нравственности церковь не поддерживает и не принимает подобные действия, в том числе те, которые совершил Шубин Д.Л. Церковь осуждает грех, совершенный Шубиным Д.Л., но церковь обязана спасти грешника, несмотря на совершенный им грех. Русская православная церковь деяние, совершенное Шубиным Д.Л., не поддерживает и не одобряет. РПЦ понимает, что подобные публичные призывы, опубликованные Шубиным Д.Л., могут способствовать совершению иных, более тяжких грехов другими гражданами, которые повлекут за собой более тяжкие последствия. Русская православная церковь поддерживает сотрудников правоохранительных органов, которые пресекают и предотвращают совершение подобных преступлений, чья деятельность направлена на восстановление социальной справедливости и на наказание преступников.

В ходе допроса следователь, помимо сведений об обстоятельствах предмета доказывания, должен выяснять и обстоятельства, необходимые для оценки показаний. В первую очередь следует исследовать объективные и субъективные факторы восприятия, запоминания и воспроизведения допрашиваемым существенных обстоятельств дела. Иногда косвенные, последующие доказательства позволяют установить важные вспомогательные обстоятельства, например, изобличить заведомо ложные показания свидетеля защиты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. — Тула : Автограф, 2000. — 464 с.
2. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе / Ц.М. Каз. — Саратов : СГУ, 1960. — 104 с.

3. Рахунов Р.Д. Свидетельские показания в советском уголовном процессе / Р.Д. Рахунов. — М. : Госюриздат, 1955. — 164 с.
4. Смирнов А.В. Уголовный процесс : учеб. для вузов / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. А.В. Смирнова. — 2-е изд. — СПб. : Питер , 2005. — 699 с.
5. Смыслов В.И. Свидетель в советском уголовном процессе / В.И. Смыслов. — М. : Высш. шк., 1973. — 160 с.
6. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М.С. Строгович. — М. : Наука, 1968. — Т. 1. — 469 с.
7. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Юрид. лит., 1973. — 736 с.
8. Уголовное дело № 459005 // Архив Приокского районного суда. — Н. Новгород, 2010.
9. Уголовное дело № 181806 // Архив Балахнинского городского суда. — 2010.
10. Уголовное дело № 73789 // Архив Нижегородского областного суда. — 2010. — Т. 14.
11. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. — СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза, 1912. — Т. 2. — 579 с.
12. Якуб М.Л. Показания свидетелей и потерпевших / М.Л. Якуб. — М. : МГУ, 1968. — 128 с.

Информация об авторе

Власова Светлана Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, Нижегородская академия МВД России, подполковник полиции, 603144, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3, тел. (831) 229-09-24, e-mail: Vlasovasvetla@yandex.ru.

Information about the author

Vlasova Svetlana Vladimirovna — PhD in Law, Assistant Professor, Department of Criminal Procedure, Nizhny Novgorod Academy of the Interior Ministry of Russia, Police Lieutenant-

Colonel, 3, Ankudinovskoe Highway, Nizhny Novgorod, 603144, e-mail: Vlasovasvetla@yandex.ru.

УДК 343.9-053.6
ББК 76.518.8

Д.Г. Гайков

МОТИВАЦИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

В статье рассматриваются вопросы мотивации на совершение насильственных преступлений сексуального характера несовершеннолетними. Отмечается, что преступное поведение несовершеннолетних полимотивно и в половых преступлениях, совершенных несовершеннолетними, в большей степени проявляется насильственно-эгоистическая мотивация. В связи с этим важным является установление подлинных причин совершения преступного деяния для определения степени общественной опасности личности несовершеннолетнего. Делается вывод о том, что в процессе расследования сексуальных преступлений, совершенных несовершеннолетними, важен анализ психологического механизма выбранного подростком варианта поведения.

Ключевые слова: мотив преступления, преступления сексуального характера, преступления, совершаемые несовершеннолетними.

D.G. Gaikov

FORENSIC ANALYSIS OF MOTIVATION OF VIOLENT CRIMES OF A SEXUAL NATURE, COMMITTED BY MINORS

In the article the questions of motivation of juvenile offenders to commit violent crimes of a sexual nature. It is noted that the criminal conduct of minors due to many motives and in the sex crimes committed by minors is more pronounced forced-self-centered motivation. In this regard, the important is to establish the real causes of the commit-

ting of a criminal act to determine the degree of public danger of the person of a minor. It concludes that in the process of investigation of sexual crimes committed by minors, it is important for the analysis of the psychological mechanism of the selected teenager ways of behavior.

Keywords: motive for the crime, a crime of a sexual nature, crimes committed by young offenders.

А.Ю. Ширяев совершенно справедливо указывает, что аксиомой уголовного права и процесса является положение о том, что умысел не предполагается, а доказывается. Это положение закреплено отечественным законодателем в принципах вины, презумпции невиновности, норме об обстоятельствах, образующих субъективную сторону преступления, которые с необходимостью подлежат доказыванию по каждому уголовному делу (ст. 5 УК РФ; ст. 14; п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) [16, с. 51].

Все преступления, ответственность за которые определена статьями гл. 18 УК РФ, содержащей уголовно-правовой запрет на совершение ряда деяний против половой неприкосновенности и половой свободы личности, относятся к преступлениям с формальным составом, т. е. к преступлениям, отличающимся тем, что они не могут быть совершены с косвенным умыслом, он может быть только прямым. Прямой умысел предполагает осознание совершаемого — более или менее ясное представление как того, что делается, так и того, к каким последствиям приведет предпринимаемое действие [1, с. 143]. Тем не менее в преступлениях с формальным составом психическое отношение субъекта должно быть установлено в отношении не последствий совершенного преступления, а самого деяния [10, с. 33]. В частности, общественная опасность насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) выражается в том, что это именно насильственные посягательства. Отсюда следует, что для определения умысла на совершение насильственных действий сексуального характера следует установить факт осознания виновным характера объекта, социальных свойств и фактического характера деяния, а также желание субъекта совершить это деяние.

Поскольку субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ, характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла, в мотиве преступного по-

ведения должны быть отражены два момента: интеллектуальный и волевой. Интеллектуальный момент выражается в том, что виновный осознает, что его действия являются противоправными, поскольку осуществляются с применением насилия или угрозой его применения либо использованием беспомощного состояния потерпевшего, в результате чего для потерпевшего исключена свобода волеизъявления. Волевой момент проявляется в том, что виновный осуществляет свое намерение вопреки воле потерпевшего, игнорируя ее и подавляя применением насилия [5, с. 97].

С.А. Тарарухин подчеркивает, что связующим звеном между сознанием и волей индивида является мотив его поведения. Более того, именно он связывает все объективные и субъективные признаки состава преступления в единое целое [14, с. 61]. Именно мотив и цель совершения преступного деяния определяют постановку конкретных задач реальных действий, выбор способов и средств решения этих задач. Будучи непосредственным порождением деформированных ценностных ориентаций субъекта, они несут негативный в социальном плане заряд в его психическую деятельность, которая находит выражение в общественно опасном поведении, придают этой деятельности предосудительный, осуждаемый, асоциальный характер. При этом если для характеристики субъективной стороны преступления с уголовно-правовой точки зрения мотив и цель его совершения являются факультативными признаками, не влияющими на квалификацию преступления, то с криминалистической точки зрения, установление мотива и цели может способствовать установлению истинных причин, побудивших виновного на совершение преступления. Это особенно важно при расследовании сексуальных преступлений, совершенных несовершеннолетними. Установление мотива совершенного несовершеннолетним преступного деяния способствует правильному выбору следственных действий, позволяет более объективно оценить доказательственную информацию, глубже исследовать причины его совершения, а, значит, точнее определить степень его общественной опасности.

Как известно, предпосылкой того или иного поступка, источником деятельности, поведения человека является потребность: люди осуществляют различные виды деятельности, не придумывая их, а нуждаясь в их результатах [2, с. 341]. Исходя из

того что осознанная потребность индивида, являясь источником его активности, конкретизируется в мотиве деятельности, сам мотив является побудительной причиной, накладывая отпечаток на весь ход волевого процесса, с которым связано намерение совершить преступление. Следовательно, именно мотив является фактором детерминации поведения. Другими словами, под мотивом совершения преступления следует понимать обусловленное наличием потребности активное состояние психики, побуждающее индивида к деятельности, направленной на удовлетворение потребности способами, запрещенными законом.

Половая жизнь, с точки зрения цивилизованного общества, является реализацией естественной и необходимой сексуальной потребности [8, с. 107]. Тем не менее, если речь идет о подростках, не достигших совершеннолетия, то по отношению к ним понятия «естественность» и «необходимость» половой потребности вряд ли применимы. По данным проведенного И.Ф. Соколовой исследования, половая зрелость в большинстве случаев наступает в 16–17 лет, а значит, половые отношения не являются физиологически необходимыми для подростков, не достигших 16-летнего возраста [13, с. 15]. Поэтому в силу возраста тип мотивации несовершеннолетних, совершающих половые преступления, зачастую не может опираться на их собственный сексуальный опыт, а в большей степени определяется информацией, почерпнутой из средств массовой информации порнографической направленности, обуславливающей негативные моральные установки в сфере полового сознания.

По мнению А.М. Рачковой, совершению подростком первого общественно опасного деяния, как правило, предшествуют «толчковые» факторы, пусковые механизмы, связанные с желанием удовлетворить свои потребности, в том числе в еде, сладостях, развлечениях, желании «сбросить» накопившуюся агрессию, реализовать скрытые сексуальные или сексуально-садистские потребности [12, с. 99] и т. д. Тем не менее в результате анализа нравственно-психологических свойств личности несовершеннолетнего преступника Е.А. Писаревской выявлена более глубокая осознанность мотивов совершения именно насильственных преступлений по сравнению с мотивами совершаемых несовершеннолетними корыстных преступлений [9, с. 14].

Следует отметить, что любой поступок человека обусловлен обычно не одним мотивом, а несколькими. По этому поводу А.Г. Маслоу отмечал следующее: «Если мы сталкиваемся с поведенческим актом, в котором можно выявить одну-единственную детерминанту, единственный мотив и единственную цель, то нужно понимать, что мы имеем дело с исключением. ...Такой подход в корне отличен от наивного, прямолинейного подхода, принятого в психологии личности, когда поведенческий акт жестко соотносится с определенной чертой характера или с определенным мотивом, например, акт агрессии рассматривается как свидетельство агрессивности человека» [6, с. 98]. Поэтому взаимодействие мотивов, определяющих поведение человека в конкретный момент времени подвержено определенной градации. В.Д. Филимонов указывает, что среди действующих мотивов выделяются: доминирующий — определяющий основной смысл поведения виновного; дополнительный — подкрепляющий смысл его деятельности; защитный — оправдывающий действия субъекта преступления в его собственных глазах, а также мотив, нейтрализующий влияние противостоящих мотивов [15, с. 115–116].

В связи с этим справедливыми представляются суждения ученых, утверждающих, что преступное поведение несовершеннолетних, связанное с применением насилия, в большинстве своем полимотивно. Так, Г.Г. Шиханцов описывает мотив вымещения, вследствие которого «происходит вымещение агрессии, озлобленности на посторонних лицах»; мотив замещения, реализуемый посредством снятия напряжения, и мотив мнимого самоутверждения, выражающегося в ложном, извращенном утверждении себя путем унижения, подавления личности других, насилия над ними, гиперкомпенсации [17, с. 133]. По мнению ученых, занимавшихся исследованием психологических особенностей несовершеннолетних правонарушителей, наиболее часто именно механизм гиперкомпенсации является основанием совершения ими насильственных преступлений. Речь идет о стремлении устранить ощущение мнимой или действительной неполноценности, доказав себе и окружающим, хотя бы и в уродливой, асоциальной форме сверхценность своей личности («комплекс Герострата»). В их суждениях просматривается стремление к само-

утверждению, желание показать другим и почувствовать самому свою силу, смелость, бесстрашие, способность к риску [11, с. 51].

Г.И. Забринский также отмечает, что зачастую в преступлениях против половой свободы и неприкосновенности проявляется не сексуальный мотив, а насильственно-эгоистическая мотивация, связанная со стремлением к самоутверждению, повышению собственной значимости путем предельного унижения другого человека, причинения ему страданий. При этом особенно часто внешне ничем не мотивированная агрессия прослеживается в сексуальных насильственных преступлениях, совершаемых несовершеннолетними в группе [3, с. 67].

Исследователями подростковой насильственной преступности, кроме этого, отмечается, что преступления, совершенные вменяемыми несовершеннолетними в отношении младших по возрасту или ровесников, заключаются в достаточно глубокой осознанности мотивов, сходных с мотивами взрослых преступников: для них большое значение имеет мотив самоутверждения, желание показать власть над жертвой [9, с. 3]. В меньшей степени несовершеннолетним присущ такой мотив как месть, желание навредить конкретному человеку, поскольку зачастую между преступником и жертвой отсутствуют длительные социальные связи, порождающие подобные потребности.

А.С. Колесова справедливо отмечает, что выявить подлинные мотивы непросто, особенно если они носят неосознанный характер. То, что на первый взгляд представляется ведущим мотивом, в действительности может оказаться одним из второстепенных стимулов или вообще не иметь никакого стимулирующего значения [4, с. 100].

По данным исследований, проведенных Е.Ю. Мощицкой, многие несовершеннолетние, совершившие половые преступления, почти искренне уверены, что, в сущности, они ни в чем не виноваты или их вина невелика, и переносят ее на иные обстоятельства, и особенно на самих потерпевших. Такая оценка постепенно закрепляется в психике несовершеннолетнего, выполняя субъективно-защитную функцию [7, с. 82].

Действительно, реальный мотив преступления и его мотивировка виновным, который зачастую намеренно скрывает свои подлинные побуждения, нередко существенно различаются меж-

ду собой. Мотив, являясь побуждением, порожденным потребностями субъекта, относится к глубоко личностным психологическим явлениям. Поэтому в необходимых случаях для установления подлинного психологического мотива совершения конкретного преступного деяния может назначаться судебно-психологическая экспертиза.

От установления подлинного мотива совершения преступления зависит решение вопроса о степени общественной опасности лица, совершившего преступление. А.И. Рарог в связи с этим подчеркивает, что степень вины — это количественная характеристика не юридической, а социальной сущности вины, показывающей глубину деформированности социальных ориентаций субъекта. Она определяется особенностями психической деятельности лица в процессе совершения преступления, целями и мотивами его поведения, личностными особенностями и т. д. При этом под социальной сущностью вины понимается отрицательное психическое отношение субъекта к основным социальным ценностям, проявившееся в конкретном преступном деянии [10, с. 74–75].

С этой точки зрения в процессе расследования сексуальных преступлений, совершенных несовершеннолетними, с необходимостью должна ставиться задача анализа психологического механизма выбранного подростком варианта поведения, а также реальные границы предвидения и осознания им значения своих действий и способности руководить ими.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная часть / Л.С. Белогриц-Котляревский. — Киев : Юж.-рус. кн-во Ф.А. Иогансона, 1903. — 626 с.
2. Еникеев М.И. Общая и социальная психология : учеб. для вузов / М.И. Еникеев. — М. : НОРМА, 2002. — 624 с.
3. Забринский Г.И. Социология преступности несовершеннолетних / Г.И. Забринский. — Минск : Минсктиппроект, 1997. — 174 с.

4. Колесова А.С. Криминалистический анализ признаков насильственных преступлений в семье / А.С. Колесова // Вестник криминалистики. — 2012. — Вып. 1 (41). — С. 99–105.

5. Котельникова Е.А. Насильственные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность : уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.А. Котельникова. — Н. Новгород, 2007. — 191 с.

6. Маслоу А.Г. Мотивация и личность / А.Г. Маслоу ; пер. А.М. Татлыбаевой. — СПб. : Евразия, 1999. — 480 с.

7. Мощицкая Е.Ю. Виктимологическая характеристика сексуального насилия несовершеннолетних: по материалам Иркутской области : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.Ю. Мощицкая. — Иркутск, 2004. — 189 с.

8. Обуховский К. Психология влечений человека : пер. с пол. / К. Обуховский. — М. : Прогресс, 1972. — 365 с.

9. Писаревская Е.А. Насильственная преступность несовершеннолетних и ее предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.А. Писаревская. — Томск, 2006. — 22 с.

10. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог. — СПб. : Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2003. — 304 с.

11. Ратинов А.Р. Психологическая защита и самооправдание в генезисе преступного поведения / А.Р. Ратинов, Г.Х. Ефремова // Личность преступника как объект психологического исследования : сб. науч. тр. / ред. кол. : А.Р. Ратинов (отв. ред.) и др. — М. : Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1979. — С. 44–62.

12. Рачкова А.М. Криминологическая характеристика общественно опасного поведения малолетних и его предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.М. Рачкова. — Иркутск, 2004. — 217 с.

13. Соколова И.Ф. Судебно-медицинская экспертиза половой зрелости : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.Ф. Соколова. — М., 1983. — 18 с.

14. Тарарухин С.А. Установление мотива и квалификация преступления / С.А. Тарарухин. — Киев : Вища шк., 1977. — 151 с.

15. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права / В.Д. Филимонов ; под ред. А.Л. Ременсона. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. — 214 с.

16. Ширяев А.Ю. Предметное содержание вины в преступлениях с формальным составом / А.Ю. Ширяев // Законность. — 2011. — № 8. — С. 51–55.

17. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология : учеб. для вузов / Г.Г. Шиханцов ; отв. ред. В.А. Томсинов. — Изд. 2-е. — М. : Изд-во «Зерцало-М» : ЗЕРЦАЛО, 2006. — 352 с.

Информация об авторе

Гайков Дмитрий Геннадьевич — аспирант кафедры криминалистики и судебных экспертиз, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: dgaykov@yandex.ru; научный руководитель и рецензент — А.А. Протасевич, профессор кафедры криминалистики и судебных экспертиз БГУЭП, доктор юридических наук.

Information about the author

Gaikov Dmitrii Gennad'evich — Graduate student of faculty of criminalistics and forensic examinations, Baikal State University of Economics and Law, 664003, Irkutsk, Lenin st., 11, e-mail: dgaykov@yandex.ru.

УДК 343.132

ББК 67.522.1

Р.Х. Гиндулин

О.А. Егерова

ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

В статье авторы определяют особенности осмотра места происшествия, обусловленные обстановкой самого преступления. Выделяются и анализируются типичные объекты осмотра места

происшествия. Приводится система типичных недостатков осмотра места происшествия.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, следственное действие, расследование незаконного оборота наркотиков, криминалистическая тактика.

R.Kh. Gindulin
O.A. Egereva

FEATURES OF EXAMINATION OF THE SCENE IN THE INVESTIGATION OF DRUG TRAFFICKING

In the article the author defines the peculiarities of the examination of the scene, due to the situation of the crime itself. We identify and analyze the typical objects of inspection of the scene. The system typical shortcomings of the inspection of the scene.

Keywords: inspection of the scene, the investigative action, the investigation of drug trafficking, criminalistic tactics.

Первоначальный этап расследования незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ обычно включает такие следственные действия, как освидетельствование и допрос подозреваемых, допрос свидетелей, осмотр места происшествия, обыск, выемка, осмотр изъятых предметов и документов, назначение судебных экспертиз и др.

Осмотр места происшествия относится к неотложным, первичным следственным действиям. Несвоевременное производство осмотра почти всегда сопряжено с утратой следов преступления, изменением обстановки места происшествия, что нередко затрудняет установление обстоятельств преступления и виновного лица.

Следователь производит осмотр места происшествия, местности, помещения, предметов и документов в целях обнаружения следов преступления и других вещественных доказательств, выяснение обстановки происшествия, а равно и иных обстоятельств, имеющих значение для расследования уголовного дела.

Значение осмотра места происшествия для раскрытия и расследования преступлений обусловлено его местом в структуре расследования как источника получения оперативно-розыскной

информации и о совершившем его лице, а также доказательственной информации о преступном событии. В условиях научно-технического прогресса познавательные возможности осмотра существенно возрастают. Также расширился круг материальных следов, которые могут приниматься для целей доказывания, арсенал технических средств и приборов по их обнаружению, фиксации и исследованию. Деятельность по осмотру совершенствуется также в организационно-тактическом плане. Всё более широкий круг специалистов привлекается следователями для производства этого следственного действия. Одной из организационных форм успешного использования познавательных возможностей осмотра места происшествия являются следственно-оперативные группы, создаваемые в органах следственного комитета и внутренних дел.

Следы преступления воспринимаются следователем в ходе осмотра места происшествия в статической форме. Преступное же поведение как реальное событие всегда динамично и состоит из ряда последовательно совершенных операций. Так, если при осмотре помещения, квартиры обнаружено наркотическое средство, находящееся там незаконно, это говорит о том, что его владелец как минимум незаконно его приобрел и хранил, если же обнаружены предметы со следами на них наркотических средств, то можно говорить и о незаконном изготовлении. Поэтому важным моментом процесса познания субъективной стороны преступления выступает переход от выявления определенных статических следов преступления к построению его мысленной модели как целостного акта поведения. Происходит это также на детальной стадии осмотра места происшествия путем определения последовательности и целенаправленности совершения всех определенных действий, как по отдельным узлам, так и в целом на месте происшествия. Таким образом, практическое использование, описанное выше познавательной схемы установления субъективной стороны по материальным следам преступления необходимо дополнить указанием о применении соответствующих тактических приемов на стадии проведения детального осмотра.

Безусловно, в большинстве случаев место происшествия — важный источник криминалистически значимой информации, доказательств и пр. Но для того чтобы понять совершившееся пре-

ступление или воссоздать картину происшествия, необходимо выявить обстановку происшествия, т. е. получить сведения о той среде, в которой происходило исследуемое событие. Но даже достижение такой цели может не решить вопрос, а лишь определенным образом приблизить следователя к его решению [2, с. 290].

Осмотр места происшествия по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, имеет определенные особенности.

При осмотре местности с находящимися на ней наркосодержащими растениями в протоколе необходимо указать:

1) месторасположение данного участка по отношению к определенным ориентирам (жилым домам, дорогам и т. д.), его размеры, определить собственника (приусадебные, колхозные земли, заповедник и т. д.);

2) какие наркосодержащие растения произрастают и их количество, стадия вегетации;

3) что растет рядом с посевом и на прилегающей к нему территории (только наркосодержащие растения или же совместно с другими культурами);

4) наличие сельскохозяйственных орудий и их описание;

5) факт изъятия образцов растений для дальнейшего направления в экспертно-криминалистическое подразделение;

6) количество растений, из которых производился отбор образцов для исследования;

7) факт проведения фотографирования;

8) факт изъятия выявленных следов.

При осмотре участка, где производилось задержание лиц, участвующих в незаконном обороте наркотиков, требуется:

1) выявить и описать место укрытия преступников;

2) фиксировать следы нахождения лиц на данной местности и сопротивления, если таковое было оказано;

3) зафиксировать месторасположение предметов, оставленных преступниками.

Особенности осмотров помещений определяются тем, какое преступление совершено — сбыт, хранение, хищение, изготовление наркотиков или содержание притона для потребления наркотических средств. При фиксации этого процессуального действия

необходимо указывать:

- 1) местонахождение помещения и его описание;
- 2) месторасположение и внешнее описание обнаруженных веществ;
- 3) описание упаковки наркотического сырья или готовой продукции;
- 4) описание предметов, которые использовались в процессе изготовления или потребления наркотических средств (миски, кастрюли, кофемолки, мясорубки, сетки, прессы, шприцы, медицинские иглы и т. д.) [4, с. 108].

При осмотре наркотических лекарственных средств особое внимание следует уделить маркировке препарата. С этой целью следует осмотреть заводскую упаковку и приобщить ее к изымаемым вещественным доказательствам. В протоколе необходимо отразить:

- 1) общий вид, качественные и количественные характеристики, название завода изготовителя;
- 2) цифровые обозначения, в которых зашифрованы основные сведения о лекарстве (срок годности, предприятие изготовитель, смена, наличие стандарта и т.д.).

В целях закрепления вещественных доказательств по делам о наркомании следует составлять протокол осмотра места происшествия.

Любое приложение к протоколу осмотра места происшествия должно быть отражено в нем. Все изъятые вещественные доказательства и иные предметы, относящиеся к делу, следует подробно описать в соответствии с законом. Изъятые наркотические средства необходимо взвесить, опечатать и составить акт. Иначе утрачивается доказательственное значение приложения, данные, содержащиеся в приложениях, не должны противоречить содержанию протокола.

При производстве осмотров мест происшествий по делам о распространении наркотиков необходимо иметь в виду, что в большинстве случаев осложнен доступ в помещения, где хранятся наркотики и откуда производится сбыт [3, с. 49].

Частные дома обычно ограждены прочным забором. Во дворе могут находиться собаки крупных пород.

Квартиры оборудованы металлической дверью. В офисах и

складских помещениях коммерческих структур могут нести круглосуточное дежурство охранники.

Посторонних лиц в такие помещения пускать отказываются. Силовое проникновение с разрушением преград в такие помещения занимает достаточно много времени, которое используется сбытчиками и исполнителями для уничтожения, избавления от наркотиков и следов их хранения. От наркотиков гораздо легче избавиться, чем от оружия или похищенных вещей.

Проникновение в эти помещения составляет дополнительную тактическую задачу. В некоторых случаях оперативным работникам приходится несколько часов производить наблюдение и ждать, когда откроют дверь кому-либо из пришедших или для выхода из помещения [1, с. 57].

Одновременно с проникновением в помещение необходимо установить наблюдение за окнами квартиры или дома. При любой задержке во время проникновения велика вероятность того, что наркотики и другие предметы будут выкинуты на улицу. По возможности к такому наблюдению надо привлечь дополнительных понятых, особенно в безлюдных местах, либо попросить находящихся во дворе лиц (женщин, гуляющих с детьми, лиц пожилого возраста, дворников и т. д.) понаблюдать некоторое время за окнами.

Результаты осмотра места происшествия позволяют следователю собрать необходимый материал для построения следственных версий, оперативным сотрудникам — оперативно-розыскных версий; играют важную роль для определения направлений расследования. Даже если не будут обнаружены и изъяты какие-либо вещественные доказательства, результаты осмотра места происшествия и составленный протокол помогут следствию, а затем суду правильно представить и оценить обстановку преступления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гармаев Ю.П. Особенности криминалистической методики расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков / Ю.П. Гармаев, Г.Д. Шашин. — М. : Юрлитинформ, 2009. — 168 с.

2. Грачева Ю.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Ю.В. Грачева и др. ; под ред. Г.А. Есакова. — М. : Проспект, 2010. — 542 с.

3. Комиссаров В.С. Ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ по Уголовному кодексу РФ / В.С. Комиссаров // Законодательство. — 2007. — № 10. — С. 46–50.

4. Постников Е.А. Некоторые проблемы проведения неотложных следственных действий при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков / Е.А. Постников // Актуальные проблемы теории и практики расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ : материалы науч.-практ. конф. (г. Пермь, 25 нояб. 2011 г.). — Пермь : Изд-во Перм. гос. нац. иссл.-ун-та, 2012. — С. 104–110.

Информация об авторах

Гиндулин Ренат Халимович — магистрант кафедры криминалистики и судебных экспертиз, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, тел. 24-00-14.

Егерова Олеся Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и судебных экспертиз, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, тел. 24-00-14.

Information about the authors

Gindulin Renat Hhalimovich — the student of the 2nd year of study in the Department of criminology and legal expertise of the Baikal State University of Economics and Law, 664003, Irkutsk, Lenin st., 11, phone 24-00-14.

Egereva Olesya Aleksandrovna — Candidate of Law, Associate Professor of Department of criminology and legal expertise of the Baikal State University of Economics and Law, 664003, Irkutsk, Lenin st., 11, phone 24-00-14.

УДК 343.132
ББК 67.522.1

**О.А. Егерова
Л.В. Леонтьев**

ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДТП

В статье авторы называют особенности осмотра места происшествия, обусловленные обстановкой, предшествовавшей и сопутствовавшей возникновению аварийной ситуации. Выделяются и анализируются типичные объекты осмотра места дорожно-транспортного происшествия. Приводится система типичных недостатков осмотра места происшествия.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, следственное действие, расследование дорожно-транспортных происшествий, криминалистическая тактика.

**O.A. Egereva
L.V. Leontiev**

FEATURES OF EXAMINATION OF THE SCENE WITH THE INVESTIGATION OF AN ACCIDENT

In the article the authors defines the peculiarities of the examination of the scene, due to the situation preceding and surrounding the emergency situation. We identify and analyze the typical objects of inspection of the site of road accident. The system typical shortcomings of the inspection of the scene.

Keywords: inspection of the scene, the investigative action, the investigation of road accidents, criminalistic tactics.

Осмотр места ДТП является неотложным следственным действием на первоначальном этапе расследования, так как от результатов данного осмотра зависит весь успех раскрытия и расследования преступлений.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ не перечисляет задачи осмотра места происшествия (ст. 176, 177). Однако обобщение

данных литературных источников [9, с. 79; 5, с. 196] позволяет назвать их применительно к ДТП: выяснение обстановки; установление места происшествия, а также его последствий; обнаружение, фиксация, изъятие следов и вещественных доказательств; определение технического состояния транспортного средства для установления технических причин и условий, повлекших происшествие; поиск ориентирующей информации о марке, моделях, особенностях и других данных о транспортных средствах, отсутствующих на месте дорожно-транспортного происшествия, определению их движения после происшествия; установление причины происшествия и условий, способствующих его совершению; выдвижение и проверка версий об обстоятельствах происшествия.

В соответствии с перечисленными задачами выделяются типичные объекты осмотра места дорожно-транспортного происшествия: часть улицы (дороги) и прилегающей к нему обстановки; труп; транспортное средство; следы действий по сокрытию происшествия. До начала осмотра определяются границы места происшествия — участок проезжей части улицы (дороги), на котором сохранились следы дорожно-транспортного происшествия.

Наиболее распространенными недостатками осмотра места дорожно-транспортного происшествия являются:

- 1) отсутствие в протоколах данных о направлении движения автотранспортных средств перед началом аварийной ситуации;
- 2) при определении длины тормозного пути не указывается, до передних или задних колес проводилось измерение;
- 3) не всегда изымаются микрочастицы;
- 4) при осмотре не составляется масштабная схема ДТП, из-за этого возникает необходимость проведения проверки показаний на месте либо следственного эксперимента, которые не всегда устраняют данный пробел;
- 5) почти всегда неполные сведения о дорожной обстановке: местоположение транспортных средств на дороге, характеристика дороги (ширина, количество полос движения, наличие дорожной разметки, знаков регулирования движения, характера дорожного покрытия и его состояния, главная дорога или второстепенная, вид пересечения, обзорность дороги с места водителя, условия видимости, уклон дороги в продольном направлении — положительный или отрицательный, радиус поворота);

б) отсутствует полное описание характера повреждений автомобилей (первичное столкновение, последующее), точная фиксация местам положения транспортных после ДТП, не указывается, перемещался ли автомобиль после аварии (необходимость извлечения пострадавших, освобождение дороги для проезда специальных автомобилей [4, с. 70].

Следы дорожно-транспортного происшествия изменяются и исчезают, так как обстановка места не остается неизменной. Данное положение обусловлено объективными причинами, в частности, закономерностями изменения и исчезновения следов, имеющими естественный характер, а также связанными с деятельностью людей, которая может быть как случайной, так и преднамеренной [8, с. 7].

Спецификой осмотра места происшествия по делам об автотранспортных происшествиях является то, что до прибытия следователя там могут быть произведены на законном основании существенные изменения обстановки места, что требует учета и внесения коррективов в ходе осмотра. Поэтому в первую очередь надо осматривать участки, где могут находиться наименее устойчивые следы (следы шин, ног, крови и т. д.), а во вторую очередь — объекты с более устойчивыми следами — следы повреждения на транспорте, на неподвижных местных предметах [3, с. 223].

Кроме того, следователю желательно иметь специальную подготовку. Он должен знать правила дорожного движения, уметь выдвигать версии о технических неисправностях, которые могли быть причиной или стали следствием ДТП.

Кандидат технических наук Ф. Ермаков отмечает, что при расследовании дел о дорожно-транспортных происшествиях целый ряд необходимых сведений должен быть получен при осмотре места происшествия. При этом специфика этой категории дел требует от лица, производящего расследование, хорошего знания того, какие сведения полезны для успешного расследования наступившего события, а также овладения некоторыми техническими приемами для получения необходимых данных.

Далее автор пишет: «Успех и быстрота расследования дорожно-транспортного происшествия во многом зависят от того, насколько полно и квалифицированно будет проведен осмотр мес-

та его совершения. Необходимо, чтобы это действие одновременно проводили следователь и госавтоинспектор» [2, с. 28–29].

Механизм формирования следов на твердом дорожном покрытии может быть самым различным. В одних случаях (равномерное движение автомобиля на горизонтальном участке дороги) — следы скольжения (отпечатки отражают без искажения рисунок протектора). Если автомобиль двигался на подъем (усилен крутящий момент на колеса и они могут слегка проскальзывать) или двигался под уклон, используя торможение двигателем и тормозом, происходит некоторый сдвиг рисунка протектора в противоположном направлении.

Эти причины искажения рисунка протектора должны быть известны следователю и эксперту. Надо сказать, что величина этих искажений может быть весьма значительной (до 10 см по длине окружности колес) и зависит от вида автомобиля, массы груза на ось, давления в шинах, а иногда и от вида дорожного покрытия.

Асфальтное или бетонное дорожное покрытие действует на резиновую «обувь» автомобиля, как абразив. С момента начала торможения и до возникновения юза на дорожном покрытии отпечатывается четкий рисунок протектора с такими же небольшими искажениями. Такие следы образуются за счет наложения резины протектора, сдвига и перемещения частичек пыли и самого дорожного покрытия и сохраняются довольно долго. Метод фиксации — крупномасштабная линейная панорамная фотосъемка отдельно каждого следа. Кроме того, в комплекте технических средств следователю или специалисту, осматривающему место ДТП, необходимо иметь ошкуренный наждачной бумагой рулон резины, накатав которую на след, можно получить хороший отпечаток.

При фотографировании следов колес следует обозначать стрелкой направление движения. В частности, К.Д. Поль предлагает, чтобы на фотоснимке следов протектора автомобиля можно было отразить направление движения, наряду с масштабной линейкой, помещать стрелку, указывающую на направление этого движения [6, с. 73].

Кроме следов шин, рассмотренных выше, часто встречаются следы скольжения или юза, когда заблокированы передние и зад-

ние либо только передние или только задние колеса. Такой след представляет собой сплошные полосы на дорожном покрытии с продольными трассами, которые образуются за счет отслоившейся резины колеса, грязи и пыли, собираемой с дороги рисунком протектора.

Исследуя на месте такие следы, можно установить следующие элементы механизма ДТП:

1. Место полной остановки транспортного средства после ДТП. Оно определяется тем, что грязь, пыль, другие включения с дорожного покрытия осыпаются и остаются в следе юза в момент остановки транспортного средства. Это видно даже в том случае, если автомобиль после ДТП переместили на другое место (необходимость проезда автомобиля скорой помощи для извлечения потерпевших из аварийной автомашины).

2. Осмотр места происшествия при перекрестном столкновении. У одного автомобиля вмятины будут в передней части, у другого — в боковой. Следы скольжения шин после столкновения будут отражать скорость движения автомашины. При рассмотрении перекрестного столкновения следователю необходимо по следам торможения решить, какой из автомобилей выехал первым на перекресток. В этом случае могут иметь место три варианта:

– оба выехали на перекресток с постоянной скоростью (без торможения);

– один выехал на перекресток с постоянной скоростью, а другой тормозил;

– оба выехали на перекресток и тормозили [4, с. 74–75].

В первом случае следователю необходимо измерить расстояние от места (точки) столкновения до линий, ограничивающих перекресток, что позволит определить в дальнейшем скорость автомобилей. Исходя из скорости можно будет определить время, которое потребовалось каждому автомобилю для проезда от границы перекрестка до места столкновения. Время будет указывать, какой автомобиль выехал на перекресток раньше, а какой позже.

Во втором случае определение скорости по торможению и его протяженности от границы перекрестка до места столкновения указывает, кто выехал на перекресток первым.

В третьем случае длина тормозного пути будет указывать на скорость каждого из них и кто первым выехал на перекресток.

По статистике, столкновения транспортных средств «происходят, как правило, при обгоне идущего впереди транспорта (каждый десятый случай), при объезде стоящего автомобиля (каждый двенадцатый случай), при движении транспортного средства в крайнем левом ряду (каждый третий случай). Основные причины неправильный расчет при объезде или обгоне, выезд на полосу встречного движения, а также самоуверенность водителей» [1, с. 22–23]

Достоверными фактами, указывающими место столкновения, являются куски грязи, осколки стекол и следы скольжения шин, характер царапин и вмятин боковин кузова, перемещение деталей с одного автомобиля на другой.

Подобным же образом следователь должен осматривать и повреждения на автомобиле. При столкновении нескольких транспортных средств возникает и несколько линий столкновения — по одной для каждой пары автомобилей. Любые более поздние повреждения будут расположены вблизи ранних, искажая при этом следы ранних повреждений путем деформации и перемещения металла в местах вмятин. Обнаружение и фиксация переноса краски дает следователю возможность определить, какой автомобиль участвовал в том или ином столкновении. С этой целью необходимо, во-первых, тщательно изучить повреждения и царапины для определения краски перенесенной с другого автомобиля. Во-вторых, делать путем замеров наброски вмятин и царапин с отметкой цвета обнаруженной краски, перенесенной с другого автомобиля и расположения места привязки.

Криминалистическая ценность следов ДТП заключается в том, что их изучение позволяет установить вид и тип транспортного средства, характерные особенности шин, направление движения транспортного средства, что необходимо для быстрого розыска скрывшегося иногда водителя. Так, при движении автомобиля по грязи, пыли, снегу на дне следа образуются зубцы, пологие концы, которые обращены в сторону движения. Трава прими-

нается в направлении движения транспортного средства. При соприкосновении боковой части шины автомобиля с бордюрным камнем грунтозацепы ее оставляют следы в виде расположенных под острым углом друг к другу полос неодинаковой длины, острие которых обращено книзу. Более короткая часть полосы следа обращена в сторону, противоположную движению транспортного средства.

Другим видом следов движения являются следы торможения транспортного средства, по которым наряду с перечисленными обстоятельствами можно установить скорость движения, техническое состояние автомобиля, место наезда (столкновения), путь пешехода до места наезда и другие обстоятельства. Так, следы торможения имеют более четкое отображение в направлении движения транспортного средства, а их длина зависит от его скорости. Отклонение следов торможения от прямой может указывать на неисправность тормозной системы: на неправильную регулировку тормозов.

Кроме следов колес, на проезжей части могут быть и другие следы: осколки стекла, кровь, грязь, частицы краски, следы волочения потерпевшего и т.д.

Специфика осмотра места происшествия по делам об автотранспортных происшествиях состоит в необходимости скорейшего восстановления нормального движения транспорта [7, с. 63].

Особое внимание необходимо уделить осмотру транспортного средства, участвовавшего в ДТП. Тщательному осмотру должны быть подвергнуты повреждения, возникшие в результате происшествия, а также следы, появившиеся на частях, деталях кузова автомобиля (следы крови, обрывки одежды, следы другой краски и др.). Подвергнуть осмотру необходимо и ходовую часть и состояние кузова: наличие подфарников, фар, указателей поворота, решетки радиатора, лобового стекла. Внимание уделяется осмотру и тормозной системе, рулевому управлению, состоянию колес и другим частям. В кабине или салоне автомобиля обращается внимание на положение рычага переключения передач, ручного тормоза, указателей поворота.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, осмотр места ДТП необходимо производить с учетом об-

становки, предшествовавшей и сопутствовавшей возникновению аварийной ситуации; во-вторых, для осуществления качественного осмотра необходимо следователям обеспечить комплектами технических средств осмотра места автодорожного происшествия, приборами точной фиксации данных, необходимых для проведения автотехнической экспертизы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амбарцумян В. Причины дорожно-транспортных происшествий / В. Амбарцумян // Автомобильный транспорт. — 1996. — № 1. — С. 20–25.
2. Ермаков Ф. Осмотр транспортного средства и места дорожно-транспортного происшествия / Ф. Ермаков // Законность. — 1997. — № 10. — С. 25–29.
3. Исмагилов Ф.В. Особенности осмотра места дорожно-транспортного происшествия / Ф.В. Исмагилов // Актуальные вопросы правоведения в период совершенствования социалистического общества : сб. ст. / отв. ред. В.Ф. Волович. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. — С. 220–225.
4. Коленко А.Д. Проблемы расследования дорожно-транспортных преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Д. Коленко. — Владивосток, 2004. — 174 с.
5. Осмотр места происшествия // Справочник следователя. — 2-е изд. — М. : Юрид. лит., 1982. — 525 с.
6. Поль К.Д. Естественнонаучная криминалистика / К.Д. Поль. — М. : Юрид. лит., 1985. — 304 с.
7. Полянцев А.С. Особенности осмотра трупа на месте происшествия при ДТП / А.С. Полянцев // Проблемы научно-технического обеспечения раскрытия, расследования и предотвращения преступлений : материалы межвуз. науч.-практ. конф. — Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2012. — С. 62–66.
8. Шиканов В.И. Запаховые микроследы / В.В. Шиканов, Н.Н. Тарнаев. — Иркутск, 1974. — 82 с.
9. Якубенко Н.В. Дорожно-транспортные преступления: сущность, квалификация, расследование / Н.В. Якубенко. — Тюмень : Изд-во «Вектор Бук», 2001. — 154 с.

Информация об авторах

Егерева Олеся Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии и судебных экспертиз, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, тел. 24-00-14.

Леонтьев Леонид Валерьевич — магистрант кафедры криминологии и судебных экспертиз, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, тел. 24-00-14.

Information about the authors

Egereva Olesya Aleksandrovna — Candidate of Law, Associate Professor of Department of criminology and legal expertise of the Baikal State University of Economics and Law, 664003, Irkutsk, Lenin st., 11, phone 24-00-14.

Leontiev Leonid Valerevich — the student of the 2nd year of study in the Department of criminology and legal expertise of the Baikal State University of Economics and Law, 664003, Irkutsk, Lenin st., 11, phone 24-00-14.

УДК 343.985.7

ББК 67.411

П.Н. Кобец

О РОЛИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ИХ ПРИМЕНЕНИИ В ПРОЦЕССЕ РАСКРЫТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Нарушения законодательства в экономической и налоговой сфере — одно из самых сложных криминологических явлений, с которыми приходится сталкиваться правоохранительным органам в различных странах. В последние годы такие нарушения резко усилились в России, активно охватывая новые экономические структуры, используя при этом отсутствие надежных механизмов защиты рыночных отношений. Одним из действенных направлений повышения эффективности работы правоохрани-

тельных органов в сфере борьбы с экономическими и налоговыми преступлениями является целенаправленное использование всего арсенала специальных технических средств для получения оперативной информации.

Ключевые слова: специальные технические средства, экономические и налоговые преступления, фиксация информации, преступная среда.

P.N. Kobets

ON THE ROLE OF SPECIAL TECHNICAL MEANS AND THEIR APPLICATION IN THE PROCESS OF SOLVING ECONOMIC AND TAX CRIMES IN MODERN RUSSIA

Violations of the law in economic and tax sphere is one of the most difficult criminological phenomena faced by law enforcement agencies in different countries. In recent years such violations has increased dramatically in Russia, actively embracing new economic structure, using the lack of reliable mechanisms for the protection of market relations. One of the most effective ways of increasing the effectiveness of law enforcement agencies in combating economic and tax crimes is purposeful use the whole Arsenal of special technical equipment for reception of the operative information.

Keywords: special technical means, economic and tax crimes, the fixation of information, criminal environment.

Использование современных специальных технических средств в значительной степени способствует предупреждению и раскрытию преступлений в экономической и налоговой сфере, розыску преступников, выявлению и пресечению деятельности преступных сообществ, скрытому проведению оперативно-розыскных мероприятий.

Специальные технические средства позволяют не только гласно и негласно получить оперативную информацию и осуществить ее фиксацию, но и обеспечить дальнейшую ее обработку и использование в качестве доказательственной базы в суде, органах дознания, прокуратуре и т. д. Важно отметить, что сведения, полученные с использованием специальных технических средств и систем, отражают реальные факты, события, процессы. Инфор-

мация, зафиксированная на материальном носителе, позволяет на стадии предварительного следствия или судебного рассмотрения дела не только однозначно установить источник ее получения (в случае необходимости), но и убедительно доказать ее достоверность, обоснованность и объективность. Она может быть подвергнута проверке на аутентичность в ходе следственных или судебных действий, а материальный носитель передан для проведения соответствующей судебной экспертизы. Достижения научно-технического прогресса при неукоснительном соблюдении законности во многом способствуют успешной работе правоохранительных органов [1, с. 25].

Под специальными техническими средствами понимаются специально разработанные, приобретенные в установленном законодательством Российской Федерации порядке, технические средства, предназначенные для негласного получения информации, не наносящие ущерб жизни и здоровью людей и не причиняющие вред окружающей среде.

Этот вид технических средств включает в себя большой класс различных по назначению, устройству, тактико-техническим характеристикам и применению устройств, имеющих свои тактические приемы, нормативную регламентацию и другие особенности, присущие их использованию в деятельности органов внутренних дел. Отличительной особенностью специальной техники является то, что она используется в ходе гласной или негласной деятельности для выявления лиц, фактов и предметов, связанных с подготовкой, совершением и раскрытием конкретных преступлений. Применение специальной техники способствует созданию благоприятных условий для успешного предупреждения преступлений, быстрого и полного раскрытия уже совершенных преступлений, а также позволяет эффективно осуществлять розыск скрывшихся преступников и лиц, пропавших без вести, противодействовать разведывательной деятельности преступных сообществ. Кроме того, использование данной техники обеспечивает реализацию принципа наступательности и внезапности проводимых мероприятий, создание такой обстановки, когда преступник вынужден оставить информацию о себе и своих противоправных действиях. В силу специфики применения специальной техники к ней предъявляются такие требования, как

надежность, малые габариты, способность длительной работы (в том числе и в автономном режиме) в любых климатических и погодных условиях, простота обращения, не причинение вреда жизни и здоровью людей и окружающей среде, а также (в случае необходимости) возможность маскировки как самой техники, так и факта ее функционирования [2, с. 16].

На начальном этапе технического оснащения органов внутренних дел в качестве специальной техники часто использовалась аппаратура, которая была разработана для решения профессиональных задач в научных и медицинских учреждениях, на промышленных предприятиях, в вооруженных силах и в органах госбезопасности. В дальнейшем эта аппаратура и приборы совершенствовались и видоизменялись с учетом специфики деятельности органов внутренних дел. Благодаря целенаправленной технической политике в последние годы парк специальной техники пополняется приборами и средствами, которые изначально предназначены для реализации задач поиска, обнаружения, сбора, обработки, хранения и эффективного использования оперативно-розыскной информации. Такой вариант создания технических средств наиболее приемлем, так как учитывает уже при разработке специфику деятельности органов внутренних дел и позволяет избежать существенных материальных и иных затрат.

Актуальность применения специальной техники определяется различными факторами, и прежде всего тем, что в ряде случаев сбор первичных данных для обеспечения оперативно-розыскной деятельности возможен только в результате активного применения оперативно-технических средств и соответствующих тактических приемов. Их использование позволяет избежать субъективного подхода к оценке полученной доказательственной информации, поскольку используемые в органах внутренних дел формы работы часто имеют «личностную» окраску полученных данных. Например, содержание отчета о результатах опроса зависит от квалификации, личного восприятия субъекта и его отношения к опрашиваемому. В случае же применения звукозаписывающей аппаратуры магнитная запись диалога будет свободна от личностной составляющей и поэтому более объективна. Кроме того, использование специальной техники не только расширяет физические возможности человека, но и способствует совершен-

ствованию имеющихся и появлению новых тактических приемов и методов. Поэтому внедрение и активное использование современных технических средств в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел включает в себя в качестве одной из важнейших задач повышение уровня подготовки личного состава по вопросам практического использования такой техники. Даже самая современная техника будет бесполезна, если сотрудники оперативных подразделений не знают ее возможностей, не обучены порядку применения и эксплуатации. Кроме того, незнание правовых и тактических основ использования специальной техники может привести к серьезным нарушениям законности.

Поиск наиболее эффективных путей усиления предупреждения правонарушений экономического и налогового законодательства на современном этапе немыслим без планомерного и постоянно нарастающего внедрения самых современных достижений научно-технического прогресса [5, с. 8]. Именно это направление побуждает по-новому переосмыслить не только существующие подходы к организации и тактике оперативно-розыскной деятельности, но и ко всей системе правоприменительной деятельности в сфере борьбы с нарушениями экономического и налогового законодательства.

Теория и практика оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов свидетельствуют о том, что действенная борьба с нарушениями налогового законодательства, повышение замаскированности и профессионализма совершения таких преступлений, непрерывный рост их числа требует адекватных мер предупреждения. Уже признано, что в числе таких мер наибольший эффект дает в совокупности целенаправленное агентурное и оперативно-техническое проникновение в преступную среду.

Возникает закономерный вопрос, почему успешное решение проблемы борьбы с нарушениями налогового законодательства столь тесно связано с использованием специальных технических средств и не укладывается в рамки традиционных методов расследования и раскрытия преступлений. Основываясь на изучении материалов о состоянии и тенденциях развития нарушений экономического и налогового законодательства в различных регио-

нах Российской Федерации, а также анализируя обобщенные данные, отметим наиболее существенные моменты.

Одним из них является высокая техническая оснащенность преступников в сфере экономических и налоговых преступлений. При этом отмечается, что количество преступных посягательств, совершенных с использованием технических средств (как для нелегального сбора конфиденциальных сведений, так и для противодействия применению СТС оперативными службами МВД РФ) за последнее время увеличивается. Характерно то, что применяемые преступниками технические средства разнообразны по содержанию и практически все находятся на современном уровне [4, с. 14].

Проведенный анализ изымаемых технических средств по линии борьбы с нарушениями экономического и налогового законодательства в различных регионах показал, что преступниками активно используются сканеры, средства связи, приборы видения в темноте, устройства звукозаписи, технические средства информационного противодействия и т. д. Это требует со стороны оперативных подразделений правоохранительных органов адекватного технического вооружения.

Отличительной чертой современного уровня преступлений в рассматриваемой сфере, является высокая конспиративность действий преступников, что затрудняет сбор оперативной информации. Так, изучение материалов уголовных дел показало, что многие уголовные дела возбуждаются по материалам оперативных проверок, что свидетельствует о глубокой конспирированности преступников, затрудняющих их выявление [3, с. 89].

Таким образом, изучение существующего положения в оперативных подразделениях правоохранительных органов показывает на настоятельную необходимость углубления и расширения систематического сбора информации о действиях преступников с активным использованием специальных технических средств.

Еще одной характерной особенностью в сфере экономических и налоговых преступлений является активное противодействие преступников раскрытию и проведению оперативно-розыскных мероприятий действий по сбору доказательной информации. При этом наиболее часто используемыми приемами являются запугивание свидетелей, их физическое устранение,

кражи обличающих документов и уничтожение вещественных улик, попытки подкупа или шантажа сотрудников органов внутренних дел. Учитывая такие меры противодействия, следует признать, что специальные технические средства часто оказываются для правоохранительных органов практически единственным средством поступления необходимой доказательственной информации.

Таким образом, приведенные выше рассуждения показывают, что проблемы борьбы с нарушениями экономического и налогового законодательства не укладываются в рамки традиционных методов расследования и раскрытия преступлений и требуют настоятельной необходимости применения специальных технических средств.

Практика применения специальной техники позволяет сформулировать основные задачи, в решении которых целесообразно ее использование: поиск и фиксация информации о замыслаемых, подготавливаемых и совершенных преступлениях, а также о лицах, представляющих оперативный интерес для органов внутренних дел; выявление и документирование информации о предметах и документах, которые могут быть использованы в процессе оперативно-розыскной работы и при расследовании преступлений; создание условий, способствующих получению информации о лицах, причастных к подготовке или совершению преступлений; обеспечение возможности наблюдения за перемещением лиц, обоснованно подозреваемых в подготовке или совершении преступлений, а также за перемещением различных предметов, представляющих оперативный интерес; создание с использованием электронных вычислительных машин словесных портретов и фотороботов лиц, подозреваемых в подготовке или совершении преступлений, разыскиваемых преступников или лиц, без вести пропавших.

Таким образом, с учетом законодательной базы, сложившейся практики и результатов проведенных научных исследований можно расширить понятие специальной техники и определить ее как совокупность технических средств, устройств и соответствующих тактико-технических приемов (методов), используемых органами внутренних дел при условии строгого соблюде-

ния законности в целях обеспечения охраны общественного порядка и борьбы с преступностью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голованов Ю.П. Участие инициатора в организационном обеспечении оперативно-технических мероприятий : учеб. пособие / Ю.П. Голованов, А.К. Лобашев. — М. : АНП, 1999. — 125 с.

2. Зайцев В.В. Оперативная техника органов внутренних дел : учеб. пособие / В.В. Зайцев, С.Н. Кленов. — М. : Центр информац. и науч.-метод. обеспечения кадровой политики (ЦИ и НМОКП) МВД России, 1998. — 120 с.

3. Кобец П.Н. Основы предупреждения легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем / П.Н. Кобец. — М. : НУ Объединен. акад. образоват. учреждений, 2010. — 141 с.

4. Кобец П.Н. О предупреждении преступлений как сложном, многогранном процессе, обладающем определенными признаками целостности / П.Н. Кобец // Полицейская деятельность. — 2011. — № 4. — С. 56–60.

5. Кобец П.Н. Современное состояние теории предупреждения преступности и ее роль в оптимизации борьбы с преступлениями / П.Н. Кобец // Российская юстиция. — 2012. — № 1. — С. 19–21.

Информация об авторе

Кобец Петр Николаевич — главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России (ФГКУ «ВНИИ МВД России»), доктор юридических наук, профессор, 117546, г. Москва, ул. Медынская, д. 5, корп. 4, кв. 129, рабочий телефон: 8-495-915-18-85, мобильные телефоны: 8-916-065-93-69; 8-916-260-61-20, e-mail: pkobets37@rambler.ru.

Information about the author

Kobets Peter Nikolaevich — chief researcher at the National research institute of Russia ministry of the interior, doctor of law, Professor, Moscow, Russia, e-mail: pkobets37@rambler.ru.

В.С. Кряжев

**ЗНАЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ В МЕТОДИКЕ
ИХ РАССЛЕДОВАНИЯ**

В статье рассматривается криминалистическая характеристика преступлений террористической и экстремистской направленности, дается определение понятия и выделяются ее элементы. Также обосновывается значимость данной научной категории для практики раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений, терроризм, экстремизм.

V.S. Kryazhev

**THE VALUE OF THE FORENSIC CHARACTERISTICS
OF THE CRIMES OF TERRORISM AND EXTREMISM
IN THE METHODS OF THEIR INVESTIGATION**

The value of the forensic characteristics of the crimes of terrorism and extremism in the methods of their investigation. The article is devoted to the forensic characteristics of the crimes of terrorism and extremism. The definition of the concept and the elements of it are mentioned in the article. The importance of this scientific category is also substantiated for the practice of the crime detection.

Keywords: forensic characteristics of the crimes, terrorism, extremism.

Своеобразие криминалистической характеристики преступлений заключается в том, что она в отличие, например, от уголовно-правовой характеристики не является внутренне присущей общему понятию преступления. Существует наряду с общей, криминалистическая характеристика вида (подвида) или группы

преступлений, а также отдельного конкретного преступления, но не преступления вообще. Криминалистическая характеристика преступлений вытекает не из общего понятия преступления (криминалистически значимых элементов в общем понятии преступления нет), а складывается на основе изучения и научного обобщения криминальной практики, материалов о совершенных преступлениях и выражает типичные криминалистические особенности различных видов (подвидов), групп преступлений, совершенных в определенный период в данном регионе или в стране в целом.

Преступления террористической и экстремистской направленности, безусловно, следует относить к уровню видовой криминалистической характеристики. Большинство ученых-криминалистов признано, что основное назначение криминалистической характеристики — это разработка на ее основе методических рекомендаций раскрытия и расследования отдельных видов (групп) преступлений. Криминалистическая характеристика, безусловно, играет важную роль в разработке методики расследования преступлений, однако было бы неправильно придавать ей значение основы криминалистической методики. Основопологающее значение в методике расследования преступлений имеет уголовное (по поводу чего ведется расследование) и уголовно-процессуальное законодательство, и *современные возможности естественных и технических наук*, определяющие уровень развития криминалистической техники [4, с. 85].

Криминалистическая характеристика терроризма и экстремизма дает возможность разработать основные принципы их расследования, которые должны отвечать ряду общих требований, предъявляемых к построению любой методики расследования. Они должны, во-первых, иметь высокопрофессиональное методическое значение, во-вторых, учитывать общие информационно-познавательные и конструктивные процессы и структуры, связанные с движением и использованием процессуально значимой информации и доказательств в деятельности по установлению истины по делу.

При разработке методики расследования преступлений террористической и экстремистской направленности важно учитывать все многообразие криминальных ситуаций (террористиче-

ский акт вызвал наступление тяжких последствий, экстремистская деятельность спровоцировала массовые беспорядки и гибель людей и т. д.), форм и способов действия преступника (террористический акт совершен путем угона воздушного судна, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности совершены с использованием СМИ, в том числе Интернета, и т. д.).

Процесс возникновения и формирования новых методик расследования отдельных видов (групп) преступлений вызывает проблему соотношения общетеоретических научных категорий к данному виду (группе) преступлений. Это в полной мере применимо к криминалистической характеристике преступлений.

Таким образом, с учетом разнообразия подходов в анализе данной проблемы под криминалистической характеристикой терроризма и экстремизма мы предлагаем понимать систему сведений о преступлениях данной группы и закономерных связях между ними, разработанную в результате научных исследований с учетом интересов следственной практики в целях их раскрытия и расследования, а также прогнозирование новых способов их совершения и сокрытия.

Криминалистическая характеристика как система сведений о преступлениях определенного вида (группы) включает в себя необходимый перечень элементов, которые определяют ее содержание и значимость для раскрытия и расследования преступлений. В качестве таких элементов одни ученые выделяют, в соответствии с уголовно-правовой сущностью, элементы состава преступления, такие как данные об объекте посягательства, способе, месте, времени, иных обстоятельствах объективной стороны преступления, личности преступника, его связях и отношениях с потерпевшими, о субъективной стороне преступления, в частности мотиве содеянного [5, с. 24]. Другие, ориентируясь на уголовно-процессуальную сторону, в качестве таких элементов видят составляющие предмета доказывания, при этом не относя материальные следы преступлений к элементам криминалистической характеристики [2, с. 178].

Нам же представляется, что криминалистическая характеристика преступлений включает в себя элементы, находящиеся за пределами уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и других видов характеристик преступлений. Уголовно-правовая ха-

характеристика призвана дать прежде всего юридическую квалификацию расследуемого события, охарактеризовать элементы соответствующего уголовно-правового состава преступления, его признаки. Основу уголовно-процессуальной характеристики преступления составляет предмет доказывания, в котором отражено требование полного установления обстоятельств дела, объективного установления доказательств. Криминалистическая же характеристика целиком подчинена задачам раскрытия и расследования преступлений.

Как и во многих других теоретически сконструированных системах, значимость криминалистической характеристики отдельного вида (группы) преступлений состоит не столько в выделении самих этих элементов как таковых, сколько в установлении взаимосвязей между выделенными элементами [3, с. 42]. Цель создания криминалистической характеристики отдельного вида (группы) преступлений — разработать наиболее рациональные направления следственного поиска на основе выявленных взаимосвязей между отдельными криминалистически значимыми элементами этого вида (группы) преступлений, т. е. чтобы следователь, установив один или несколько элементов расследуемого преступления, мог с достоверностью либо с достаточно высокой степенью вероятности предполагать существование других, еще не установленных элементов расследуемого события [1, с. 230–231].

Элементы криминалистической характеристики различных видов (групп) преступлений находятся между собой в различных соотношениях: в одних характеристиках некоторые элементы преобладают, имеют большое криминалистическое значение, в других — утрачивают его. Такие элементы криминалистической характеристики преступлений, как особенности выявления и обнаружения преступлений, а также распространенность преступного деяния не будут иметь столь важное криминалистическое значение для методики расследования терроризма и экстремизма как, например, особенности личности террориста или данные об орудиях совершения преступления.

Таким образом, применительно к преступлениям террористической и экстремистской направленности, мы выделяем наиболее значимые элементы их криминалистической характеристики (значимость того или иного элемента обуславливается той ро-

лю, какую он играет в раскрытии и расследовании этих преступлений):

- 1) данные о способе совершения преступлений;
- 2) совокупность данных о материальных следах преступлений, их особенностях и локализации;
- 3) обстановка совершения преступлений;
- 4) обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений;
- 5) сведения об особенностях личности жертв преступлений;
- 6) данные о свойствах личности преступников;
- 7) данные об орудиях, применяемых для совершения этой категории преступлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баев О.Я. Основы криминалистики : курс лекций / О.Я. Баев. — М. : Экзамен, 2001. — 288 с.

2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике / Р.С. Белкин. — М. : Юрид. лит., 1988. — 304 с.

3. Колесниченко А.Н. Проблемы развития методики расследования преступлений (к вопросу о криминалистической характеристике преступлений) / А.Н. Колесниченко, В.П. Суетнов, В.М. Хотенец // Проблемы совершенствования тактики и методики расследования преступлений. — Иркутск, 1980.

4. Пантелеев И.Ф. Теоретические проблемы советской криминалистики / И.Ф. Пантелеев. — М. : ВЮЗИ, 1980. — 96 с.

5. Руководство для следователей / под ред. Н.А. Селиванова, В.А. Снеткова. — М. : Инфра-М, 1997. — 732 с.

Информация об авторе

Кряжев Владимир Сергеевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и судебных экспертиз, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: irkcenter@isea.ru.

Information about the author

Kryazhev Vladimir Sergeevich — Candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the department of criminalistics and forensic expertises at Baikal State University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: irkcenter@isea.ru.

УДК 343.985.7

ББК 67.523.12

**В.С. Кряжев
Н.Ю. Никулина**

ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППАМИ

В статье рассматривается уголовно-процессуальная деятельность на стадии проверки сообщений о преступлениях в сфере экономики, совершенных организованными группами. Предлагается теоретическая модель тактики проверочных действий.

Ключевые слова: организованная преступность в сфере экономики, проверка сообщений о преступлениях, тактика проверочных действий.

**V.S. Kryazhev
N.Yu. Nikulina**

VERIFICATION OF REPORTS ON ECONOMIC CRIMES COMMITTED BY ORGANIZED GROUPS

The article considers criminal procedure actions at the stage of verification of reports on economic crimes committed by organized groups. The article suggests a theoretical model of verification tactics.

Keywords: organized crime in the economic sphere, verification of reports on crimes, verification tactics.

Высокая латентность организованной преступной деятельности и конспиративность ее субъектов, функционирующих в структуре учреждений, предприятий, организаций, ведомств, от-

раслей экономики осложняют выявление, раскрытие и расследование экономических преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями. Своевременность выявления признаков названных преступлений в стадии возбуждения уголовного дела способствует их раскрытию, изобличению всех участников организованных преступных групп.

Первоначальная информация о признаках преступления указанной категории часто не содержит достаточных данных, необходимых для принятия решения о возбуждении уголовного дела, поэтому в большинстве случаев по данному факту проводится доследственная (предварительная или первичная) проверка, которая является уголовно-процессуальной деятельностью, так как производится в соответствии со ст. 144 УПК РФ.

Необходимо отметить, что в ходе проведения проверки сообщений о преступлениях следователь не собирает исчерпывающую информацию обо всех обстоятельствах противоправного деяния и субъектном составе, а выявляет лишь сведения, указывающие на признаки конкретного экономического преступления и причастности к нему организованной группы. Этой информации должно быть достаточно для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Значение данной стадии трудно недооценить. Именно на ней формируется и первоначально закрепляется вся информация об интересующем следствие событии. Нередко следователь собирает наиболее ценные сведения о совершенном преступлении, и впоследствии в рамках уголовного дела они лишь приобретают процессуальную форму, позволяющую назвать эту информацию доказательствами [6, с. 52–53]. Тем не менее полученные данные далеко не всегда закреплены процессуальными гарантиями их достоверности, в отличие от собираемых во время предварительного расследования. Лаконичность норм, определяющих порядок и рамки проведения проверки сообщения о преступлении, неоднократно являлась предметом научной дискуссии, способствовала неоднозначности судебной практики. Корректировки, внесенные в уголовно-процессуальный кодекс в марте 2013 г., частично расставили новые акценты в оценке доказательственного значения ее результатов.

Рассматривая перечень процессуальных познавательных инструментов, которыми располагает следователь на стадии предварительной проверки, прежде всего следует обратить внимание на допустимые следственные действия, так как они в наибольшей степени обеспечивают достоверность полученной информации. На сегодняшний день к ним относятся: осмотр места происшествия, документов и предметов (ч. 2 ст. 176 УПК РФ); назначение и производство судебной экспертизы (ч. 1 ст. 144 УПК РФ); осмотр трупа (ч. 4 ст. 178 УПК РФ), освидетельствование (ч. 1 ст. 179 УПК РФ).

Проверочные действия по заявлениям, сообщениям, иной информации об экономических преступлениях, совершаемых криминальными коллективами, могут носить как процессуальный характер, так и непроцессуальный. Вторые могут осуществляться как непосредственно следователем, так и по его поручению оперативными работниками специальных подразделений, должностными лицами контрольно-надзорных служб, предприятий, учреждений, таможенных и налоговых органов.

В современных условиях особенностью преступлений рассматриваемой категории является не столько латентность, сколько вариабельность конфигурации, примененные технологии, быстрое развитие трансформаций. Становится очевидным, что для успешной борьбы с организованной экономической преступностью традиционные методы оперативно-розыскной и следственной деятельности явно недостаточны. Работа оперативно-следственных органов в этой сфере должна быть организована на базе современных экономико-правовых знаний, глубокого понимания механизмов рыночной экономики и ее теневого сектора, владения адекватными приемами выявления, документирования и доказывания преступлений, совершаемых новыми изощренными и завуалированными способами.

Практика показывает, что на сегодняшний день сложилась парадоксальная ситуация: в мире идет активное накопление интеллектуального потенциала, в том числе в форме научных изысканий и методических рекомендаций, увеличиваются допустимые возможности их применения, а для сферы финансовых расследований свойственно применение стереотипных методов и приемов, не учитывающих специфику использования новых инструментов преступлений.

При проверке сообщений об организованном экономическом преступлении приходится сталкиваться с такими задачами, решить которые возможно только путем проведения комплекса тактических приемов — проверочных и оперативно-розыскных мероприятий, объединенных общей целью — обнаружение, закрепление, изъятие и обеспечение сохранности сведений, имеющих в дальнейшем доказательственное значение по уголовному делу.

Необходимые сведения могут быть: открытыми (более или менее доступными); полужакрытыми (не засекреченными, но контролируемые теми, кого они касаются); секретными (полагаемыми по различным соображениям ключевыми в определенных ситуациях).

Конфиденциальные данные можно получать из весьма разнообразных легальных источников, большую часть которых некомпетентный человек попросту не принимает во внимание. Следует учитывать самые невероятные возможности, ибо в цепочке прохождения информации зачастую случается найти поистине ценный источник.

В качестве основных носителей перспективных сведений о преступлениях исследуемой категории выступают: документы, электронные системы обработки информации, знающие люди, средства беспроводной и проводной связи (телефоны, телефаксы, радиостанции). Следует принимать во внимание и другие отслеживаемые факторы: поведение, разговоры, результаты действий. Обнаружив источник информации, представляющий оперативно-следственный интерес, необходимо просчитать его реальные и потенциальные возможности, вероятные пределы использования, степень его надежности [9, с. 126].

Экономические преступления, совершаемые организованными преступными формированиями, прежде всего, находят отражение в учетной документации хозяйственно-экономических субъектов, деятельность и материальные ценности которых используются для получения преступных доходов и их дальнейшей легализации. В этой связи особенностью проведения предварительной проверки в финансово-хозяйственной сфере, выступает необходимость выявления и изъятия первичной документации, свидетельствующей о преступной деятельности, которая в даль-

нейшем выступит в качестве доказательственной базы по уголовному делу.

Термин «документ» понимается в его криминалистической трактовке значительно шире, нежели предполагает правовой подход. С криминалистической точки зрения документ может быть определен как физический носитель намеренно зафиксированной на нем с помощью букв, символов, иных средств коммуникации информации, имеющей значение для выявления, расследования преступлений и судебного разбирательства по уголовным делам [2, с. 64]. Согласно ч. 2 ст. 84 УПК РФ, документы могут содержать сведения, зафиксированные не только в письменном виде. В качестве документов могут выступать материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке ст. 86 УПК РФ.

Очевидно, что при расследовании экономических преступлений, совершаемых организованными группами, документы являются существенным, а иногда и основным источником информации: о способах подготовки к преступному действию; криминальной технологии преступления и сокрытия его следов; социально-криминальном составе преступного коллектива; об обороте его финансовых потоков, легализации материальных и денежных средств.

Из-за допускаемых просчетов, погрешностей и неквалифицированной работы следователей и оперативных работников с документальными носителями значимой информации, уголовные дела, впоследствии возбужденные в отношении участников преступных формирований, сферой преступного интереса которых являются отношения, возникающие при производстве, распределении и перераспределении материальных благ, «разваливаются» по дороге в суд или в ходе судебного разбирательства.

Несомненно, проблема обнаружения и изъятия документов, отражающих истинный оборот преступной деятельности, в целях их дальнейшего использования в процессе доказывания имеет место быть. В наш век технологий информация может фиксироваться как на бумажных, так и на электронных носителях. Специфика фиксации информации накладывает существенный отпечаток на весь процесс документирования. На сегодняшний день практически во всех фирмах и организациях бухгалтерский учет

ведется в электронном виде посредством специальных программ, адаптированных к особенностям ведения хозяйственной деятельности, источников финансирования организации и налогообложения. Первичные документы, как правило, дублируются и хранятся в печатном виде. Электронные документы могут содержаться как в памяти компьютера, на электронных носителях, так и в сети Интернет. Например, электронная переписка юридического лица со своими компаньонами может иметь неоценимое доказательственное значение.

Не вызывает сомнений важность поиска эффективных форм проверки сообщений о преступлениях исследуемой категории. На сегодняшний день, практически ни одно финансовое преступление не получится раскрыть без использования IT-технологий. Все операционные системы сохраняют достаточное количество информации, пригодной для криминалистов. Основная проблема эту информацию извлечь. Согласно статистике аналитической группы IDG, в Европе 90 % документооборота компании никогда не ложатся на бумагу — они живут и умирают в электронном виде [1]. Это означает, что когда проводится какое-либо расследование финансовой деятельности компании и возникает необходимость ознакомиться с внутренней документацией, то следователь увидит только одну из десяти папок с документами. Остальные девять можно наблюдать, только если прибегнуть к помощи компьютерных криминалистов. Компьютерная криминалистика (форензика) родилась сравнительно недавно, опыт и инструментарий ее пока невелик. На данном этапе форензика — это прикладная наука о раскрытии и расследовании преступлений, связанных с компьютерной информацией, о методах получения и исследования доказательств, имеющих форму компьютерной информации (так называемых цифровых доказательств), о применяемых для этого технических средствах.

Представляется, что методы компьютерной криминалистики необходимо использовать в ходе проверки сообщений об экономических преступлениях, совершенных преступными коллективами в экономике в следующих формах:

- 1) производство компьютерно-технических экспертиз;
- 2) участие специалистов в проведении проверочных действий, имеющих отношение к компьютерной информации, таких

как осмотр места происшествия, изъятие и осмотр электронных документов и т. д.;

3) участие специалиста в проведении ОРМ. Снятие информации с технических каналов связи проводится не просто «при участии», а только самим специалистом;

4) обучение пользователей, технических специалистов учреждений, предприятий, организаций, следователей и дознавателей методам первичной фиксации цифровых доказательств, их предохранения от уничтожения. Зачастую экономические преступления остаются нераскрытыми только из-за того, что оператор информационной системы, которая стала целью злоумышленников, не позаботился о сбережении логов, электронных сообщений, использованных программ и иных потенциальных доказательств, либо не знал, как их правильно сберечь, чтобы в дальнейшем такие доказательства имели силу, либо вообще не подозревал о существовании некоторых цифровых следов.

К числу распространенных способов сокрытия следов экономического преступления относятся материальный и интеллектуальный подлоги документов и их уничтожение. В этой связи ознакомление с документами и их истребование при проведении проверки заявлений, сообщений, иной информации об экономических преступлениях, совершаемых организованными группами, следует относить к числу первоочередных проверочных действий.

В современное время явно прослеживается кризис традиционных источников информации. Снижаются тиражи периодических и справочных изданий. С началом активного распространения сети Интернет с 1990-х гг. падение тиражей традиционных изданий во всем мире составило около 75 %. Все больше организаций черпают информацию в своей повседневной деятельности из виртуального пространства и соответственно размещают там же информацию о себе.

В мире создано более 2 тыс. поисковых машин, однако проблема поиска необходимых сведений остается весьма актуальной. Следует учитывать, что, обрабатывая запрос при поиске, электронная машина обращается не к ресурсам Интернет, а к заранее сформированному инвертированному массиву, объем ресурсов, в котором не превышает 4 % от общего количества ресурсов глобальной сети [12, с. 151]. Основные информационные ресурсы

Интернет в настоящее время доступны не через поисковые машины, а лишь в случае, если пользователь по другим каналам узнал адрес нужного сайта (из справочников, рекламы, периодических изданий и т. д.). Таким образом, если говорить укрупнено, для поиска и обработки информации в Интернете доступны два основных источника: бесплатные поисковые системы общего назначения и так называемый невидимый Интернет. С помощью поисковых машин найти содержимое ресурсов невидимого Интернета нельзя. По мнению разных авторов, к видимому Интернету относится около 20–30 % содержимого Сети.

Кроме того, необходимо учитывать, что большая часть информации, полученной из Интернета, нуждается в обработке. Один из лучших российских аналитиков, руководитель Сообщества практиков конкурентной разведки И.Ю. Нежданов, отмечал, что получение информации извне не единственный, хотя и самый понятный способ получения информации. Менее очевиден, но не менее важен такой способ информации, как аналитическая обработка имеющейся [7].

Финансовый аналитик конкурентной разведки, имеющий более 80 публикаций по проблемам обеспечения безопасности негосударственных субъектов экономики, А.И. Доронин констатирует: «Мой собственный опыт и практика работы моих коллег позволяют утверждать, что только порядка 10–15 % нужной информации имеется в Интернет уже в готовом виде, а остальные 85–90 % получается в результате сравнения, анализа и синтеза разрозненных и разбросанных по разным источникам фактов, по которым вполне можно составить фрагментарную картину настоящего». Очевидно, что информация, полученная таким образом, нуждается в уточнениях и верификации [5, с. 17].

Тем не менее оперативность предоставления информации в условиях ограниченной процессуальными сроками на стадии проверки сообщений о преступлениях в определенной мере компенсирует ее неполноту. Кроме того, на начальном этапе полученный объем сведений может стать достаточным для возбуждения уголовного дела, а в ходе досудебного следствия экономического преступления, совершенного криминальными коллективами эта информация поможет расставить акценты и задать ориентиры в расследовании.

Благодаря Всемирной паутине о проверяемых лицах можно узнать все, начиная с круга общения и заканчивая номером счета в банке. Источником криминалистически значимой информации могут стать открытые данные органов исполнительной власти РФ, где вероятно обнаружить черные списки граждан, к которым у чиновников есть какие-либо претензии, сайты аукционов, гостевые книги, официальные сайты юридических лиц, средства массовой информации и форумы. Фигурант первичной проверки или его связь может зарегистрироваться в социальных сетях, дать обычное объявление в газету, по которому можно будет получить некоторые сведения.

Огромной хорошо структурированной базой данных с информацией о сотнях миллионов людей по всему миру являются социальные сети. Характеристика человека, полученная в ходе такого анализа, точно примерно настолько же, насколько точна характеристика, полученная от его близких друзей. Обнаружив анкету нужного человека, мы наблюдаем список его виртуальных связей. Как показывает опыт, в социальных сетях встречаются как лица, являющиеся участниками криминальных организаций, так и лидеры, и организаторы преступных групп, или их родственные связи, которые охотно делятся информацией о себе и своих близких. У многих есть личные странички в разных сервисах — микроблогах, видеохостингах, некоторые пользователи отражают в статусах информацию о своих передвижениях, например, как прекрасно и далеко проводят свой отпуск. Современные социальные сети предлагают пользователям указать практически все о себе: фото; видео; связи (в том числе и по типам); интересы; образование; информацию о работе; места, в которых бывает человек; личные мысли и т. д. Тем не менее необходимо учитывать, что в последнее время пользователи все чаще начинают фильтровать сведения, которые готовы доверить сети, давать ложную информацию или вообще удаляются из сети, однако даже после удаления данные сохраняются на серверах компании и могут использоваться в дальнейшем.

Весомым аргументом в пользу осуществления проверочных действий в киберпространстве является и необходимость «реализации важнейшего стратегического принципа борьбы с преступностью — принципа информационного превосходства» [8, с. 3].

Традиционно в раскрытии и расследовании преступлений важную роль играет криминалистическая регистрация — в современном представлении своеобразная автоматизированная информационно-поисковая система криминалистического назначения (далее — АИПС КН).

Каждый государственный орган, являющийся субъектом оперативно-розыскной деятельности, имеет и развивает собственные АИПС оперативно-розыскного назначения. Так, в системе криминалистической регистрации ОВД в настоящее время насчитывается более 30 видов учетов [11]. Основной объем учетно-регистрационной информации сосредоточен в информационных центрах МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации, УВД на транспорте и ГИАЦ МВД России. Образован Единый территориально-распределительный информационный фонд программно-технических средств информатизации ОВД МВД России, на базе ГИАЦ МВД России функционирует межведомственная автоматизированная информационная система ведения Регистра Федерального интегрированного информационного фонда, в создании которого приняли участие 11 министерств и ведомств. Одним из наиболее значимых информационно-технологических проектов является создание в 2014 г. единой системы информационно-аналитического обеспечения МВД России.

В этой связи хотелось бы отметить, что, несмотря на то что появились и многократно усовершенствовались возможности сбора, передачи и хранения информации с использованием компьютерных технологий, созданы обширные банки, базы и хранилища данных, проблема аналитической обработки накопленной информации остается нерешенной [4]. Требуются аналитические системы, способные обеспечить представление информации, необходимой для принятия решений поискового или процессуального характера. Применение подобных систем позволило бы оптимизировать процессы обработки, группировки и оценки информации, относящейся к расследованиям по преступлениям, совершенным криминальными группами в сфере экономической деятельности, обеспечило интеллектуальную поддержку принятия решений. Это реальная возможность снизить влияние субъективного фактора при оценке материалов, оказать методическую помощь правоохранительным органам на стадиях принятия ре-

шения о возбуждении уголовного дела и его предварительного расследования [3, с. 54].

Представляется, что применение подобной системы должно выглядеть следующим образом: специальное программное обеспечение дает следователю и дознавателю возможность взаимодействия с моделью типовой информации, находящейся в «свернутом» виде. По мере развития так называемого диалога модель «разворачивается» в заданном направлении. По своему содержанию и сущности система должна представлять пошаговое описание известных практике схем совершения, маскировки и расследования преступлений в финансово-хозяйственной сфере, и признаков причастности к ним криминальных коллективов, начиная от исходных следственных ситуаций. В дальнейшем вероятно составление итогового аналитического документа, обвинительного заключения или иного подобного акта.

Применение аналогичных аналитических систем позволит обеспечить полноту и качество первичной информации, ее систематизацию, оказать методическое и практическое содействие правоохранительным органам как на стадии проверки сообщений о преступлениях, так и в процессе расследования уголовных дел по полученным материалам.

Немаловажное значение на стадии проверки сообщений о преступлениях имеет опрос. В энциклопедическом словаре опрос трактуется как метод сбора первичной информации об объективных и (или) субъективных факторах со слов опрашиваемого [10, с. 932]. В юридической литературе существует мнение, что при проведении проверки информации о преступлениях вопросы тактики не имеют значения, а для получения объяснений достаточно вызвать опрашиваемого и задать ему вопросы. С данной позицией трудно согласиться. Во-первых, правильный выбор тактических приемов при проведении опроса позволит получить первичную информацию наиболее полной и правдивой. Во-вторых, установление психологического контакта следователя с опрашиваемым, правильный выбор тактических приемов, умелое использование имеющихся данных и сведений об обстоятельствах часто играют решающую роль в выявлении признаков преступления [2, с. 64].

Таким образом, представляется необходимым предварительно определить задачи и предмет опроса, субъектов, место, время и обстановку, ознакомиться с имеющимися данными о личности лица, подлежащего опросу. Следует также спрогнозировать возможность противодействия со стороны определенной группы опрашиваемых; с учетом типа личности и примерного перечня вопросов предварительно разработать необходимые тактические приемы, очередность постановки вопросов; рассмотреть возможность применения технических средств документирования.

Как показывает практика, опросы производятся экспромтом, игнорируя подготовительную работу к их проведению. Несомненно, такой подход негативно отражается как на результатах проверки заявлений, сообщений, иной информации об экономических преступлениях, совершаемых преступными коллективами, так и впоследствии на качество расследования, а в отдельных случаях на перспективу судебного рассмотрения дела.

Резюмируя изложенное, представляется следующая вероятная теоретическая модель тактики проверочных действий на этапе проверки информации о преступлении, совершенном организованными преступными формированиями в сфере экономической деятельности:

1) назначение и проведение документальной ревизии (аудиторской проверки) с целью обнаружения конкретных нарушений финансово-хозяйственной деятельности, отраженных в официальной бухгалтерской документации, ее изъятие и осмотр, обеспечение дальнейшей сохранности;

2) истребование необходимых документов у соответствующих физических и юридических лиц (контрагентов, партнеров, официальных организаций);

3) осмотр с помощью специалистов места происшествия, если имеется такая необходимость;

4) использование консультативной и практической помощи сторонних специалистов (бухгалтера, экономиста, технолога, фотозензика, программиста и других специалистов);

5) обеспечение присутствия проверяемых лиц при проведении ревизии (аудиторской проверки);

6) проверка полноты документального исследования, эффективности использованных методов, обоснованности выводов

ревизора (аудитора), их соответствие приобщенным к акту ревизии документам;

7) назначение дополнительной ревизии, если проверяющим были использованы не все приемы исследования документов или исследование проводилось неполно и поверхностно, а также если в акте содержатся существенные противоречия и неправильные выводы;

8) сбор сведений о лицах, потенциально причастных к преступлению и преступному коллективу, посредством доступных источников, поиска в глобальной сети Интернет, автоматизированных информационно-поисковых системах криминалистического назначения (АИПС), банков данных оперативного назначения;

9) ознакомление с документами (исходя из сложившейся ситуации):

- самостоятельно, на месте нахождения документов;
- истребовать необходимые документы;
- посредством консультации специалистов;

10) опрос лиц об объективных и (или) субъективных факторах преступления: времени, месте, способе, других обстоятельствах с целью обнаружения следов преступления;

11) получение образцов для сравнительного исследования, назначение и производство необходимых экспертиз, без применения разрушающих методов, приводящих к уничтожению объекта исследования, что обусловлено возможностью проведения повторного исследования.

Бесспорно, данная модель приведена лишь в качестве примера и не может претендовать на безусловность. В каждом конкретном случае набор последовательных инструментов, составляющих содержание тактической комбинации, будет отличаться, с учетом особенностей отдельных групп экономических преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями. Однако в любом случае сущность и содержание тактических комбинаций при проведении проверки сообщения о преступлении определяются необходимостью обнаружения и изъятия документов различного вида, несущих следы преступной деятельности в сфере экономики, и обнаружения признаков причастности к преступлению криминальной организации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андре Р. Роль IT-технологий в расследовании экономических преступлений [Электронный ресурс] / Р. Андре. — Режим доступа: <http://www.econcrime.ru> (дата обращения: 01.03.2014).
2. Андреев С.В. Основы криминалистического документо-ведения : курс лекций / С.В. Андреев, В.А. Образцов. — М. : Экзамен, 2006. — 320 с.
3. Афанасьев В.С. Рассмотрение сообщений о преступлениях / В.С. Афанасьев, Л.А. Сергеев. — М. : ВИИПРМПП, 1972. — 116 с.
4. Гамза В.А. Разработка и внедрение современных технологий управления финансовыми расследованиями [Электронный ресурс] / В.А. Гамза, И.Б. Ткачук, М.К. Чокпаров. — Режим доступа: <http://www.econcrime.ru> (дата обращения: 12.01.2014).
5. Доронин А. Бизнес-разведка / А. Доронин. — М. : Ось-89, 2007. — 528 с.
6. Королев А.М. О необходимости законодательного закрепления стадии доследственной проверки как гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина / А.М. Королев // Современное право. — 2008. — № 2 (1). — С. 52–53.
7. Нежданов И. Аналитическая разведка [Электронный ресурс] / И. Нежданов. — Режим доступа: www.mbaonline.com (дата обращения: 07.06.2013).
8. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : автореф. дис . . . д-ра юрид. наук / М.П. Поляков. — Н. Новгород, 2002. — 43 с.
9. Ронин Р. Своя разведка : практ. пособие / Р. Ронин. — Минск : Харвест, 1997.
10. Советский энциклопедический словарь. — 4-е изд. — М. : Сов. энцикл., 1988. — 1600 с.
11. Тюркин М.Л. Развитие и внедрение современных информационных технологий в системе МВД России [Электронный ресурс] / М.Л. Тюркин // Информационные технологии, связь и защита информации МВД России. — Режим доступа: <http://www.mvd.informost.ru> (дата обращения: 03.11.2012).

12. Черноусов А. Оценка эффективности потока деловой информации в сети Интернет / А. Черноусов, Н. Черноусова // Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция. — 2010. — № 1. — С. 151–154.

Информация об авторах

Кряжев Владимир Сергеевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и судебных экспертиз, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: irkcenter@isea.ru.

Никулина Наталия Юрьевна — магистрант кафедры криминалистики и судебных экспертиз, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: nanik75@list.ru.

Information about the authors

Kryazhev Vladimir Sergeevich — Candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the department of criminalistics and forensic expertises at Baikal State University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: irkcenter@isea.ru.

Nikulina Natalia Yuryevna — candidate for a master's degree, Forensic Science and Investigation Department, the Baikal State University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: nanik75@list.ru.

УДК 343.7
ББК 67.408

В.В. Хилюта

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦА К ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА ОСНОВАНИИ РАЗЪЯСНЕНИЯ УПОЛНОМОЧЕННОГО ОРГАНА В ПРАВЕ БЕЛАРУСИ

Рассматриваются проблемы привлечения лица к уголовной и административной ответственности на основании разъяснения

уполномоченного органа. Анализируется действующее законодательство на предмет его адекватного толкования и правоприменения субъектами налоговых правоотношений.

Ключевые слова: привлечение к ответственности, экономические преступления, разъяснение уполномоченного органа.

V.V. Hilyuta

PROBLEMS IMPOSITION OF LIABILITY UNDER EXPLANATIONS AUTHORIZED BODY IN LAW IN BELARUS

The problems of bringing a person to criminal and administrative responsibility on the basis of an explanation of the authority. Analyzes the existing legislation to ensure that it adequately the interpretation and enforcement of tax legal entities.

Keywords: the prosecution of economic crime clarification of the authority.

Юридическая ответственность всегда интересна с момента возникновения проблем ее применения и привлечения к ней юридических и физических лиц. Изучение проблематики привлечения лица к ответственности на основании разъяснения уполномоченного органа наиболее дискуссионное и актуальное в среде ученых-правоведов. Это вызывает ряд обоснованных суждений о степени защиты прав и законных интересов юридических и физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, и исключения их вины в совершении правонарушения в случае, если они руководствовались разъяснениями по применению законодательства о налогах и сборах, данными финансовым, налоговым или иным уполномоченным органом государственного управления.

Вместе с тем стоит заметить, что любой вид юридической ответственности основывается на принципах законности, равенства перед законом, неотвратимости ответственности, виновной ответственности, справедливости и гуманизма. А в соответствии со ст. 4.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) определено, что административная ответственность в Республике Беларусь выражается в

применении административного взыскания к физическому лицу, совершившему административное правонарушение, а также к юридическому лицу, признанному виновным и подлежащему административной ответственности в соответствии с КоАП.

В целях обеспечения принципа законности Министерством по налогам и сборам, Министерством финансов и Министерством экономики Республики Беларусь 14 июня 2013 г. подписано совместное письмо «О некоторых вопросах привлечения юридических и физических лиц к административной ответственности». Данное письмо широко обсуждается в кругу юридической ответственности, поскольку сей документ подготовлен в целях обеспечения защиты прав и законных интересов юридических и физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, и исключения их вины в совершении правонарушения в случае, если они руководствовались разъяснениями по применению законодательства о налогах и сборах, данными финансовым, налоговым или иным уполномоченным органом государственного управления.

Это и понятно, поскольку в настоящее время сложилась ситуация, при которой существует множество неясностей и неоднозначности в понимании нормативных предписаний, что вынуждает плательщиков обращаться за соответствующими разъяснениями в уполномоченные органы. Поэтому, как указано в данном письме, *«меры административной ответственности не должны применяться, если правонарушение явилось следствием выполнения плательщиком разъяснений уполномоченного государственного органа, т.к. в данном случае будет отсутствовать вина плательщика, действовавшего в соответствии с полученным разъяснением уполномоченного государственного органа»*. Однако буквально далее в этом же документе уточняется один немаловажный момент, который стал неоднозначно восприниматься и толковаться на практике: *«Следует иметь в виду, что выполнение плательщиком разъяснения уполномоченного государственного органа, полученное непосредственно этим лицом на основании письменного запроса, не повлечет применение мер административной ответственности только в том случае, когда такие разъяснения основаны на полной и достоверной информации, представленной плательщиком в запросе. Оценку полноты и*

достоверности информации, представленной плательщиком в запросе о получении разъяснений в уполномоченный государственный орган, должен давать орган, ведущий административный процесс».

Итак, первая посылка состоит в том, что разъяснения уполномоченных государственных органов, предоставленные лицу по вопросам применения законодательства о налогах и сборах, входят в число обстоятельств, безусловно исключающих возможность привлечения лица к административной ответственности. Искажая смысл налогового законодательства, такие разъяснения не позволяют субъекту соотнести свое поведение с действительным смыслом того или иного закона. В такой ситуации лицо просто не осознает противоправного характера своих действий, поскольку не может его осознавать, что исключает виновность этого субъекта.

Действительно, в сложных ситуациях налогоплательщики и налоговые агенты вправе получить от налоговых органов и других уполномоченных органов разъяснения по вопросам применения законодательства о налогах и сборах. Однако полагаем, что для применения положения данной рекомендации необходимо учитывать, что значение будут иметь только письменные, т. е. официально оформленные разъяснения должностных лиц соответствующих государственных органов.

Кроме того, в духе представленных разъяснений можно сказать, что на освобождение от ответственности могут претендовать только те субъекты, которые получили адресные разъяснения, т. е. разъяснения, которые даны были конкретному субъекту, претендующему на освобождение от ответственности. Использование «чужих» разъяснений, т. е. данных налоговыми и иными органами другим лицам, для освобождения от ответственности третьих лиц не будет считаться обоснованным. Фактически это объясняется тем, что каждый налогоплательщик является самостоятельным субъектом налоговых отношений, и разъяснения должны касаться именно его деятельности, операции и его конкретного запроса.

Формально такой вывод можно сделать из последнего абзаца рассматриваемого письма, в котором буквально сказано: *«Настоящее письмо не распространяется на применение письмен-*

ных разъяснений, данными уполномоченным государственным органом в отношении неограниченного круга лиц по запросам предпринимательских и иных объединений (союзов), групп плательщиков или без указанных запросов через непосредственную рассылку, публикацию в средствах массовой информации, размещение в глобальной компьютерной сети Интернет».

Сказанное также означает, что консультации и разъяснения должностных лиц государственных органов, публикуемые в официальных ведомственных изданиях, также не должны использоваться для обоснования невиновности лица в случае привлечения его к административной ответственности. Вряд ли такое положение вещей обоснованно, потому как тогда напрашивается риторический вопрос о «цене» подобных разъяснений или комментариев и их сущности. Речь, обратим внимание, идет исключительно об официальных ведомственных изданиях таких органов.

Что же касается разъяснений и консультаций, находящихся во всевозможных базах данных, то в каждом конкретном случае необходимо выяснять направленность такого письма и его адресата. Если это официальная позиция какого-либо государственного органа по вопросу разъяснения норм какого-либо законодательства, то естественно, возникает тот же вопрос: а если на основании такого разъяснения лицо привлекут к административной ответственности, то в чем тогда смысл подобных разъяснений? По всей видимости, содержащиеся в различных правовых базах и прочих изданиях письменные разъяснения, публикуются в неофициальном порядке и необязательны для исполнения. Они не содержат правовых норм или общих правил, конкретизирующих нормативные предписания, и не являются нормативными правовыми актами, вне зависимости от того, кому дано такое разъяснение — конкретному заявителю или неопределенному кругу лиц. Следовательно, эти письма имеют информационно-разъяснительный характер, поскольку они не являются официальным разъяснением уполномоченного государственного органа или его должностного лица, а представляют собой личное мнение авторов такого разъяснения.

Исходя из сказанного можно сделать вывод, что выполнение субъектом письменных разъяснений работника уполномоченного органа в форме «вопрос-ответ» по вопросам применения налого-

вого законодательства и опубликованных в специализированных печатных изданиях (информационно-правовых базах) не может являться обстоятельством, исключаящим вину этого лица, так как подобные разъяснения не являются официальными, а представляет собой чье-то личное мнение и не более того.

Также необходимо обратить внимание, что давать разъяснения вправе только уполномоченные должностные лица соответствующих органов, которые имеют соответствующий статус и компетенцию (полномочия). Разъяснения всевозможных специалистов, не являющихся должностными лицами, должны быть утверждены должностными лицами этих органов.

На практике имеют место и случаи, когда различные подразделения налоговых органов дают противоречивые разъяснения по запросу заинтересованного лица. Конечно, в такой ситуации возникает вопрос относительно того, может ли в этом случае подлежать применению «положительное» разъяснение той или иной налоговой инспекции. Представляется, что противоречивые разъяснения никоим образом не должны «аннулировать» те ответы налогоплательщику, которые даны в его пользу, поскольку все сомнения, неясности и противоречия законодательства о налогах и сборах должны толковаться в пользу налогоплательщика (здесь разноречивый характер подходов налоговых органов по порядку применения одной и той же нормы ярко демонстрируют ее неясность и противоречивость, что свидетельствует лишь об отсутствии вины в действиях конкретного лица).

Важно также обратить внимание, что в последующем для освобождения от административной ответственности налогоплательщику необходимо будет подтвердить (или доказать) тот факт, что при совершении правонарушения он выполнял и руководствовался именно письменными разъяснениями, данными уполномоченными государственными органами. Таким образом, можно констатировать, что у налогоплательщиков появилось достаточно действенное средство защиты своих прав и законных интересов посредством обращения с запросами в налоговые и иные государственные органы. В любой более или менее сложной ситуации, когда нет однозначного ответа на вопрос, как поступить в том или ином случае налогоплательщик может получить разъяснение по интересующему его вопросу. Тем не менее направле-

ние запроса и получение письменного разъяснения не значит, что содержащийся в нем ответ будут совпадать с мнением налогоплательщика, но у него появляется выбор: либо на свой страх и риск поступить по своему усмотрению и не использовать данное разъяснение в практической работе, либо воспользоваться данным разъяснением и обезопасить себя от применения административной ответственности.

Еще один вопрос, требующий своего обсуждения, касается элемента достоверности информации, представляемой плательщиком в соответствующий орган для дачи разъяснений. Естественно, что формулировку, содержащуюся в письме (*«выполнение плательщиком разъяснения... не повлечет применение мер административной ответственности только в том случае, когда такие разъяснения основаны на полной и достоверной информации, представленной плательщиком в запросе»*), не следует понимать буквально широко и искажать подлинный ее смысл. Практика в подобного рода случаях с наглядностью демонстрирует тот факт, что для формулирования того или иного вопроса плательщик сжато и емко готовит свой вопрос по существу и направляет его в уполномоченный орган. При этом он не прикладывает абсолютно все свои документы и имеющуюся информацию. В такой ситуации ни один уполномоченный орган не стал бы разбираться с сущностью представленной информации и ее полнотой.

Плательщик, анализируя свое положение, крайне заинтересован в том, чтобы максимально полно и достоверно представить имеющуюся у него информацию с целью получения надлежащего ответа. Смысла искажать какие-либо сведения у него никак не может быть, потому как вполне понятно, что при таком положении вещей полученный ответ уполномоченного государственного органа будет не совсем верным, так как основываться он будет на недействительных фактах. Представляется, что в этом случае указанные разъяснения немного выбиваются из общего контекста, поскольку в любом случае при выявлении ложности представляемой информации оценку полноты и достоверности информации, представленной плательщиком в уполномоченный государственный орган, будет давать орган, ведущий административный процесс, и в этой ситуации он никак не будет связан с

тем, какое разъяснение было дано соответствующим уполномоченным государственным органом.

Здесь важно только избежать ситуации, когда плательщик будет добросовестно заблуждаться относительно представляемой им информации, ибо в такого рода случаях заблуждение может блокировать вопрос виновности и противоправности действий лица (при умышленных действиях с его стороны, ситуация, полагаем, не подлежит обсуждению). Тем не менее неумелое ведение дел или незнание законодательства не может освободить лицо от ответственности. Считаем, что именно этим критерием и будут руководствоваться уполномоченные государственные органы, включая и те, которые ведут административный процесс.

Информация об авторе

Хилюта Вадим Владимирович — зав. кафедрой уголовного права и криминологии ГрГУ им. Я. Купалы, Республика Беларусь, кандидат юридических наук, доцент, 230005, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Дзержинского, д. 131, к. 136, тел. (0152) 70-33-13, e-mail: tajna@tut.by.

Information about the author

Hilyuta Vadim Vladimirovich — Head of the Department of criminal law and criminology GrSU them, Kupala, Belarus, PhD, Associate Professor, 230005, Republic of Belarus, Grodno, ul. Dzerzhinsky, 131, room 136, tel. (0152) 70-33-13, e-mail: tajna@tut.by.

ОТЗЫВЫ. РЕЦЕНЗИИ

УДК 343.13(470)
ББК 67.410.2(2Рос)

И.Г. Смирнова

**ОТЗЫВ
ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА О ДИССЕРТАЦИИ
РОЖКОВА ДМИТРИЯ ГЕННАДЬЕВИЧА
«ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО
ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ»,
ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ
СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.09 — УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС)**

В форме статьи представлен отзыв на диссертацию, посвященную одному из принципов уголовного судопроизводства — разумности срока и его обеспечению в судебном производстве, на этапе рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу в суде первой инстанции.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, разумный срок, суд первой инстанции.

I.G. Smirnova

**THE OFFICIAL OPPONENT'S OPINION
ABOUT THE THESIS OF DMITRY G. ROZHKOV: «THE
REASONABLE TERM'S PROVIDING IN THE FIRST JUDI-
CIAL INSTANCE IN THE CRIMINAL TRIAL», PRESENTED
FOR A CANDIDATE OF JURISPRUDENCE
(SPECIALTY 12.00.09 — CRIMINAL TRIAL)**

This article presents the official analysis of the thesis devoted to one of the principles of criminal legal trial — a rationality of term and its providing in the criminal trial during the first judicial instance.

Keywords: criminal trial, reasonable term, court of the first instance.

Одним из наиболее актуальных направлений современных научных исследований уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуального законодательства является изучение исследователями вопросов комплексного характера: назначения, целеполагания, аксиологической сущности уголовного судопроизводства, соответствия целей и средств процессуальной деятельности и, следовательно, возможных и наиболее приемлемых, необходимых в нашем обществе уголовно-процессуальных стратегий с учетом исторических, социальных, культурных и иных предпосылок.

Затянувшееся состояние постоянного изменения отраслевого законодательства, стремление привнести в российское уголовное судопроизводство правовые институты и механизмы, присущие иностранным правовым системам, необходимость приведения действующего уголовно-процессуального законодательства в соответствие с международными стандартами отправления правосудия по уголовным делам — вот те немногие тенденции, которые детерминируют появление в отечественной науке новых понятий. К числу последних в полной мере можно отнести понятие разумности срока уголовного судопроизводства.

Как известно, разумность как принцип права нашла свое закрепление в цивилистике. Так, ст. 99 ГПК РФ регулирует назначение процессуальных сроков с учетом принципа разумности, а в ст. 100 ГПК РФ упоминаются разумные пределы оплаты услуг представителя. Вместе с тем, несмотря на универсальный характер разумности как критерия принятия решения независимо от предмета вопроса, представители различных наук по-разному раскрывают его сущность. Например, философ В. Деком утверждает, что разумность — это установка на свободное применение рассуждения в дискуссиях. По мнению экономиста М. Гийома, разумность не имеет глобального смысла, но при крушении «великих порядков» помогает уменьшить нестабильность. Согласно меткому замечанию представителя литературной профессии Ц. Тодорова разумность не является свойством реальности, но есть установка человеческого духа, это скорее горизонт, чем тер-

ритория. Очевидно одно: разумность основывается на законах логики и обуславливает необходимость учета конкретных правовых условий деятельности. Однако анализ действующего уголовно-процессуального законодательства убедительно доказывает, что такие критерии нуждаются в конкретизации и систематизации.

Согласно положениям ст. 6.1 УПК РФ, а также действующему федеральному закону «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» разумности придан статус критерия соответствия сроков производства и последующего исполнения итогового процессуального решения. С одной стороны, указанные нововведения можно оценить как позитивные тенденции в изменении процессуального законодательства. Вместе с тем следует констатировать некоторую недостаточность таковых.

С этих позиций весьма значимо определение категории разумного срока в российском уголовном судопроизводстве, а также разработка действенного механизма реализации права на разумный срок производства и выплаты компенсации за нарушение такового.

Сказанное свидетельствует о высокой актуальности избранной темы исследования, сама постановка которой позволяет прогнозировать серьезные научные результаты.

До настоящего времени наиболее актуальные вопросы понятия разумности, ее значения в праве поднимались как цивилистами (например, Ю.В. Виниченко), так и представителями уголовно-процессуальной науки. Обеспечивая преемственность уже имеющихся знаний, диссертанту удалось дать ретроспективный и перспективный анализ механизмов обеспечения разумного срока судебного производства при рассмотрении и разрешении уголовных дел по существу.

В рассматриваемой диссертации с учетом исторического опыта РФ и через призму практики Европейского Суда по правам человека формулируется система критериев обеспечения разумного срока судебного производства, предлагается система организационных и процессуальных средств обеспечения разумного срока при производстве в суде первой инстанции, обосновываются реальные направления развития уголовного судопроизводства. Перечисленное однозначно подтверждает оригинальность темы,

злободневность поставленных проблем и безусловную научную новизну в обосновании путей и средств их решения.

В рамках избранной темы особый интерес представляет исторический раздел диссертации, в котором путем применения исторического метода исследования диссертант рассмотрел и систематизировал основные средства преодоления медлительности дореформенного уголовного процесса (с. 22–24). Среди системы sudoустройственных норм, способствующих решению указанной проблемы, первостепенное место, по мнению диссертанта, отводилось положениям об учреждении новой системы уголовных судов (с. 22). В этой связи небезынтересно было бы узнать позицию автора относительно того, каким образом современное объединение Верховного Суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ может сказаться на соблюдении сроков рассмотрения дел по существу в судах.

Отличается несомненной научной новизной вывод Д.Г. Рожкова об одностороннем характере подхода отечественного законодателя к оптимизации уголовно-процессуальной деятельности путем создания институтов, направленных на ускорение уголовного судопроизводства (с. 44–46), в то время, как ускорение и быстрота не всегда сами по себе отвечают требованию разумности. Представляется правильной и логически обоснованной позиция диссертанта о том, что разумный срок должен быть направлен не только на преодоление медлительности производства, но и на рациональное и эффективное использование времени, реально необходимого для установления всех обстоятельств дела (с. 46). Иными словами, положение о разумном сроке является средством сохранения баланса между необходимостью обеспечения права на скорый суд и соблюдением права на справедливое судебное разбирательство.

Серьезные новые научные результаты получены Д.Г. Рожковым при исследовании сущностных характеристик разумного срока как принципа, как обязанности должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело, осуществлять свою деятельность рационально и эффективно не нарушая основных прав и свобод личности, а также как периода времени, необходимого и достаточного для суда эффективного осуществления судебной деятельности (с. 60).

Следует признать логически выверенной и обоснованной позицию диссертанта по вопросу толкования термина «участники уголовного судопроизводства» в свете анализа положений Федерального закона от 30 апреля 2010 г. «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (с. 80–82), поскольку ст. 6.1 УПК РФ при выделении критериев определения разумного срока законодатель классифицировал участников на тех, чье поведение может пагубно отразиться на сроках производства по уголовному делу и лиц, в производстве которых это уголовное дело находится. Следовательно, под участниками уголовного судопроизводства в рамках такого критерия разумности срока как «поведение участников уголовного судопроизводства» следует понимать лиц, непосредственно заинтересованных в исходе дела и имеющих право на рассмотрение дела в разумный СРОК (с. 80).

Новые теоретические обретения Д.Г. Рожкова связаны с разработкой с учетом правоприменительной практики условий эффективности деятельности, направленной на соблюдение разумных сроков рассмотрения и разрешения уголовных дел в суде первой инстанции, которые автор подразделяет на следующие группы:

- законодательные;
- процессуальные;
- организационные;
- экономические;
- лично-профессиональные (с. 91–93).

Содержательны и теоретически обоснованы выводы Д.Г. Рожкова, касающиеся разграничения правовых инструментов обеспечения разумного срока производства на общие — оказывающие влияние на весь ход уголовного судопроизводства, например, принцип законности (с. 98–103), специальные, т.е. непосредственно регулирующие сроки в стадии судебного разбирательства (с. 103–107) и, наконец, сопутствующие — предписания, прямо не устанавливающие процессуальные сроки, но способные влиять на продолжительность производства в суде первой инстанции (с. 107–108).

В диссертации предлагаются интересные, с точки зрения аргументации, конкретные способы ускорения производства по де-

лу и механизмы компенсации за превышение разумного срока рассмотрения уголовных дел: придание правового значения обращений заявителей с просьбой об ускорении производства не только к председателю суда, но и прокурору или руководителю следственного органа в досудебном производстве (с. 162–162); наделение председателя суда самостоятельным статусом участника уголовного судопроизводства в силу наличия у него соответствующих полномочий (с. 165); наделение заявителя правом обжаловать определение (постановление) председателя суда об отказе в удовлетворении заявления об ускорении производства (с. 167); обязательность урегулирования случаев обращения об ускорении производства по делу, когда такое дело по существу рассматривается самим председателем суда (с. 168); определение предмета доказывания по данной категории дел (с. 173).

Есть в диссертации Д.Г. Рожкова и другие новые теоретические выводы, оценки и положения, большинство которых обоснованы и носят аргументированный характер.

Диссертационное исследование Д.Г. Рожкова может быть положительно оценено также с формальной стороны.

В первую очередь следует подчеркнуть достоверность и обоснованность результатов диссертационного исследования, которые не вызывают сомнений и подтверждаются анализом использованных автором методик и эмпирической базой исследования. В частности, на основании диалектического метода познания объективной действительности в работе нашли свое применение такие частные методы познания, как исторический, сравнительно-правовой, системно-структурный и иные.

Следует признать достаточным и объем использованных нормативных и научных источников.

При подготовке кандидатской диссертации автором, кроме того, использованы правовые позиции органов судебной власти, имеющие непосредственное отношение к предмету научного исследования.

Невозможность выживания государств в современных условиях без взаимодействия с другими странами обусловило повсеместное распространение проявлений глобализации, которая оказывает влияние абсолютно на все сферы социальной жизни, требует увеличения «прозрачности» границ между правовыми систе-

мами и их сближения путем унификации и стандартизации права. Это особенно важно для уголовно-процессуального законодательства, которое в силу своей специфики наиболее существенно вторгается в сферу основных, конституционных прав и свобод человека и гражданина. Поскольку процессы интеграции и глобализации взаимосвязаны друг с другом, постольку необходимо обобщать и учитывать уже имеющийся положительный опыт. В таком аспекте особое значение приобретает деятельность Европейского Суда по правам человека, который формулирует «прецедент толкования», обязательный в данном качестве для государства (в том числе и тогда, когда Европейским Судом по правам человека решение вынесено против другого государства). В этой связи отдельного внимания заслуживает то обстоятельство, что действенным средством аргументирования своих выводов и предложений диссертант избрал анализ решений Европейского Суда по правам человека, в том числе тех, которые вынесены против иных государств — участников Европейской Конвенции (например, с. 37–38, 66–70, 75, 77 и др.).

Эмпирическая основа исследования представлена результатами анкетирования 110 судей различных регионов РФ. Сформулированные выводы и авторские предложения по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства опираются на результаты изучения 268 уголовных дел и 156 материалов гражданских дел о присуждении компенсации за нарушение права на разумный срок судебного разбирательства, что обуславливает достоверность достигнутых научных результатов и их безусловную репрезентативность.

Опубликованные Д.Г. Рожковым по теме диссертации научные работы и практические рекомендации представляются важными как для науки, так и для правоприменительной практики. Основные идеи и выводы автора опубликованы в научных изданиях (в том числе в четырех рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации), обсуждены на кафедре уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Теоретическое значение работы заключается в углублении, конкретизации, систематизации научных знаний по вопросам и

актуальным проблемам защиты и охраны прав личности на разумный срок судебного разбирательства.

Практическая значимость работы, в свою очередь, определяется возможностью использования сформулированных предложений и выводов для оптимизации уголовно-процессуального закона и практики его применения, повышению эффективности деятельности судов первой инстанции, обеспечению своевременного рассмотрения и разрешения уголовных дел по существу (см. например, с. 12, 96, 103 и др.).

Отдельные результаты внедрены в учебный процесс и практическую деятельность судебных органов власти (с. 15).

Кандидатская диссертация Д.Г. Рожкова содержит совокупность новых научных результатов и положений, имеющих внутреннее единство, свидетельствующих о завершенности работы, ее самостоятельности и личном вкладе автора в уголовно-процессуальную науку.

Работа написана хорошим литературным и научным языком, выдержана стилистически, ее оформление отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям, представляемым на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Нельзя не подчеркнуть умение автора вести корректную научную полемику на страницах диссертации, аргументировать, логически грамотно и последовательно отстаивать концепцию обеспечения права личности на разумный срок судебного разбирательства по уголовным делам.

Автореферат диссертации адекватно отражает главные идеи и выводы автора.

Вместе с тем, как и во всякой фундаментальной монографической работе, охватывающей обширный круг проблем теории и практики, в представленной диссертации имеются спорные, недостаточно аргументированные или необоснованные выводы и положения, продиктовавшие следующие замечания:

1. Поддерживая в целом позицию диссертанта по вопросу о необходимости конкретизации критериев определения разумности сроков производства по уголовному делу положением о значении оперативного рассмотрения дела для заявителя (с. 95), полагаем спорным утверждение о том, что толкование данного критерия должно охватывать, в числе наиболее значимых прав и

свобод личности, право собственности и социальный статус заявителя (с. 95). Указанные права, бесспорные по своей сути, в качестве критериев оценки значения для конкретного лица оперативно-го рассмотрения дела требуют дополнительной регламентации.

В соответствии с ч. 1. ст. 19 Конституции РФ все граждане равны перед законом и судом. В свою очередь, ч. 2 ст. 19 Конституции РФ гарантирует равенство независимо от имущественного и должностного положения. Иными словами, принцип равенства граждан перед законом и судом не допускает приоритетного отношения к одним заявителям перед другими (в том числе по социальному и имущественному критериям).

2. В третьей главе диссертационного исследования Д.Г. Рожков дает положительную оценку разъяснениям п. 49 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 30/64 об обеспечении *индивидуального подхода* к определению размера компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или исполнения судебного акта в разумный срок (с. 179–180).

Вместе с тем, в работе представлен и обобщен положительный опыт иностранных государств определения размера компенсации за нарушение права заявителя на разумный срок судопроизводства (с. 178–179).

Поскольку в диссертации предлагаются реальные механизмы обеспечения соблюдения разумных сроков производства по уголовным делам, не считает ли диссертант целесообразным и закономерным установление конкретного размера компенсационных выплат с учетом предложенной системы критериев?

3. Не остался удовлетворенным в полной мере когнитивный интерес в части изучения анкеты для опроса представителей органов судебной власти и сводной таблицы результатов проведенного анкетирования, содержащихся в приложениях к диссертации. В частности, в ряде поставленных перед респондентами вопросов одним из вариантов ответа значится «иное». Анализ сводной таблицы результатов анкетирования показывает, что такое ответ, видимо, с конкретизацией некоторыми судьями был дан (см., например, Приложение № 2, вопрос пятый, восьмой, девятый, десятый, одиннадцатый). Кроме того, в целом следует признать в полной мере репрезентативным количество опрошенных судей (особенно, если учесть организационные сложности, свя-

занные с их опросом). Однако остается не совсем понятным выделение в этой категории респондентов подгрупп (руководителей федеральных судов, судей федеральных судов и мировых судей). Надеемся, что в процессе защиты диссертант в полной мере конкретизирует полученные результаты исследования и свою позицию в этой части.

4. В качестве несомненного достоинства диссертации отмечалось, что выводы и предложения автора по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства опираются на результат изучения 268 уголовных дел и 156 материалов гражданских дел о присуждении компенсации за нарушение права на разумный срок судебного разбирательства. Однако, по тексту диссертации аналитические результаты такого обобщения не представлены, что существенно украсило бы работу и придало выводам большую репрезентативность.

Вместе с тем высказанные замечания в основном касаются дискуссионных вопросов, носят характер научной полемики или рекомендаций, ни в коей мере не умаляют ценности фундаментального научного исследования и не оказывают принципиального влияния на общие выводы:

1. Положения, выносимые на защиту, отличаются принципиальной новизной и научно-практической значимостью.

2. Диссертация Рожкова Дмитрия Геннадьевича, выполненная по теме «Обеспечение разумного срока уголовного производства в суде первой инстанции», по своей актуальности, методологии, глубине проработки проблемы представляет собой самостоятельную, логически завершённую научно-исследовательскую работу, явившуюся результатом кропотливого, серьёзного исследования, проделанного диссертантом, и отвечает всем требованиям, предъявляемым к диссертациям, представленным на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

3. Рожков Дмитрий Геннадьевич заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 — уголовный процесс.

Информация об авторе

Смирнова Ирина Георгиевна — зав. кафедрой криминалистики и судебных экспертиз, доктор юридических наук, профессор, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

Information about the author

Smirnova Irina Georgievna — Doctor of Law, professor, Department chair of criminalistics and judicial expert examinations, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

Научное издание

**СИБИРСКИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Сборник научных трудов

Выпуск 1 (5)

Издается в авторской редакции

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 20.06.14. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 16,3. Тираж 500 экз.
Заказ .

Издательство Байкальского государственного университета
экономики и права.

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУЭП.